

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы

В. А. Житомирский

Апартеид по-британски

Annotation

В книге всесторонне освещается положение двухмиллионной массы «цветных» в Англии, прослеживаются истоки и корни британского расизма, показывается, как искусственно насаждаемые и подогреваемые буржуазной реакцией противоречия на расовой почве используются в целях разобщения и усиления эксплуатации трудящихся масс.

- [Житомирский Владимир Александрович](#)
    - [Введение](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Глава X](#)
    - [Глава XI](#)
    - [Глава XII](#)
    - [Источники и литература](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

***Житомирский Владимир
Александрович***
«АПАРТЕИД ПО-БРИТАНСКИ»
**(Империализм: события, факты,
документы)**

Введение

«Нацистские убийцы, убирайтесь!» — требуют жители Бриклейн, квартала «цветной» бедноты

Девять лет они живут при электрическом свете — окна их жилья наглухо забиты досками. Шантилал Вирджи и его супруга Дженит были вынуждены воздвигнуть вокруг своего домика подобие баррикады, чтобы хоть как-то защититься от многолетней осады, которой их подвергают местные расисты. Шантилал Вирджи — выходец из Кении, один из тех, кого в Англии именуют «цветными». Его жена — белая. И мракобесы

не простили им нарушения бытующих представлений о «расовой чистоте».

Супруги Вирджи живут в графстве Нортгемптоншир, в городке Ротуэлл. Но можно ли это назвать нормальной жизнью? Шантилала не раз избивали, причем дважды дело доходило до больницы. В окна летели камни, в двери ломились хулиганы. Его супругу осыпали площадной бранью. Не рискуя на ночь оставаться в доме, Шантилал и Дженит по вечерам садились в машину и уезжали подальше, чтобы переночевать прямо в ней. А что же полиция? Ведь пострадавший снабдил ее сделанными им фотографиями, запечатлевшими бесчинства расистов, и записанными на магнитофонную пленку их «тирадами». Блюстители закона в ответ... выдвинули обвинения против него самого. К осени 1984 г., когда об этой истории заговорила английская пресса, жизнь четы Вирджи стала сущим адом.

Расизм. Одна из острейших проблем, стоящих сегодня перед любым обществом, где существуют социальные баррикады, где реальная власть находится в руках относительно немногочисленного класса, владеющего средствами производства и эксплуатирующего основную часть населения. Случайно ли то, что расизм и капитализм неразрывны, подобно сямским близнецам? Нет, это закономерно. Ибо сама сущность капитализма, предопределяющая извечную погоню за магической прибавочной стоимостью, обуславливает существование эксплуатации людей, от которых зависит получение власти имущими этой прибавочной стоимости, то есть прибыли, чистогана. Система же расовой дискриминации, базирующаяся на различных человеконенавистнических и антинаучных «теориях», позволяет эксплуатировать людей труда с большей изощренностью.

Людам «второго сорта» работодатели стараются платить меньше. Их же первыми выставляют за заводские ворота. Тем самым создается мощная резервная армия труда, с помощью которой сдерживается социальная активность трудящихся, над которыми висит дамоклов меч безработицы. Усиленно насаждая вредную мысль о «неполноценности» той или иной расы, истэблишмент преследует задачу внести раскол в ряды трудящихся, ослабить их борьбу за насущные права.

Один из краеугольных камней капиталистической системы — расизм — используется западными идеологами в качестве социального громоотвода. На представителей «низших рас» взваливается ответственность практически за все беды общества. Безработица якобы порождается не органическими законами частного предпринимательства, а тем, что «цветные» перехватывают рабочие места у белых. Упадок городских районов вызван не эгоистической финансовой политикой властей, а тем, что там поселились «чужаки». Низкие стандарты в системе просвещения опять же связывают с необходимостью обучать детей темнокожих, а не с политикой урезывания расходов на социальные нужды. Аналогичные аргументы припасены и для сферы здравоохранения и социального обеспечения.

Расизм многолик. Хотя точнее будет сказать, что у него одно лицо, на которое одеваются разные маски. Вчера это была звериная маска фашизма, стремившегося истребить целые «неполноценные» народы. Сегодня это белый балахон американских куклуксклановцев. Это возведенный в ранг государственной политики апартеид Претории и сионизм Тель-Авива. И это — повседневная практика расовой дискриминации леди и джентльменов с Темзы...

Манипулировать суждениями по расовому вопросу в своекорыстных целях власть имущим удастся еще и потому, что проблема эта весьма непростая. Например, по вопросу о том, как и когда обособились различные группы людей, ученые не выработали единой точки зрения. Весьма интересные выводы были сделаны участниками Международного симпозиума экспертов ЮНЕСКО, проходившего в Москве в 1964 году. В принятом документе, в частности, подчеркивалось: «Все современные люди относятся к одному виду, называемому *homo sapiens*, и происходят от одного корня. Биологические различия между людьми определяются различиями в наследственном строении и воздействием среды на наследственную основу. Различия между особями одной и той же расы или одной и той же популяции часто бывают больше, чем различия в средних величинах между расами или между популяциями. Сочетание признаков у большинства особей не соответствует типологической характеристике расы. Некоторые физические признаки имеют всеобъемлющую и фундаментальную биологическую ценность для существования человека в какой бы то ни было среде. Различия, на которых основываются расовые классификации, не относятся к таким признакам. Поэтому с биологической точки зрения эти различия ни в коем случае не позволяют говорить об общем превосходстве или неполноценности той или иной расы. Смешение широко способствует сохранению биологических связей между группами людей и, следовательно, единству человечества в его многообразии».

Как подчеркивается в этом документе, подписанном крупными учеными СССР, США, Англии, ФРГ и многих других стран, биологические данные находятся в явном

противоречии с расистскими положениями, которые никак не могут претендовать на научное обоснование¹.

Говоря о расизме, следует отметить, что констатация биологических или психологических особенностей этнических групп — это еще не расизм. Расовая предубежденность рождается в тот момент, когда этим особенностям придается отрицательный оценочный смысл.

Только в последнее время эти вопросы всесторонне рассматривались в работах советских ученых: М. Крюкова «Истоки расистских идей в древности и средневековье», С. Токарева «Расистские теории XIX — начала XX в.», С. Козлова «Расизм и колониализм», М. Семиряги «Фашизм, расизм, национализм», А. Королевой «Расизм в странах Западной Европы (50—70-е годы)» и других статьях, составивших монографию «Расы и общество» (М., 1982).

Глубокий критический анализ теорий и практики расизма во всех его проявлениях ведется на страницах ежегодника «Расы и народы», который с 1971 года готовится Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. В выступлениях ученых здесь рассматриваются современные этнические процессы, прослеживаются исторические, социальные, психологические корни расовых предрассудков, развенчиваются современные концепции апологетов расизма.

Разумеется, современная научная литература, посвященная вопросам, связанным с существованием рас, отнюдь не исчерпывается перечисленными выше работами. Эта литература включает целый ряд фундаментальных трудов. Дальнейшая разработка различных аспектов этнографической науки осуществлена Ю. Бромлеем в книге «Современные проблемы этнографии» (М., 1981). Всесторонне рассматриваются актуальные проблемы теории нации и

национальных отношений в монографии М. Куличенко «Нация и социальный прогресс» (М., 1983).

Мысль об антинаучности расистских воззрений подтверждалась учеными бесчисленное количество раз. Совершенно очевидно, что основание, на котором базируются расистские теории, не научного, а иного происхождения. Корни расового и национального гнета следует искать в самой природе капитализма. «При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет нельзя, — подчеркивал В. И. Ленин. — Для этого необходимо уничтожить классы, т. е. ввести социализм»². Высшая стадия капитализма, империализм, еще сильнее обострила национальные и расовые противоречия. Это обусловлено общим кризисом капитализма, захватившим экономическую, социальную, политическую и духовную сферы.

На то, как глубоко своими корнями расизм уходит в почву исторических частнособственнических формаций, обращает внимание член-корреспондент АН СССР И. Григулевич. «Аристотель, как известно, — подчеркивает он, — утверждал, что часть людей создана крепкими и выносливыми, как бы специально предназначенными природой для тяжелого, подневольного труда. Другая же часть, господа, — слабые физически, но зато обладающие артистическими способностями, преуспевающие в философских и прочих науках. Это — элита, аристократия духа, рабовладельцы. Аристотелевская теория была взята на вооружение испанскими колонизаторами, которые доказывали, что индейцы предназначены самой природой быть рабами испанцев. Причем этих последователей Аристотеля отнюдь не смущало то обстоятельство, что индейцы были физически значительно слабее развиты по сравнению с испанцами, из чего следовало, согласно аристотелевской доктрине, что индейцы имели больше

оснований претендовать на роль господ и поработителей испанцев, чем наоборот»³. Однако конкистадоры задались целью завоевать открытые ими земли Нового Света, населенные миллионами индейцев, разительно отличавшихся от них не только верой, языком, укладом жизни, но и цветом кожи. Колонизаторы нуждались в «теоретическом» обосновании для осуществления своих алчных устремлений на законном основании. «Папа римский, ссылаясь на свои права наместника божьего на земле, т. е. властелина всего сущего и живущего, отдал во владение испанской и частично португальской короны вновь открытые земли, а богословы принялись услужливо доказывать законность конкисты ссылками на Библию и на расовую неполноценность индейцев»⁴, — отмечает И. Григулевич.

Псевдонаучными теориями о неполноценности представителей иных рас, их отсталости, которую они неспособны преодолеть без помощи белого человека, прикрывались более поздние колониальные захваты. Рассуждения о «цивилизаторской миссии», «бремени белого человека» и прочая демагогия в том же роде долгие годы сопровождали колониальный разбой, который творили промышленно развитые державы. Хорошо известно, во что выливалась эта «миссия» — в безудержный грабеж колониальных земель, жестокое угнетение и частичное уничтожение закабаленных народов.

Следует сказать, что идеи о расовом превосходстве людей с белой кожей, подкрепляемые «научными изысканиями» псевдоученых типа Ж. Гобино, Х. Чемберлена и иже с ними, отравили сознание части населения метрополий. Тем более что колониальный грабеж под столь благовидным предлогом позволял обогащаться не только представителям высших слоев

общества, но в известной мере и тем, кто составлял «средние слои». (Наиболее яркий пример — британская рабочая аристократия.)

Утвердив колониальное владычество над значительной частью-жителей планеты, европейская буржуазия, как отмечал В. И. Ленин, «привыкла считать себя пупом земли»⁵. «Христианство было объявлено светочем вселенной, белая раса — венцом творения. Принадлежность к ней стала признаком «права» избранных господствовать над представителями иных расовых групп, — пишут советские исследователи Н. Ножнова и Ю. Оганисян, ставя меткий вопрос: — Но разве что-нибудь изменилось бы по существу, если, предположим, в тех же исторических условиях европейцы были бы темнокожими, а весь прочий мир населен белыми людьми? В этом случае белый цвет стал бы признаком «низшей расы», черный — «расы господ», — отмечают они. — Дело не в окраске кожи и прочих расовых свойствах. Дело в том, что Европа опередила другие районы мира в развитии капитализма. Поработив темнокожие народы, европейцы доказали не свое «расовое превосходство», а превосходство нового для того времени общественного строя. И не в природе человека, а в социальной природе этого строя заложены зерна расизма»⁶.

Усиление национального и расового гнета в развитых капиталистических странах шло параллельно с распадом колониальной системы. Не желая мириться с потерей позиций в зависимых странах, капитал начал вырабатывать политику неоколониализма, одновременно увеличивая эксплуатацию национальных меньшинств в метрополиях.

В условиях нарастания классовых битв власть имущие старались канализировать социальное

недовольство в менее, по их расчетам, опасную сферу национальных и расовых конфликтов. Демагогическая пропаганда национальной или расовой исключительности, шовинизма осуществляется с помощью мощного аппарата средств массовой информации, через посредство различных правительственных и общественных организаций.

«Космополитизация капитала и растущая паутина транснациональных и многонациональных монополий, — отмечал один из руководителей Компартии США, Дж. Питтман, — рост капиталистической экономической интеграции создают благоприятную почву для сохранения расовой дискриминации, умножают различные методы и средства маскировки, к которым прибегает расизм. Мы являемся свидетелями возрождения лженаучной апологетики расизма в иных формах. Некоторые генетики и психологи вновь пытаются доказать, что эксплуатируемые народы якобы генетически неполноценны»⁷.

Надо подчеркнуть: основное содержание национального вопроса в западных странах проявляется в форме двух тенденций. Одна — к самостоятельному национальному развитию народов. Другая — к упрочению их связей между собой, постепенному сближению. Эти тенденции имеют как положительные, так и отрицательные аспекты, однако в условиях капиталистической действительности они ведут фактически к политическим и социальным конфликтам и потрясениям. Анализ такого конфликта в любом случае должен носить классовый характер.

Именно с этих позиций следует рассматривать приобретающий все большую остроту вопрос о «цветных» жителях Великобритании. Сейчас многие не слишком чистоплотные политиканы делают вид, что не

понимают происхождения этой проблемы. Зачастую, суть ее злонамеренно извращается, ответственность целиком взваливается на самих темнокожих. В итоге этим людям в довершение ко всем социальным тяготам приходится нести и бремя «вины», играть роль козлов отпущения за многочисленные беды британской экономики.

Подобная социальная демагогия призвана дезориентировать общественное мнение в Великобритании, облегчить властям проведение антинародной политики, курса на усиление гонки вооружений и урезывание ассигнований на социальные нужды.

Тщетность этих расчетов Уайтхолла становится очевидной всякий раз, когда Британию сотрясают мощные взрывы народного негодования. «Цветные» британцы не желают мириться с отведенной им ролью «людей второго сорта», не намерены безропотно выполнять роль социального громоотвода. Однако миазмы расовой ненависти и предубежденности весьма прочно внедрились в ткань английского общества. Язва расизма не заживает. Да и как она может зажить, если существуют мощные силы, заинтересованные в том, чтобы она осталась неисцеленной. В первую голову — это власть имущие, пресловутый британский истеблишмент, чью волю рьяно исполняет кабинет М. Тэтчер. Громоотвод расовой нетерпимости жизненно необходим кабинету тори для облегчения проведения антинародной политики.

О характере этой политики свидетельствует, например, Белая книга правительства, опубликованная в 1984 году. В ней сообщается, что военные расходы страны, за годы правления тори выросшие почти вдвое, еще увеличатся и составят в 1984/85 финансовом году 17 миллиардов 33 миллиона фунтов стерлингов⁸.

Непомерное бремя военных расходов — непроизводительных затрат — углубляет упадок экономики, подстегивает рост армии безработных, численность которой уже в начале 80-х годов перевалила за три миллиона.

Подводя итог четырехлетнего правления кабинета тори, журнал «Лейбор ресерч» в 1983 году привел такие факты. Почти все отрасли британской экономики пришли в упадок, приостановлены основные социальные программы. Закрылось 107 больниц, а большинству остальных требуется ремонт. Серьезные трудности переживает школа. Количество учителей уменьшилось на 40 тысяч. Свыше двух миллионов британцев неграмотны. Жестоким кризисом поражена сфера жилищного строительства. В безотлагательном ремонте нуждается примерно каждый четвертый дом из муниципального жилищного фонда...⁹

Подобная антинародная политика, ведущая к росту военно-политической напряженности и резко ухудшающая уровень жизни населения Великобритании, не может, разумеется, не наталкиваться на противодействие. Тут-то наряду с затасканным мифом о «советской угрозе» в ход идут разглагольствования о «вреде», который наносят британской экономике темнокожие. Всячески разжигается ненависть к бесправному «цветному» населению Британских островов.

Конечно, демагогия эта находит отпор со стороны прогрессивных сил, в первую очередь коммунистов.

Круги, насаждающие расовую ненависть, практикующие дискриминацию людей с небелым цветом кожи, подвергаются гневному осуждению всем прогрессивным человечеством. Народы, борющиеся против форпоста современного расизма — правителей ЮАР, встречают поддержку Советского Союза, других

социалистических стран, всех сил мира и прогресса. В первую очередь именно благодаря этим усилиям международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций не раз принимало резолюции, клеймящие позорную практику. Ведь расовая дискриминация — это вопиющее нарушение основных прав человека. Устав ООН гласит: «Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии»¹⁰.

Еще в 1963 году была принята Декларация ООН о ликвидации всех видов расовой дискриминации. Обратимся к некоторым ее положениям.

Дискриминация людей по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения, отмечается в ней, представляет собой посягательство на достоинство человеческой личности и осуждается как отрицание принципов, изложенных в Уставе ООН, как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека, как препятствие к поддержанию мирных и дружественных отношений между государствами и как обстоятельство, могущее нарушить международный мир и безопасность. Никакие государства, учреждения, отдельные группы или лица, говорится в статье 2 декларации, не должны в области прав человека и основных свобод проводить в отношении отдельных лиц, групп лиц или учреждений какой бы то ни было дискриминации по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения. Никакое государство не должно с помощью полицейских мер или иными способами поощрять, защищать или поддерживать какую бы то ни было дискриминацию.

Особые усилия, гласит статья 3, должны быть предприняты для борьбы с дискриминацией в отношении гражданских прав, приобретения гражданства, образования, религии, найма, труда и жилища. Все государства, призывала декларация, должны принять эффективные меры для пересмотра политики правительств и других публичных властей и отмены законов и правил, порождающих, а там, где она еще существует, укореняющих расовую дискриминацию. Они должны издать законы, запрещающие такую дискриминацию, и принять все необходимые меры для борьбы с предрассудками, приводящими к расовой дискриминации. Все люди равны перед законом и судом, указывается в статье 7. Каждый человек имеет право на личную безопасность и защиту государства. Все эффективные меры, говорилось далее, должны быть немедленно приняты в области преподавания, воспитания и информации с целью ликвидации расовой дискриминации и расовых предрассудков и поощрения взаимопонимания, терпимости и дружбы между народами и расовыми группами. Сурово осуждаются, гласит статья 9, всякая пропаганда и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения. Считается преступлением против общества и карается по закону всякое подстрекательство к насилию или акты насилия как со стороны организаций, так и со стороны отдельных лиц, направленные против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения. Чтобы провести в жизнь цели и принципы настоящей декларации, подчеркивается далее, все государства должны принять немедленные и позитивные меры, включая законодательные, для преследования в судебном порядке и (или) объявления

противозаконными организаций, которые поощряют расовую дискриминацию или подстрекают к ней, подстрекают к насилию или применяют насилие в целях дискриминации по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения¹¹.

Этот документ изложен так подробно не случайно. Декларация ООН была принята единогласно. И это яркий пример фарисейства британских политиков, нарушающих практически все ее статьи. Государственные органы практически не принимают шагов для запрещения деятельности профашистского «национального фронта» — политической партии, сделавшей ставку на разжигание расовой ненависти. Эта партия на вполне легальных основаниях участвует в выборах, проводит собрания и манифестации. Между тем ни для кого в Англии не секрет, что руки молодчиков из «национального фронта» обогреты кровью многих темнокожих жителей страны.

Декларация, о которой говорилось выше, послужила основой для Международной конвенции об устранении всех форм расовой дискриминации, которую Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1965 году подавляющим большинством голосов. Причем в отличие от декларации, имеющей рекомендательный характер, новый документ запрещал дискриминацию юридически. Отдельная статья (3) посвящена особому осуждению политики апартеида. В следующей статье говорится о том, что наказуемым по закону преступлением является «всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, подстрекательство к расовой дискриминации, всякие акты насилия против любой расы или группы лиц иного цвета кожи или этнического происхождения, подстрекательство к таким актам, а также оказание всякой помощи

расистской деятельности, включая ее финансирование»¹².

Конвенция также утверждает право человека любого цвета кожи на «равное отношение в судах», «защиту со стороны государства от насилия и телесных повреждений, причиняются ли они правительственными должностными лицами или же частными людьми, группами, учреждениями». Говорится о необходимости соблюдать «другие гражданские права», в частности «право на брак и выбор супруга», подчеркивалось: вне зависимости от этнического происхождения люди имеют право на труд, защиту от безработицы, равную оплату за равный труд, имеют право на жилище, здравоохранение, образование...¹³

«Характерно, — пишет советский исследователь А. Борисов, — что за каждый пункт Конвенции велась ожесточенная борьба; США, Англия и другие империалистические государства выдвигали всевозможные поправки, возражения и оговорки, которые затянули дискуссию почти на 3 месяца. 7 марта 1966 г. СССР, УССР и БССР в числе первых подписали Конвенцию»¹⁴. Такая ситуация весьма показательна. Ведь дискриминация по национальному или расовому признаку противоречит самой сущности социалистического строя. Поэтому в Советском Союзе официально она запрещена законом. Преступлением объявлена всякая проповедь расовой или национальной исключительности, ненависти и пренебрежения. В то же время главные империалистические державы, хотя порой в пропагандистских целях и вынуждены принимать постановления, якобы обеспечивающие равные права «цветному» населению, на деле лишь совершенствуют систему дискриминации этнических общин. В отличие от одиозного курса правителей Претории, открыто практикующих расовую

сегрегацию^[1], правящие круги Соединенных Штатов и особенно Англии действуют с оглядкой на мировую общественность. Однако при ближайшем рассмотрении суть отношения власть имущих к представителям небелого населения оказывается примерно одинаковой. Лик расизма в той же Англии прикрыт лишь слоем косметики. И то не всегда и не везде.

* * *

Проблема расизма, к сожалению, столь актуальна, что она буквально не сходит с повестки дня Генеральных Ассамблей Организации Объединенных Наций, заседаний ее специализированных органов, других международных форумов. Политика расизма была осуждена на заседании Совета Безопасности ООН, созванном в августе 1984 года по требованию группы африканских стран, на 37-й сессии подкомиссии ООН по предотвращению дискриминации и защите национальных меньшинств, проходившей летом 1984 года в Женеве¹⁵. ООН было провозглашено десятилетие действий по борьбе против расизма и расовой дискриминации. В рамках его в 1983 году состоялась II Всемирная конференция по борьбе против расизма и расовой дискриминации.

«Советский Союз, как это хорошо известно, неизменно поддерживает эту деятельность Организации Объединенных Наций и последовательно выступает за строгое выполнение требований о ликвидации любых форм и проявлений расизма и колониализма, — говорится в приветствии Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР

участникам конференции. — Продолжающееся существование этих позорных явлений оскорбляет совесть человечества, несовместимо с высокими понятиями достоинства и ценности человеческой личности».

Советские люди по праву гордятся величайшим завоеванием социализма — утверждением отношений взаимного уважения и дружбы всех наций и народностей своей страны, интернациональной солидарностью со всеми народами мира. «В соответствии с ленинскими принципами своей внешней политики, — подчеркивается в приветствии, — СССР будет и впредь вместе с другими миролюбивыми государствами, всеми прогрессивными силами решительно выступать за сохранение и упрочение международного мира, в поддержку народов, борющихся за свое национальное освобождение и социальный прогресс, против колониального угнетения, расизма и апартеида»¹⁶.

В резолюции XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в декабре 1984 года, подчеркивается, что Генеральная Ассамблея «вновь осуждает все тоталитарные или другие идеологии и практику, которые лишают людей основополагающих прав человека и основных свобод, а также равенства возможностей, включая нацистские, фашистские и неофашистские, основанные на расовой или этнической исключительности или нетерпимости, ненависти и терроре, и выражает свою решимость противостоять им».

Предлагаемая вниманию читателя работа рассказывает об одной из граней современного расизма — апартеиде по-британски.

И здесь хотелось бы сделать последнее вступительное замечание. Точнее, ответить на порой

возникающий вопрос: «Если темнокожим так несладко на Британских островах, то зачем они остаются там, почему не уезжают?» Кратко ответить можно было бы так. Они появились здесь как заметная община, поскольку потребовались власть имущим в Англии — как объект экономической, а затем и политической эксплуатации. Они не уезжают из Великобритании, потому что здесь уже ими пущены глубокие корни, а на их родине (или на родине их предков) в одной из стран, входивших в бывшую Британскую империю, их чаще всего ждет тяжкий удел. Последствия ограбления метрополией колоний сказываются и по сей день. Тем более что империалистический грабеж развивающихся стран не прекращается.

Глава I

Трагедия на Бримли-бай-Боу

В тот августовский вечер Каюмарц Анклесариа, закончив работу в гараже, как обычно, возвращался домой на метро. В Лондоне подземка — транспорт, пожалуй, самый быстрый. Хотя, пока до своей станции доедешь, успеешь передумать о многом. Вот он и думал.

Да, ему, 45-летнему человеку, выходцу из Азии, давно перебравшемуся в Англию, можно считать, повезло. Такое отличное место, как должность автомеханика, — это шанс, который выпадает далеко не каждому. А он, человек с кожей оливкового цвета, должен быть счастлив вдвойне. Ведь таких, как он, на работу принимают последними, а выгоняют первыми. И Каюмарц подумал, какой он все же везучий человек.

Таковыми или же примерно такими мыслями был занят Анклесариа — об этом можно лишь гадать, поскольку корреспондент газеты «Гардиан», поведавший о канве этой истории¹, и сам не мог знать о них. Почему? Для ответа на этот вопрос нам надо вернуться в лондонское метро.

...Вагон подземки дернулся — поезд, миновав очередную станцию, начинал набирать ход.

Это дало мыслям Каюмарца новое направление. Скоро вносить плату за квартиру. Он прикинул другие предстоящие расходы. Получалось, что от зарплаты кое-что останется. Все же хорошее у него место в гараже и вообще все неплохо, подумал он. И от этой мысли на губах его появилась легкая улыбка.

Он улыбнулся, и это было последнее, что он сделал в этой жизни. Его улыбка вывела из себя другого

пассажира—20-летнего Джона Тилла, который вместе с двумя приятелями ехал в том же вагоне и уже давно бросал косые взгляды на Каюмарца. «Проучить бы этого паршивого иммигранта», — процедил он друзьям. «Вот и давай, проучи. Продемонстрируй, чему тебя в твоём клубе научили. Да гляди, он же смеется над нами!» — подлил масла в огонь один из приятелей.

И Джон не подкачал, не уронил себя в глазах друзей. Позволить насмехаться над собой какой-то образине? Ну уж, нет. Отточенным приемом — страшным ударом ногой в голову Джон сбил Каюмарца на пол вагона. Недаром на тренировках Джона хвалили — удар удался, смерть наступила почти сразу.

Здесь же, на станции Бримли-бай-Боу, его арестовали лондонские «бобби». «Делать, что ли, им нечего, — подумал Джон, когда его вели под локти. — Зачем только огород городить из-за какого-то черномазого...»

Видимо, примерно так же рассуждал судья Коумин, когда выносил приговор убийце темнокожего человека: два года тюрьмы «за неумышленное убийство». Однако адвокатов и это не устроило. Они отыскивали некий параграф, согласно которому английский закон предписывает лицам до 21 года, признанным виновными в непреднамеренном убийстве, выносить два вида приговоров— шестимесячное либо же трехлетнее тюремное заключение. Увидев этот параграф, судья Коумин схватился за голову: как он мог допустить подобную ошибку и вынести столь суровый приговор за такое, в сущности незначительное правонарушение. Конечно же сократить срок до шести месяцев.

Мысль о том, чтобы приговорить 20-летнего убийцу хотя бы к узаконенному трехлетнему сроку, судье, по-видимому, в голову не пришла. Поскольку же к моменту вынесения нового вердикта Тилл уже пребывал под

стражей полгода, он и был благополучно отпущен на волю. Получив тем самым возможность продолжать совершенствовать свое смертоносное мастерство в клубе карате и применять его на практике, если какой-нибудь паршивый черномазый вновь оскорбит его...

История эта говорит о многом.

Ведь произошла она не где-нибудь в южных штатах Америки и не в 50-е годы, а в британской столице, и совсем недавно — суд вынес окончательное решение, когда шел отсчет уже девятого десятилетия XX века. Произошла эта история там, где так любят поучать другие страны и народы относительно того, как следует трактовать понятие «права человека», как эти права надобно блюсти и оберегать. О том же, как в самом Лондоне рассматривают это понятие, говорит хотя бы «человеколюбивый» вердикт, позволивший убийце разгуливать на свободе.

Или сам факт хладнокровного и вроде бы немотивированного убийства — он свидетельствует: расизм, ненависть к темнокожим иммигрантам пускают все более глубокие корни на Британских островах.

Во время одной из манифестаций темнокожих иммигрантов в Лондоне демонстранты несли транспарант со словами: «Мы здесь, потому что вы были там». Слово «вы» было при этом подчеркнуто жирной линией. И неспроста.

Еще относительно недавно значительная часть земной суши на географических картах была выкрашена в зеленый цвет — колонии, полукolonии, доминионы Великобритании. Британская империя охватывала гигантскую территорию в 34 миллиона квадратных километров. «Корона» вершила судьбы сотен миллионов людей. Захватив над ними власть силой оружия, колонизаторы действовали затем в точном соответствии с законами капитализма: нещадно эксплуатировали их ради святая святых мира чистогана

— прибыли. Доходы вывозились в метрополию, а «туземцам» взамен подсовывались рассуждения о «бремени цивилизаторской миссии», которое вынужден нести «белый человек», бескорыстно пекущийся-де лишь об их, туземцев, благоденствии и приобщающий их к «благам цивилизации». Фиговым листком фарисейства Лондон усердно старался прикрыть алчность британских финансовых тузов.

Этой показной заботой проникнут принятый в 1914 году закон о британском гражданстве. Согласно ему — в интерпретации Лондона, — для всех жителей империи якобы «открывались все двери в Англии»². На деле же этот закон никаких перемен в систему взаимоотношений метрополии с ее колониальными владениями практически не внес.

Несколько иной характер носил принятый в 1948 году новый закон — закон о британской национальности. Он провозглашал жителей стран Британского содружества одновременно гражданами «Соединенного Королевства и колоний». По мнению некоторых специалистов, он преследовал цель покрепче привязать к Лондону его владения. Такую точку зрения высказывает, в частности, американский журнал «Тайм». Заметим, кстати, что, вторя лондонским политикам, заокеанский еженедельник усматривает в их действиях благородные мотивы: новый закон был принят якобы и чтобы «отблагодарить» жителей зависимых территорий за мужество, проявленное ими в годы борьбы с фашизмом, когда они сражались под британским «Юнион Джеком»³. Справедливо утверждая, что новое законодательство «создавало юридическую базу для последующих волн иммиграции»⁴, американский журнал замалчивал главное — мотивы экономического характера. Дело в том, что в послевоенные годы Великобритания

испытывала острую нехватку дешевой рабочей силы. Главным образом для решения этой проблемы и был принят новый закон.

Весьма реалистически рассматривает эти вопросы западногерманский еженедельник «Шпигель». «В 50-е и начале 60-х годов, когда быстро развивавшиеся компании континентальной Европы обеспечивали себя рабочей силой из стран Средиземноморья, когда миллионы иностранных рабочих трудились на фабриках и стройплощадках Франции, Германии (Западной, — В. Ж.), Голландии и Бельгии, англичане имели еще в своем распоряжении самую дешевую рабочую силу. В колониях Карибского бассейна, а также в странах Британского содружества наций на полуострове Индостан и в Африке английское правительство и крупные предприниматели вербовали людей на такие работы и места, от которых англичане отказывались уже тогда. Они предназначали их для вывоза помойных отходов, для ночных смен в тяжелой промышленности, для трудной работы на транспорте»⁵, — отмечал «Шпигель».

Думается, весьма уместно употреблен в этом контексте и глагол «вербовать». Действительно, шла форменная вербовка. Всевозможными (зачастую заведомо лживыми) обещаниями людей буквально заманивали на Британские острова. Им сулили лучшую зарплату, лучшие жилищные условия, нежели то, на что они могли рассчитывать в своих странах. Посулы высоких окладов и всяческого процветания оборачивались грязной и тяжелой работой за мизерную по английским меркам заработную плату. Излишне говорить, что зазывалы хранили гробовое молчание относительно подоплеки британского благоденствия — ни слова не сообщалось о том, что процветание Англии является прямым следствием обнищания ее

колониальных владений, а завлекаемым ныне в Великобританию жителям этих стран предлагались не щедрые оклады, а по сути дела часть законно принадлежащих им средств, присвоенных колонизаторами.

В своих расчетах столпы британского истеблишмента учли, казалось бы, все. И стремление многих жителей колоний вырваться из беспросветной нужды, даже если для этого надо надолго покинуть родные места. И те барыши, которые сулила операция по привлечению дешевых рабочих рук... Не учли, пожалуй, лишь одного. Того, что колониальная эра находится на излете. И что не вечно «туземцы» будут «знать свое место» и мириться с притеснениями со стороны власть имущих. Но все это Англия почувствует позднее, а пока, в 50-е годы, лондонские, бирмингемские, йоркширские предприниматели пребывали в состоянии эйфории от возможности манипулировать новым отрядом дешевой и достаточно безропотной рабочей силы.

Впоследствии, как бы спохватившись, британские политики попытались кое-что подправить в своих расчетах. Но в сущности было уже поздно. Отражением этого смятения стали и принимаемые все новые законы, касающиеся «цветных». Показательная деталь: их положения раз от разу становились все более усложненными и расплывчатыми. Разве под силу разобраться в своих «правах» иммигранту, если даже британские юристы сетовали на противоречивость законоположений, на нечеткость формулировок. Но ведь именно это и позволяет сохранять свободу рук Лондону в его стремлении манипулировать судьбами миллионов «цветных» британцев.

В 1962 году, когда экономическая конъюнктура изменилась и нужда в дополнительной рабочей силе отпала, был принят новый закон об иммигрантах из

стран Содружества. В соответствии с ним чиновники иммиграционной службы получали право отказывать во въезде любому гражданину страны Содружества⁶. Однако сказалось действие закона 1948 года: многие желающие приехать в Великобританию из стран Содружества располагали документами, подтверждающими их британское гражданство. Лондон поспешил принять новый закон (это произошло в 1968 году), обуславливавший, что беспрепятственным правом на въезд в Соединенное Королевство могут пользоваться лишь те, кто сам либо чей отец или дед родились на его территории⁷.

Еще более жесткие ограничения на въезд вводились положениями закона 1971 года. Впредь допускалась выдача минимального числа разрешений на въезд — примерно две тысячи в год. При этом речь шла о лицах определенных профессий и о ситуациях, когда незанятых представителей этой профессии в Великобритании не имелось. В каждом отдельном случае в разрешении указывалось точное место работы. Само разрешение сопровождалось ограничением времени пребывания в Англии. Нарушение одного из этих указаний влекло за собой депортацию из страны⁸.

Эти законодательные шаги Лондона, а также принятый в 1982 году закон о гражданстве — он заслуживает того, чтобы о нем поговорить подробнее, — уже мало что могли изменить. Прослойка небелых жителей в Англии была создана. К началу 80-х годов общее количество выходцев из бывших британских колоний достигло (вместе с детьми) почти двух миллионов человек. В частности, из стран Карибского бассейна в Англии обосновалось свыше 600 тысяч человек. 430 тысяч прибыли из Индии, 240 тысяч — из Пакистана. 50 тысяч приехали из Бангладеш. Около 300 тысяч — с Африканского континента,

примерно такое же число людей прибыло из других районов мира. В результате в 1979 году небелое население Великобритании достигло почти 3,5 процента общей численности жителей страны⁹. В 1982 году фигурировала цифра 2,3 миллиона «цветных»¹⁰.

Перед всемогущим иммиграционным чиновником...

...Одним из приехавших был и Каюмарц Анклесариа. Он уже вычеркнут из числа живых. И не трагический случай тому виной. Сама атмосфера, которая сегодня создана в Англии властью имущими вокруг иммигрантов, служит катализатором для такого рода трагедий. А сами эти трагедии давно стали заурядным явлением. Приведем только одну цифру: по данным лондонской печати, за первое полугодие 1984 года число террористических акций в отношении темнокожих граждан увеличилось вдвое по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

Глава II

«Гуманисты» из иммиграционной службы

Брайтон — город курортный. В летнюю пору местные пляжи влекут многих англичан. Зимой на них обычно пустынно. Но в один из февральских дней 1980 года пляжи заполнили тысячи людей, многие из них прибыли издалека.

Что привлекло их сюда? Все они торопились присутствовать при необычном действе — снятии с мели греческого судна «Атина Б», выброшенного жестоким штормом на береговой песок. Что ж, каждый, как говорится, ищет себе развлечения по вкусу. Но не об этом пойдет речь.

Спасательные шлюпки проделали недалекий путь по бушующим волнам до несчастного судна и благополучно сняли с него команду. Затем и само судно было снято с мели. Действо для зевак завершилось. Можно было возвращаться в родные города и городки, чтобы за домашним чаем или кружкой пива в своем «пабе» обсудить увиденное. А между тем одно обстоятельство для зевак осталось за кадром. Три человека из команды «Атина Б» прямиком из спасательной шлюпки были доставлены в полицейский участок города Шорема. Там их на пять суток заперли в камере. Затем транспортировали в столичный аэропорт Хитроу. Здесь посадили в самолет и выслали в Индию.

Почему именно туда? Потому что трое матросов были индийского происхождения. А этого для британских иммиграционных чиновников достаточно, чтобы заподозрить любого в намерении незаконно обосноваться в Англии. В таких случаях работники

службы иммиграции не знают жалости. Вот и этим троим, только что пережившим суровый шторм и вымокшим до нитки, не дали возможности сменить одежду. Разумеется, им не позволили произвести расчет с капитаном или владельцем судна, получить положенную компенсацию за утраченную личную собственность. Для чиновников было важно другое: ни на йоту не отступить от инструкций, предписывающих оберегать Британию от «незаконных иммигрантов».

Рассказавший об этом случае в письме в газету «Гардиан»¹ представитель организации «объединенный совет по социальному обеспечению иммигрантов» (ОССОИ) Джон Пламмер пишет: «Существует множество мифов о нелегальном въезде в страну, однако предположить, что матросы стали бы рисковать своей жизнью, устроив кораблекрушение для того только, чтобы быть допущенными на этот «венценосный остров», было бы на грани фантастики. Тот же факт, что после жутких испытаний их из спасательной шлюпки препроводили в камеру полицейского участка, вызывает просто ярость».

Но быть может, конкретные иммиграционные служаки проявили излишнее рвение?

Автор письма в «Гардиан» опровергает подобное предположение, приводя случай с командой судна «Калипсо», происшедший в августе 1978 года. Во время трудового спора с владельцами «Калипсо» (команда требовала повышения оплаты и улучшения условий работы) матросы были сняты с борта корабля и доставлены на берег. 23 моряка оказались выходцами из Индии. Никто из них ни в письменной, ни в устной форме не высказывал желания остаться в Великобритании. И тем не менее все 23 были отправлены на всякий случай за решетку. Спустя месяц

без предъявления им каких-либо обвинений их депортировали из страны, выслав в Индию².

Если так поступают с людьми, ненароком ступившими на британскую землю и не собирающимися на ней обосноваться, то что ждет тех, кто собрался приехать сюда, скажем, к родным? На гостеприимный прием им рассчитывать не приходится. С первых же шагов человек с небелым цветом кожи — и, добавим, в отсутствии солидной чековой книжки — столкнется с откровенным расизмом.

Бедную студентку из Нигерии или крестьянку из Бангладеш, приехавшую к своему мужу, живущему здесь, будут значительно интенсивнее засыпать вопросами, нежели японского финансиста или владельца отеля из Саудовской Аравии, писала газета «Обсервер»³. Многих этот допрос может сбить с толку, особенно женщин из азиатской «глубинки», впервые в жизни вступающих в столь обстоятельную беседу с европейским мужчиной. Да когда этот джентльмен настроен к тому же предвзято. Наблюдатели отмечают, что «в ходе исполнения своих обязанностей чиновники проявляют расистскую предубежденность, а впечатлительные молодые служащие действуют под влиянием сенсационных газетных статей, пестрящих выражениями типа «наводнение», «нескончаемый поток» и тому подобными»⁴.

Уже в лондонском аэропорту Хитроу их будут рассматривать как «людей второго сорта»

О тех, кто сеет эти панические настроения, недвусмысленно высказалась в специальной редакционной статье «Гардиан». «Главную опасность для хороших межрасовых отношений в нашей стране, — писала она, — представляет не нашествие все новых иммигрантов. Никакого нашествия и в помине нет, имеется лишь тоненький ручеек... Главную опасность для хороших межрасовых отношений представляют собой министры и видные парламентарии, которые завышают число приезжающих».

Между тем официальная статистика свидетельствует о том, что число новых небелых иммигрантов неуклонно снижается. «Иммиграция из Нового Содружества^[2] и Пакистана в минувшем году

вновь, как и на протяжении пяти последних лет, сократилась, — сообщала в 1981 году «Таймс». — Меньше заявлений на въезд в Соединенное Королевство было получено в Индии, Пакистане и Бангладеш, где сократилось и число уже ожидающих разрешения на въезд. Статистические данные министерства внутренних дел свидетельствуют, что из Нового Содружества и Пакистана — термин, используемый как эвфемизм для обозначения цветной иммиграции, — в Соединенном Королевстве обосновалось 33 700 человек, из которых 19 100 прибыло сюда, а остальные получили право на постоянное проживание после снятия временного ограничения. Это означает сокращение иммиграции на девять процентов по сравнению с 1979 годом и является самой низкой цифрой с 1973 года. На 14 процентов сократилась очередь ожидающих разрешения на въезд на Индостанском субконтиненте, где поступило 18 600 заявлений, что на 5 тысяч меньше, чем в 1979 году. На конец минувшего года ожидали разрешения на въезд 23 600 человек, 60 процентов которых — дети, а 30 процентов — жены (иммигрантов, обосновавшихся в Англии.—В. Ж.). Также сократилось — на 1600, до 5100 — число людей, которым был разрешен въезд для совершения бракосочетания; четыре пятых из них прибыли из Индии и Пакистана»⁶.

За год до этого «Таймс» опубликовала данные за 1979 год. Сравнивая с итогами предшествующего, 1978 года, она указывала, что число иммигрантов из Индии, Пакистана и Бангладеш сократилось на 12 процентов⁷.

Официальные правительственные данные между тем вызывают весьма серьезные сомнения. И не у одних только левых. От них правительство тори может позволить себе отмахнуться. Данные о числе обладателей британских паспортов среди жителей

Содружества— по данным Форин офис, только в Индии их 39 тысяч — были опровергнуты видным членом парламента от консервативной партии Джоном Уилером. После поездки в Индию он заявил в парламенте: «Складывается впечатление, что точная цифра не известна никому. У нас же имеются все основания предполагать, что цифра 39 тысяч является серьезным преувеличением»⁸.

Государственный министр внутренних дел Тимоти Рейсон пытался слабо защищаться: если сведения британского МИДа о существовании 39 тысяч обладателей английских паспортов и неверны, правительство все равно вынуждено сокращать поток приезжих⁹. Постарался как-то ослабить острую ситуацию один из руководителей Форин офис, Д. Партридж. В письме, направленном в парламент, он согласился, что фигурировавшая цифра есть плод, как он выразился, «бумажной статистики», которая является крайне ненадежной. Все же, писал он, данные «не взяты с потолка»¹⁰.

Лондон не останавливается ни перед чем, чтобы максимально затруднить въезд в страну небелых британских граждан. Показательна в этом плане история примерно 20 тысяч обладателей английских паспортов людей индийского происхождения. Высланные из Уганды в начале 70-х годов правительством Иди Амина, проводившим политику «африканизации» экономики страны, эти люди оказались в сложном положении. Великобритания не выразила готовности незамедлительно принять их. И тогда им предоставила возможность временно обосноваться Индия — до тех пор, пока Англия не изыщет возможности принять собственных граждан¹¹. За минувшие годы, исходя из им же установленных норм, Лондон должен был бы давно решить эту

проблему. Квота на въезд в страну обладателей британских паспортов в размере 5 тысяч в год остается цифрой на бумаге. В 1978 году, например, разрешение получили 1752 человека. В 1979 году еще меньше — 1604.

В коллективном письме в газету «Гардиан» 66 индийских ученых подчеркивается: «Многие из оказавшихся в Индии британских граждан по четыре-пять лет ожидают возможности воссоединиться с главой своей семьи, живущим в Великобритании. Европейская комиссия по правам человека квалифицировала иммиграционную политику английского правительства как расистскую и нарушающую права человека... Беспокоит тот факт, что получил широкое распространение миф о «затоплении маленькой Британии». В минувшем году (1980.— В. Ж.) число эмигрантов из Англии превысило количество иммигрантов на 60 тысяч. Глобальная миграция рабочих — факт XX века. История самой Англии отмечена широкомасштабной эмиграцией в колонии. Когда же Великобритания открыла двери для большого числа азиатов и вест-индцев в период после второй мировой войны, то сделала она это отнюдь не с благотворительными целями. Ей была нужна дополнительная рабочая сила, она предприняла соответствующие шаги, чтобы обеспечить ею себя. И если ныне английская экономика переживает кризис, то обвинять в этом иммигранте®, многие из которых давно приняли британский образ жизни, есть чистейшей воды расизм, воскрешающий в памяти нацизм. Уж во всяком случае, начиная с 1971 года первичная иммиграция была крохотной»¹³.

Действительно, стремление Лондона сократить число приезжающих из стран Содружества, выразившееся в ужесточении иммиграционных законов,

привело к несколько парадоксальным результатам. Обосновавшиеся в Англии выходцы из этих стран не рисковали покидать Британские острова из опасения, что впоследствии они уже не смогут вторично получить разрешение на въезд. Все больше и больше людей стремилось воссоединиться со своими родными и близкими. Тем более что это формально не противоречило действующим законам. Однако это противоречило сиюминутным интересам Лондона. И он всячески стремился воспрепятствовать этому. Даже обладателей британских паспортов он заставлял ожидать своей очереди по несколько лет.

В докладе «Британские заморские граждане», подготовленном в 1981 году «объединенным советом по социальному обеспечению иммигрантов», среди прочих приводится такой пример. Попавшая из Восточной Африки в Индию и потерявшая мужа мать пятерых детей является гражданкой «Соединенного Королевства и колоний». В 1975 году она подала соответствующие документы британским властям. В то время ее дочерям было соответственно 21 год, 19, 17 и 8 лет, а сыну — 13 лет. Если бы она тогда же получила, разрешение на въезд, все ее дети могли бы следовать вместе с ней (закон давал им такое право). Спустя шесть лет, к моменту опубликования доклада, старшим детям придется пытаться самостоятельно пройти многолетнюю процедуру оформления въезда в Англию¹⁴.

В том же докладе обнажается еще одна уловка лондонских крючкотворов. Установив квоту на въезд в Великобританию английских граждан — жителей стран Содружества в размере 5 тысяч в год, власти отдали значительную часть этой квоты — 3500 мест восточно-африканскому региону. Однако, подчеркивают составители доклада, там не осталось британских

граждан азиатского происхождения, которые хотели бы покинуть этот регион и еще не покинули его. В этой связи квота остается неиспользованной, поскольку министерство внутренних дел отказывается расходовать эту квоту на людей, проживающих в данный момент в других странах, в частности на выходцев из Восточной Африки, находящихся в Индии. «Нынешний период ожидания в Индии, — отмечается в докладе ОССОИ, — является, таким образом, плодом продуманной политики министерства внутренних дел: очередь давно могла бы исчезнуть без всякого увеличения установленной нормы въезда в Англию британских граждан»¹⁵.

Препоны, которые чинят английские власти иммигрантам, отнюдь не ограничиваются многолетней бюрократической волокитой. Тем, кому удалось добиться разрешения на въезд, еще предстоит пройти инквизиторский допрос иммиграционных чиновников уже на территории Англии. Если это родственники проживающего здесь человека, то им надо найти поручителя, который подтвердит, что они будут располагать средствами для существования¹⁶. Престарелые родственники вынуждены доказывать, что у них дома некому оказать им помощь и что их уровень жизни «значительно» ниже среднего¹⁷. По словам информационного агентства Пресс траст оф Индия, допросы учиняют даже пятилетним детям, с тем чтобы использовать полученные у них «показания» для отказа родителям во въезде в страну.

Дети приезжих подвергались не только психологическому давлению, но и весьма опасному для здоровья медицинскому обследованию. Это делалось втайне карантинной службой и случайно стало достоянием общественности. В 1979 году «Гардиан» сообщила, что детей потенциальных иммигрантов

подвергают рентгеновскому облучению, цель которого — определить возраст ребенка по степени развития костей скелета¹⁸. Делалось это людьми абсолютно некомпетентными, что создавало известную угрозу здоровью детей.

Назревающий скандал заставил правительство публично выразить озабоченность этой ситуацией и даже пойти на создание специальной комиссии. Ее возглавил сэр Генри Йеллоуис, один из руководителей министерства здравоохранения и социального обеспечения. Несмотря на точку зрения Всемирной организации здравоохранения о том, что проводить рентгеноскопию в немедицинских целях недопустимо¹⁹, комиссия Йеллоуиса заняла иную позицию. Основным составителем доклада, высокопоставленный чиновник министерства здравоохранения и социального обеспечения Джон Эванс, утверждал, что с помощью рентгена можно «со значительной степенью точности» определить возраст человека, чей организм находится в стадии роста. В докладе содержались и указания на то, что, разумеется, рентгеноскопия должна производиться специалистами.

Томительны для эмигрантов часы ожидания

Об уровне «специалистов» из аэропорта Хитроу, где устраивались эти «экспертизы», говорит тот факт, что министр здравоохранения и социального обеспечения указал: уровень обследования никак не соответствует стандартам национальной службы здравоохранения²¹. А группа профессиональных рентгенологов сделала заявление о том, что использование неквалифицированного персонала представляет риск для здоровья как обследуемых, так и самих обследующих²². Резкой критике подверглась эта практика в ходе ежегодной конференции Британской медицинской ассоциации. Было принято специальное обращение к правительству с требованием положить конец «радиологическим обследованиям, проводимым исключительно в административных или политических целях»²³.

Весьма аргументированно высказался по этому вопросу представитель Института детского здоровья Лондонского университета Н. Камерон. «Главное, что здесь следует понять, это то, что кости ребенка несут информацию о зрелости, а не о хронологическом возрасте. Пример для подтверждения этой мысли: зрелость скелета 12-летних английских мальчиков колеблется между «возрастом костей» в 10 и 14 лет. Некоторые дети, естественно, дальше ушли в своем развитии, другие отстают. Таким образом, вполне возможно увидеть результаты рентгеновского обследования 12-летнего мальчика, отражающие зрелость 10-летнего. И результаты другого — с данными среднего 14-летнего мальчика. Определить при помощи рентгена возраст костей в 12 лет — значит лишь предположить, что, по всей вероятности, ребенку от 10 до 14 лет. Однако даже это справедливо лишь в отношении английского мальчика, при этом должна применяться методика, предназначенная именно для

английских детей. Когда речь идет о ребенке, представляющем иную популяцию, например индийском, использование той же методики дает значительно больший временной разлет вследствие ряда таких причин, как уровень питания или здравоохранения. Вследствие всего этого использование рентгена «в качестве средства установления возраста» является нелепостью».

Тем не менее правительство тори благосклонно встретило выводы комиссии сэра Генри и объявило, что, невзирая ни на что, намерено продолжать эту практику²⁵. Такое решение вызвало еще большее возмущение. Резко негативно высказались Британская педиатрическая ассоциация, Королевский колледж радиологов, Национальный совет радиологической защиты²⁶, многие политические и общественные деятели. Правительство было вынуждено вновь создать комиссию, которую опять возглавил сэр Генри Йеллоуис. На сей раз ее выводы были кардинально противоположными, что скорее свидетельствует не о ее объективности, а о том, что она выполняла откровенный «социальный заказ». Ощувив, что страсти накалились слишком сильно и он предстает в невыгодном свете, официальный Лондон «прислушался» к мнению комиссии²⁷.

Между тем это был не единственный скандал, вызванный, мягко говоря, сомнительными действиями «медиков» от иммиграционной службы. Пожалуй, еще больше общественность была скандализирована просочившимися в печать сообщениями об обследованиях, которым подвергают девушек из азиатских стран.

Закон разрешал невестам приезжать к обосновавшимся в Англии молодым людям с целью заключения брака. Этим правом пользовались многие

молодые люди — выходцы из Индии, Бангладеш, Пакистана, где весьма сильны общинные связи. Чиновники карантинной службы, как выяснилось, долгое время проводили повальную проверку всех приезжающих девушек. На основании этого, с позволения сказать медицинского, обследования они делали глубокомысленный вывод — «невеста» это или же «не невеста». На прямой вопрос представитель министерства внутренних дел заявил без обиняков: проверка преследовала цель установить, является ли данная женщина «невинной девицей, то есть невестой»²⁸.

Хотя, по заявлению властей, такие обследования проводились с полного согласия приезжих, факты свидетельствуют об ином. Подробности оскорбительной процедуры предали гласности супруги Каккар, живущие в районе Саутхолл, в западном Лондоне. В 1979 году к обосновавшемуся здесь иммигранту индийского происхождения Банфи Лал Каккару приехала его невеста, 35-летняя школьная учительница из Индии. После ряда формальностей чиновник сказал ей, чтобы она сняла с себя всю одежду. «Затем вошел врач-мужчина, — рассказала она впоследствии корреспонденту «Гардиан». — Я попросила, чтобы меня осмотрела женщина, но мне в этой просьбе отказали». Она очень боялась, что ее отошлют обратно, и пошла на это унижение²⁹. Спустя некоторое время супруги Каккар за это оскорбление подали в суд на министерство внутренних дел³⁰.

Скандалная практика настолько шокировала общественность, что тогдашний министр внутренних дел лейбористского правительства Мерлин Рис поспешил объявить о немедленном прекращении этой процедуры. Однако задним числом, в докладе первой комиссии Йеллоуиса, власти попытались как-то

оправдать эту практику, заявив, что «обследования на невинность» преследовали цель определить, рожавшая эта женщина или нет³¹. Это утверждение, как видим, находится в явном противоречии с прежним заявлением официального представителя министерства внутренних дел.

Но и этот скандал, порожденный действиями джентльменов из иммиграционной службы, был не последним. Газета «Гардиан», весьма пристально следящая за данными вопросами, поведала о существовании специальной инструкции министерства здравоохранения и социального обеспечения³². В соответствии с ней службе медицинского контроля, работающей в тесном контакте с иммиграционными властями в аэропортах и других пунктах въезда в страну, предписывается подходить к людям, приезжающим на срок свыше шести месяцев, дифференцированно. Во исполнение этой инструкции, как стало известно, лица из стран ЕЭС подвергаются медицинскому обследованию лишь в случае, если «они обнаруживают очевидные признаки умственного или физического нездоровья». В то же время прочих лиц могут направить на обследование, если они, по мнению работников карантинной службы, «внешне выглядят не совсем чистыми». Но мало того. «Привилегированным» приезжим может быть отказано в разрешении на въезд только в случае обнаружения у них некоторых остроинфекционных заболеваний, однако лицам из стран Содружества могут указать на дверь, если их поведение будет расценено как «предосудительное». Расшифровывая этот расплывчатый термин, авторы инструкции включили и такое загадочное понятие, как «ненормальная сексуальность». Инструкция также предписывает отказывать во въезде не только носителям инфекционных болезней, но и всем, у кого

будет заподозрено какое-то умственное расстройство или же старческое слабоумие, а также обнаружена иная болезнь или физический недостаток, которые могут помешать данному человеку поддерживать себя и своих иждивенцев.

Преданная гласности, эта инструкция была справедливо расценена общественностью как расистская по духу и создающая новые предлоги для отказа во въезде в страну выходцам из стран Содружества.

Известно стало и еще об одном документе — циркуляре SC/291 министерства здравоохранения и социального обеспечения³³. В нем министерство предупреждало своих работников о риске заразиться туберкулезом от «иммигрантского населения». Этот документ был послан примерно в 500 медицинских учреждений, с ним были ознакомлены тысячи людей.

Между тем руководителям службы здравоохранения лучше, чем многим другим, известно: свыше 90 процентов англичан имеют иммунитет против туберкулеза³⁴. Так что циркуляр мог служить лишь для того, чтобы усиливать предубежденность против иммигрантов. После того как конфиденциальный циркуляр оказался обнародованным, официальные лица поспешили заявить: «SC/291 будет похоронен как можно более тихо и скромно»³⁵.

Вопрос о различных служебных инструкциях явно и скрыто расистского характера, которыми руководствуются иммиграционные чиновники и некоторые другие службы, вызвал немалое возмущение в слоях британской общественности. Примечательны в этом плане суждения юриста Лоуренса Гранта, одного из авторов книги «Иммиграционный закон и практика».

Повседневные иммиграционные решения, пишет он, принимаются отнюдь не на основании одних

утвержденных парламентом иммиграционных правил, но исходя из неопубликованных инструкций министерства внутренних дел чиновникам службы иммиграции. Закон об иммиграции гласит, что в ходе исполнения своих обязанностей работники этой службы должны действовать в соответствии с данными инструкциями, которые, как подчеркивается в законе, не «должны противоречить иммиграционным правилам». «Отчего же эти инструкции не могут быть опубликованы?» — задает вопрос Л. Грант. Тимоти Рейсон, государственный министр внутренних дел, ответственный за иммиграцию, отмечает далее Грант, сообщил «объединенному совету по социальному обеспечению иммигрантов», что «публикация принесла бы значительную пользу лицам, намеревающимся проникнуть в Соединенное Королевство незаконным путем, а также могла бы облегчить задачу тем, кто намерен обойти контроль». Между тем, продолжает юрист, например, министерство занятости и иммиграции Канады в октябре 1979 года предало гласности аналогичные сборники инструкций, и это не повлекло ни всплеска иммиграции, желаемого или нет, никто из иммиграционных чиновников не ушел с работы из соображений, что отныне невозможно эффективно осуществлять свои функции.

Это и наша земля, напоминают власть имущим иммигранты

Грант приводит целый ряд случаев, когда иммиграционные правила расходятся с действующими инструкциями. «Пришло время, — заключает он, — когда министерству внутренних дел следует поступить честно и открыто, опубликовав эти инструкции»³⁶.

Явные и скрытые препоны, система изощренных «проверок» и «обследований» приводят к соответствующим результатам. Так, из 58 взятых наугад приезжих с Индостанского субконтинента, которым британские власти отказали в разрешении воссоединиться со своими родными, 55 имели законное право остаться в Англии. Индийцы, приезжающие навестить родных в Великобритании, в 30 раз чаще получают отказ властей, чем приезжие из Канады или

Австралии, хотя нет никаких свидетельств того, чтобы они чаще нарушали правила въезда. Каждый восьмой житель Нового Содружества и Пакистана, получивший разрешение навестить родственников в Англии, ограничивается сроком менее шести месяцев. Министерство внутренних дел устанавливает обычно полугодовой срок, за исключением тех случаев, когда намерения приезжего вызывают сомнения. Между тем лишь каждому сотому гражданину Канады или Австралии продолжительность пребывания устанавливается ниже обычной. И только одному из 165 американцев не разрешается провести обычный шестимесячный срок. Собранный и представивший в парламент эти данные «объединенный совет по социальному обеспечению иммигрантов» указал на очевидную расовую предубежденность, которую демонстрируют официальные инстанции³⁷.

Одной из многочисленных жертв дискриминации стал учитель из Зимбабве Ричард Чаварсарира. У него был 15-летний практический опыт преподавания в школе, и ему пришло предложение из Англии пройти курс обучения в колледже Бишоп Лонсдейл в городе Дерби. Однако к тому времени, когда он добрался из Зимбабве до Лондона, а затем до Дерби, занятия уже начались. Ему предложили место на другом отделении, однако там следовало подождать некоторое время начала занятий. Чаварсарира тем временем стал посещать лекционные курсы по двум дисциплинам.

Однако занятия ему вскоре пришлось прервать— пришло распоряжение государственного министра Тимоти Рейсона, предписывающее ему покинуть Британские острова. Министр выдвигал сразу две причины этого решения. Во-первых, Чаварсарира якобы изменил свой статус: приехал как гость, чтобы стать студентом, а временно стал просто студентом. А во-

вторых, он не располагает необходимыми средствами, чтобы содержать себя. Джон Барнс, представитель колледжа Бишоп Лонсдейл, опроверг оба этих аргумента. Изменение статуса гостя на студенческий находится в пределах закона, подчеркнул он. Второй аргумент министра также не выдерживает критики: гость из Зимбабве проживает в Дерби у своего близкого родственника, а на первое время студенты и представители местной общественности собрали ему 500 фунтов стерлингов. К тому же Чаварсарира обратился с просьбой о выделении ему стипендии.

Однако ни доводы представителя колледжа, ни протесты Национального союза студентов и ОССОИ не возымели действия³⁸.

Живущие в Англии иммигранты часто не подозревают, что буквально за каждым их шагом следят. Дело доходит до того, что строго конфиденциальную информацию из их истории болезни, хранящейся в больнице, передают чиновникам министерства здравоохранения и социального обеспечения для дальнейшей передачи ее сотрудникам министерства внутренних дел. Так произошло, например, со студенткой, родившейся на Кипре и с детства проживающей в Англии. Клерк лондонской больницы св. Бартоломея Джоан Лигуд заподозрила, что пациентка — нелегальная иммигрантка, то есть находится в стране в нарушение иммиграционных законов. Тут же произошел телефонный обмен сведениями между нею и обоими министерствами. Узнав об этом, врач, лечивший девушку, доктор Мартин Бернстингл, написал возмущенное письмо в Британскую медицинскую ассоциацию. Сведения о здоровье пациента строго конфиденциальны, и врачам следует держать их в тайне. «И не дело посторонних вынюхивать, кого мы лечим. Весь этот механизм

контроля представляется мне весьма отталкивающим». «Гардиан» поместила статью об этом под красноречивым заголовком: «Министерство обязывает врачей шпионить за иммигрантами»³⁹.

Любая информация о приезде в случае необходимости может сделаться аргументом против него в руках властей. Ведь сколь медлительно и неохотно оформляют они разрешение на въезд в страну, столь энергично и изобретательно действуют, когда добиваются принятия решения о высылке из Англии очередного «цветного» иммигранта. Весьма показательна, например, история двух молодых пакистанцев, о которой рассказал корреспондент «Таймс»⁴⁰.

...У Мангу Хана, жителя Хемел Хемпстэда, и Мохамеда Замира из Бирмингема много общего. Оба родились в Пакистане в 1957 году. Их отцы приехали в Англию и обосновались здесь в 1962 году. Оба юноши обратились с просьбами разрешить приехать к их отцам спустя 10 лет. «На этой стадии, — не без сарказма пишет «Таймс», — более счастливым оказался Замир: машина британской бюрократии выдала ему визу спустя всего лишь три года, в ноябре 1975 года, когда ему было 18 лет». Хану же пришлось ждать почти шесть лет — до июня 1978 года, когда ему исполнился 21 год. Получив визы, молодые люди не теряли времени: Замир приехал на Британские острова в марте 1976 года, Хан — в августе 1978 года. При этом каждый из них незадолго до отъезда вступил в брак. Это-то и стало видимой причиной их последующих мытарств.

Дело в том, что у себя на родине они получили въездные визы в Англию как «не состоящие в браке и находящиеся на иждивении дети в возрасте от 18 до 21 года». После бракосочетания они, быть может не отдавая себе в этом отчет, изменили свой статус. Что

же, делом иммиграционных чиновников в аэропорту Хитроу было выяснить все обстоятельства перед принятием соответствующего решения. «Иммиграционные чиновники, — пишет газета, — наделены огромной, устрашающей властью, включающей право возвратить прибывшего обладателя визы незамедлительно назад, в случае если «изменение обстоятельств» устраняет основание для просьбы о въезде в страну. Для установления этого они также обладают правом задавать вопросы, и прибывшие обязаны правдиво отвечать на них. Если последние не отвечают правдиво, то получают немедленный отказ во въезде или же их депортируют позднее, когда становится известным истинное положение дел». Вопрос о бракосочетаниях Замира и Хана в Хитроу не обсуждался. Чиновник молча пропустил Замира. Хану же был задан только один вопрос: «Вы едете к вашему отцу?» На что он ответил: «Да». По его паспорту было видно, что в тот момент ему уже исполнился 21 год, причем произошло это еще до того, как ему дали визу. В феврале 1980 года апелляционный суд вынес постановление: поскольку представитель службы иммиграции мог собственными глазами убедиться, что приезжий находился вне категории «иждивенцев», и тем не менее позволил ему въезд, следовательно, это решение было сделано в пользу прибывшего вне зависимости от вопроса о его бракосочетании. В постановлении особо подчеркивалось, что в обязанность Хана не входило проявлять инициативу в предоставлении сведений об этом, если его самого не спрашивали.

Но почему вдруг возникло «дело Мангу Хана»? Потому что ему было вменено в вину введение в заблуждение представителей властей. И почти пять месяцев он провел за решеткой пентонвилльской тюрьмы.

За аналогичное «преступление» Мохамед Замир был также отправлен в тюрьму, где пробыл два с половиной месяца. Затем его судьба оказалась вверенной палате лордов, рассматривавшей его апелляцию. Мог ли совсем недавно подумать скромный пакистанский юноша, что им станет интересоваться столь уважаемый форум и что такой почтеннейший джентльмен, как лорд Уилберфорс, посвятит ему, Мохамеду, целую речь? Не мог, разумеется. И наверняка прежде не слышал об этом лорде. Хотя теперь это имя вряд ли забудет.

«Убеждение Замира предполагает, что его единственной обязанностью было давать ответы и что его долгом не было давать сведения по собственной инициативе. Я этого не могу принять, — громыхал лорд. — Это убеждение должно быть отвергнуто как можно решительнее... Чужестранец, добивающийся въезда в Соединенное Королевство, непременно обязан осветить все обстоятельства...» Речь настолько явно была пропитана предубежденностью против «чужестранцев», что даже «Таймс», с пиететом относящаяся к тому, что происходит в стенах палаты лордов, не выдержала. «В человеке столь видного положения и интеллектуальных способностей, как лорд Уилберфорс, — не говоря уж о его происхождении — подобное отношение обнаруживает просто поразительное отсутствие контакта с реальностью. Неужели следует напоминать, что иммигранты, чей уровень грамотности и способность выражать свои мысли часто не идут дальше отпечатка пальца на официальном документе («Таймс», разумеется, не распространяется о виновниках такой отсталости. — В. Ж.), кто, возможно, годами вынужден ожидать разрешения на въезд и кто должен работать день и ночь, чтобы сколотить денег на проезд, должны получать отказ у иммиграционной стойки вследствие отсутствия точного представления о правилах въезда,

не говоря уже о том, что их английский менее богат и точен, нежели у человека, изучающего их паспорта? Как они могут сообразить, что тот хотел бы знать, но о чем не спрашивает? Неужели им действительно должна грозить депортация — незамедлительно или в будущем — из-за того, что после грохота авиационных двигателей они ступили на эту незнакомую землю в странной тишине и молчании?.. Дело Замира подмачивает репутацию британского закона в целом, равно как и подрывает веру в гуманную и просвещенную трактовку его палатой лордов... Как прапраправнуку человека, приложившего немало сил для уничтожения рабства, суждение лорда Уилберфорса делает ему мало чести».

Примерно ту же мысль высказал в ходе заседания апелляционного суда по делу Хана лорд Экнер. «Если бы Хан приехал в нашу страну в августе 1978 года, будучи холостым, он мог бы — это принимается всеми— вернуться первым самолетом в Пакистан, сочетаться браком с леди, которая ныне является его супругой, а затем на законном основании привезти ее в эту страну. Тот факт, что он перечеркнул свое и ее право жить в нашей стране, женившись до приезда сюда, является аномалией и никак не прибавляет престижа всей нашей системе»⁴¹.

Кстати, на весьма специфические методы судебного разбирательства дел «нелегальных иммигрантов» обратил внимание генеральный секретарь ОССОИ Ян Мартин. Принимая закон 1971 года об иммиграции, отмечал он, парламент предусмотрел, что нелегальные приезжие должны подвергаться административному заключению и высылке из страны даже спустя годы проживания здесь без слушания дела, в ходе которого могли бы быть изучены свидетельства их незаконного въезда либо другие материалы: правом апелляции

человек может воспользоваться после его высылки, и министерство внутренних дел не позволяет апеллирующему возвращаться в страну для присутствия на слушании. «За все сказанное выше, — подчеркивает Мартин, — несут ответственность наши законодатели».

Между тем речь-то идет о тех, кто проник в страну тайно, не пройдя контроль в пункте въезда. Те же, кто прошел оформление в иммиграционной службе, но совершил какой-либо обман или подлог, подлежат привлечению к суду с возможной последующей депортацией из страны, однако после соответствующего разбирательства, основанного на фактах. Их не должны были подвергать тюремному заключению или высылке на основании прерогатив, имеющихся у одного конкретного иммиграционного чиновника; все это имело еще большее отношение к тем, чей въезд в страну сопровождался вводом в заблуждение, в чем лично они не были повинны, или же кто не сообщил какие-либо факты, о которых их не спрашивали и которые стали рассматриваться как «существенные», отмечал генеральный секретарь ОССОИ. Возвращаясь к делу Замира, он призывал парламент пересмотреть законодательство, внести в него ясность. «Если бы речь не шла в подавляющем большинстве случаев о темнокожих иммигрантах, разве парламент поколебался бы это сделать?»⁴² — ставит вопрос Мартин.

Четырехлетняя Асина Биби может быть насильно разлучена со своими родителями. На этом настаивают чиновники министерства внутренних дел, придравшись к небольшой неточности в ее метрике

Разбитые судьбы, разделенные семьи — все это мало волнует лондонских «гуманистов».

Нирвана Кумар Датта — уроженец Индии. Ему 31 год. В Англию приехал в возрасте 17 лет. Изучал бухгалтерское дело. Много лет работает бухгалтером в Мидцлсексе. Он натурализованный британский гражданин. Его жена Индира тоже гражданка Великобритании. У них двое маленьких дочерей. В 1977 году он получил разрешение на воссоединение со своими родителями. Они приехали в Англию, имея статус иждивенцев: в Индии у них не было

родственников, способных материально поддерживать их. «Моя мать заболела, — делился своими горестями с журналистами Датта-младший, — и я сказал тогда: «У вас там никого нет, приезжайте, живите у меня». Они и живут в моем доме, британскому государству они ничем не обязаны». Между тем немолодая чета все же попала в поле зрения сотрудников министерства внутренних дел. Спустя годы у них возникло убеждение, что у родителей Нирвана Датта—65-летнего Ранендра Кумар Датта и его 58-летней супруги Джунту нет особой необходимости находиться вместе с семьей сына и пользоваться материальной поддержкой⁴³ (о таком обстоятельстве, как стремление к общению на склоне лет с сыном, внуками, повседневная помощь со стороны младшего поколения, вопрос не стоял). Нет, представитель министерства заявил, что «необходимости нет», и все тут.

Тут же было принято решение о незамедлительной депортации старших Датта обратно в Индию, невзирая на то, что Ранендра Датта был в это время болен тяжелой ангиной, а его супруга страдала нервным расстройством (имелись соответствующие медицинские документы, подтверждающие это). Между тем, как подчеркнул представитель ОССОИ Алпер Рица, подобное решение властей выходит за рамки принятой практики: по отношению к престарелым и слабым здоровьем высылка обычно не применяется. Чета Датта может просто физически не выдержать утомительного перелета в Индию, было официально заявлено властям⁴⁴.

Однако в министерстве внутренних дел работают люди не особенно сентиментальные. Это может подтвердить и мать троих детей Анвар Дитта. В течение шести лет она вела форменную битву с чиновниками этого ведомства за право воссоединиться

со своими детьми. И если даже отбросить моральную сторону дела — необходимость для малолетних детей находиться с родителями — и встать на формальную точку зрения, то и здесь, как представляется, на ее стороне все права. Родилась она в Бирмингеме, до девяти лет жила в Англии. Затем, после того как ее родители развелись, она уехала в Пакистан. Там вышла замуж, родились дети. В 1974 году ее муж приехал в Англию. Через год она присоединилась к нему. Анвар планировала подыскать для покупки дом, постараться найти работу. А устроившись — тут же привезти детей. Однако, когда она обратилась в министерство внутренних дел за разрешением на приезд детей, то натолкнулась на отказ. Аргумент выдвигался поразительный: чиновники не верили, что дети — ее родные.

Анвар Дитта решила не сдаваться. Она выступала перед самыми различными аудиториями с рассказом о вопиющей несправедливости, совершаемой против нее и ее детей. В общей сложности она 400 раз выступала публично. Ее решимость и энергия нашли поддержку у общественности. Была создана организация «Комитет защиты Анвар Дитта», собравшая свыше трех тысяч подписей под петициями в ее поддержку⁴⁵. Но власти стояли на своем. В 1980 году апелляционный суд вновь отверг ее просьбу.

«Дело Анвар Дитта» приобретало все большую огласку. Им заинтересовался член парламента Джоел Барнетт, попытавшийся обратиться к министру внутренних дел Тимоти Рейсону. Судьбой несчастной матери занялись даже корреспонденты телевидения. В ходе подготовки специальной передачи в рубрике «Мир в действии» тележурналисты договорились с виднейшим специалистом по крови доктором Барбарой Додд о ее поездке в Пакистан. Там она взяла пробу

крови у троих детей супругов Дитта и по возвращении в Англию провела сравнительный анализ с составом крови Анвар Дитта и ее супруга Шуджи. Выводы Додд были однозначными: вне всяких сомнений, супруги являются родителями этих детей.

Телевизионная передача поставила чиновников министерства внутренних дел, мягко говоря, в неудобное положение. Можно было бы, конечно, поставить под сомнение компетентность специалиста, делавшего сравнительный анализ. Но Барбара Додд является официальным консультантом этого министерства. В конце концов в марте 1981 года министру Рейсону пришлось-таки признать: он верит, что Анвар Дитта— мать тех детей, воссоединения с которыми она добивалась.

Анвар Дитта полна благодарности ко всем, кто поддерживал ее в борьбе — и материально, и советом, и конкретными действиями. «На протяжении всего этого кошмара рядом со мной были люди, и мне не отблагодарить их в полной мере», — сказала она. Что же касается сотрудников официальных инстанций, с которыми она шесть лет вела изматывающую силы и нервы борьбу, то для них у нее нет добрых слов: «Я полна злости в адрес министерства внутренних дел за то, что с нами творили только потому, что я — черная»⁴⁶. «Это дело вызвало серьезные сомнения в отношении справедливости процедур, с помощью которых проводится отбор людей, намеревающихся приехать в Англию»⁴⁷,—комментировала «Таймс».

Цвет кожи Ширли Грэхем также темный. И у нее драма. Внешняя канва здесь иная, но суть все та же. Грэхем родом с Ямайки. Семь лет проработала в Англии медицинской сестрой. В паспорте у нее стоит официальный штамп: «Срок проживания не ограничен». В августе 1980 года она поехала отдохнуть в США на

несколько дней. Когда же полная новых впечатлений вернулась в Англию, то дальше иммиграционного чиновника в аэропорту ей пройти не удалось. Шесть дней ей пришлось провести в камере, после чего ей было объявлено: она подлежит депортации. Министерство внутренних дел не снизошло до разъяснений, сообщив лишь, что как «гость» она может подавать апелляцию лишь после выезда из страны.

В чем же все-таки дело? Свет пролила журналистка Анджела Сингер: «Госпожа Грэхем, являющаяся разведенной, — представительница растущего числа женщин — черных и азиатского происхождения, находящихся под угрозой высылки после расторжения брака». Правда, в случае с Ширли Грэхем власти пошли дальше чем обычно. Решение о высылке было принято в отношении женщины, не добивающейся права проживать здесь, а имеющей в паспорте соответствующий штамп.

Однако, по заявлению лорда Эйвбери, штамп этот, как иллюстрирует данная история, вопреки принятым представлениям является ничего не значащим. «Человек, высылаемый как «гость», а именно к этой категории отнесли госпожу Грэхем, не имеет возможности получить юридическую консультацию или подготовиться к защите своего дела, — сказал он. — Решение министра окончательно, и теоретически его нельзя оспорить. На практике у человека, прежде чем его посадят в самолет, может быть срок в два дня или в 24 часа, чтобы наскрести какие-то встречные доказательства».

У Ширли ситуация была вовсе плачевной. Пока она отсутствовала, ее дом был ограблен. Вынесли все, ей даже не на чем было провести ночь. А между тем она незадолго до этого выписалась из больницы, где ей делали сложную операцию. Так что после пребывания в камере ей хотелось хотя бы ночь-другую провести

нормально, в своей постели. Однако полиция, за помощью к которой она обратилась, ограничилась советом возбудить частное дело против грабителей. Между тем оказалось: поскольку Грэхем рассматривается как «незаконный иммигрант», она лишается гражданских прав как жертва ограбления...⁴⁸

Практика высылки из Англии женщин, разошедшихся со своими мужьями-иммигрантами, обретает все более широкий размах. По словам сотрудника юридического центра Манчестера Стива Кохена, из 300 дел о депортации, которые ежегодно ведет эта организация, подавляющее большинство — дела о высылке из страны разведенных женщин⁴⁹.

«Дела этих женщин породили серьезное беспокойство среди женщин-иммигранток в отношении их будущего в случае распада брака, — писала «Обсервер». — Многие встревожены видимым ужесточением в применении министерством внутренних дел положений закона 1971 года об иммиграции... Как сообщает телевизионная программа «Мир в действии», до тысячи человек было в минувшем (1980.— В. Ж) году выслано из страны, поскольку, как утверждалось, они въехали в Англию незаконно. Более 250 человек получили распоряжение министерства внутренних дел покинуть страну без всякого судебного разбирательства»⁵⁰.

О том, что на языке иммиграционных властей означает «въехать незаконно», лишний раз дает представление судьба пакистанцев Зафара Икбала и Арифа Хуссейна. Они братья. Их отец уехал на заработки в Англию и осел здесь. Обосновалась в этой стране и их сестра. В 1972 году они подали официальное заявление с просьбой разрешить им приехать в Англию, чтобы жить вместе с отцом. В начале 1976 года их отец умер. Их дело, все еще к тому

времени находящееся «в стадии рассмотрения», взялся продвинуть член парламента сэр Джон Холл. Спустя несколько месяцев с его помощью визы для братьев были наконец готовы. Их сопровождала мать, которая через несколько месяцев возвратилась на родину, в Пакистан.

Сразу же после приезда, согласно закону 1948 года, от их имени были поданы документы с просьбой зарегистрировать их как несовершеннолетних. При этом было приложено свидетельство смерти их отца. Тем временем 16-летний Зафар Икбал поступил на работу, а 11-летний Ариф Хуссейн стал заниматься в школе. Шло время, но ответа на заявление братьев не приходило. Однако, как выяснилось, иммиграционные власти о них не забыли. Это братьям стало ясно, когда майским днем 1979 года в их дом пришли полицейские, чтобы арестовать их. Изумленным юношам было объявлено: они — незаконные иммигранты. Правда, человеколюбивые джентльмены из министерства внутренних дел младшего брата препроводили за решетку «всего» на две недели. Старшему же пришлось провести в камере около двух месяцев. Так что полицейская логика, можно сказать, была соблюдена. Хотя, если бы не адвокат братьев, подавший апелляцию и добившийся их выхода на свободу, их знакомство с распорядком в британских тюремных заведениях было бы более продолжительным.

Однако и вне тюремных стен их мытарства продолжались. Начались бесконечные разбирательства в судах. Братьям вменяли в вину «сокрытие» факта смерти их отца. Но ведь сертификат о его смерти они представили властям. К маю 1981 года, когда старшему исполнился 21 год, а младшему было около 16, родилось окончательное решение палаты лордов: Икбал и Хуссейн — незаконные иммигранты и соответственно им не место в Великобритании.

Такое отношение властей вызвало возмущение у многих, знающих о судьбе двух пакистанских юношей. Мэри Кей, директриса школы в Хай Уикомбе, где учился Ариф Хуссейн (в момент, когда стало известно об окончательном вердикте, он как раз сдавал экзамены), свое негодование выразила в письме в правительственные инстанции. Возмутительно, подчеркивала она, что спустя годы юноше объявляют, что он должен покинуть страну. Парламентарий от Уикомба Реймонд Уитни обратил внимание министра Тимоти Рейсона, что было бы уместно хотя бы проявить снисхождение и позволить младшему брату завершить сдачу экзаменов⁵¹. Представители ОССОИ в очередной раз указали: то, как обошлись с этими молодыми людьми, находится в явном противоречии с Европейской конвенцией о правах человека.

Досье с наиболее одиозными случаями нарушений коренных прав человека было собрано лордом Эйвбери и направлено в 1981 году участникам Мадридской встречи. В основном это дела, связанные с воссоединением семей, один из членов которых является престарелым или больным.

Яркий пример — история 76-летней уроженки Пакистана Радж Бегум. Два ее брата, два сына, две дочери и 11 внуков живут в Великобритании. Ее муж умер семь лет назад. Здоровье ее пошатнулось. Одинокая, без родных и близких, она была даже не в состоянии принести воды в свой крестьянский дом. Не под силу ей было и добираться до почтового отделения за пенсией. Почта — в 40 милях от ее деревни.

Ее родственники в Англии подали заявление с просьбой разрешить старой женщине приехать к ним. Однако рассмотрение этого заявления раз за разом откладывали. В конце концов один из ее сыновей, бизнесмен, будучи в деловой поездке в Пакистане,

привез ее в Великобританию. Ей было разрешено провести здесь четыре месяца «в качестве туриста». Когда ее сын обратился за продлением визы, то получил отказ. «Госпожа Бегум глубоко обеспокоена возможностью того, что ее, одинокую, преклонного возраста, возвратят в страну, где у нее нет никаких родственников»⁵², — сообщил лорд Эйвбери.

Введенные в 1980 году новые иммиграционные правила предписывали, что проживающие в Англии женщины могут привозить сюда своих мужей или женихов лишь при условии, что сами являются гражданками Соединенного Королевства и колоний, родившимися здесь, либо же если их родители родились в этой стране. Правила не распространялись на мужчин, намеревающихся привезти своих жен или невест в Великобританию, и, по словам «Таймс», были нацелены на то, чтобы помешать обосновавшимся тут небелым женщинам подобрать себе мужа за границей⁵³.

В августе 1980 года девять женщин, живущих в Англии и из-за этих ограничений лишенных возможности пригласить сюда своих мужей или женихов, обратились с жалобами в Европейскую комиссию по правам человека. Они указывали, что правительство нарушает Европейскую конвенцию о правах человека. В частности, они были подвергнуты унижающему человеческое достоинство обращению; были нарушены их права на создание и сохранение семьи; они подверглись дискриминации из-за их расы и пола.

О некоторых из этих женщин был поднят вопрос в палате общин.

Генеральный секретарь Национального совета за гражданские свободы Патриция Хьюитт заявила в этой связи: «Мы обращаемся к правительству с просьбой

прекратить превращать в игру счастье и покой английских женщин, находящихся замужем за мужчинами-иностранцами. Не существует какого-либо приемлемого оправдания правилам, расистским по характеру, дискриминационным в отношении пола людей и разбивающим семейные союзы»⁵⁴.

Однако Лондон не довольствуется достигнутым. Он проводит дискриминационную политику и в такой сфере, как религия. Согласно существовавшим вплоть до 1980 года иммиграционным порядкам, священнослужители, подобно врачам, некоторым категориям журналистов и личной прислуги, не нуждались в приглашении на конкретную работу для их приезда в Англию⁶⁵. Новая регламентация предусматривает подачу с их стороны соответствующего запроса британским представителям в стране их пребывания.

Сикхский храм в восточном Лондоне посещают 10 тысяч верующих. Службы проводит один престарелый священнослужитель. Это ему не по силам. Однако иммиграционные власти трижды в 1980 и 1981 годах отказывали в разрешении трем различным религиозным деятелям в праве остаться в стране для ведения служб в сикхском храме. По сведениям совета расового равенства Теймсайда, как минимум, три индуистских храма и три мечети испытывают нехватку постоянных священнослужителей. «По всему Соединенному Королевству значительные слои иммигрантской общины сталкиваются с тем, как трудно убедить министерство внутренних дел в том, что религиозные нужды индусов и мусульман не менее важны, чем последователей христианской религии»⁵⁶,—заявил представитель этого совета.

Впрочем, дело сводится не к нежеланию чиновников понять степень важности той или иной религии, а к

стремлению и в этой сфере ущемить права жителей бывших колоний, постараться, может быть, отбить охоту у кого-то из их верующих родственников, собирающихся приехать в Англию, делать этот шаг. А заодно перекрыть и тонкий ручеек прибывающих сюда религиозных деятелей, которые после четырехлетнего пребывания здесь имеют право на постоянное жительство.

«Таких случаев — не тысячи, но это неизбежная проблема, и с ней сталкиваются все религиозные общины меньшинств, перед которыми воздвигают бессмысленные сложности и препятствия, — подчеркнул генеральный секретарь ОССОИ Ян Мартин. — Министерство внутренних дел демонстрирует вопиющую бестактность и полнейшее отсутствие уважения к религиям, о которых идет речь. Подоплекой всей операции с введением новых правил, как представляется, является абсурдное подозрение, что некто намеревается прибыть сюда и четыре года выступать в роли священнослужителя, а затем все бросить и ускользнуть, чтобы устроиться на завод Форда»⁵⁷. Сказано не без сарказма. И все же Лондон, по всей видимости, и в этом конкретном вопросе преследует «сверхзадачу» — продемонстрировать великодержавное высокомерие по отношению к этническим меньшинствам, подорвать их моральный дух, еще сильнее притормозить и без того весьма скромную иммиграцию.

В свете всех тягот, которые приходится претерпевать в Англии ее небелым жителям, неудивительно, что кое-кто из иммигрантов видит единственное решение этих проблем в том, чтобы раз и навсегда покинуть негостеприимную землю. Этой точки зрения придерживается, например, один из лидеров карибской общины, Эштон Джибсон.

«Большинство вест-индцев, — говорит он, — прибыли сюда с надеждой получить образование, работу, накопить какие-то средства, с которыми отправиться домой. Вместо этого они столкнулись с нищетой, крушением всех надежд». По словам Джибсона, британские государственные институты не желают признавать культурные и религиозные особенности иммигрантов. Вест-индцы нуждаются в помощи, но не получают ее. Если им дать даже не шанс, а половину шанса, дополнив это финансовой поддержкой, то, думаю, многие предпочтут отправиться назад⁵⁸.

Хотя его соображения о репатриации весьма близки тому, о чем толкуют деятели правого крыла консервативной партии, его анализ ситуации отличен, пишет обозревательница «Таймс» Люси Ходжес. Джибсон указывает на климат расовой предубежденности, существующий в Великобритании, с чем иммигранты примириться не могут⁵⁹.

«Очистить страну от скверны», «убрать черных» — к этому призывают кликуши из правых политических кругов. Пожалуй, на лидерство здесь имеет полное право претендовать бывший консерватор, перешедший в официальную юнионистскую партию Ольстера и избранный по ее спискам в британский парламент, Энок Пауэлл. Он буквально не упускает случая высказать призыв организовать репатриацию выходцев из стран Содружества. Например, только осенью 1981 года он выдвинул этот призыв на целом ряде форумов, в частности в своем выступлении перед отделением организации «молодые консерваторы» в Кобхеме⁶⁰ и на съезде северо-западного отделения этой организации⁶¹.

В последнем случае он для пущей убедительности привел даже некоторые цифры. Согласно его

подсчетах, репатриация полутора миллионов человек — половины всех небелых — при расходах в 9 тысяч фунтов стерлингов на семью из пяти человек должна на протяжении 10 лет выливаться в ежегодную сумму 300 миллионов фунтов. Для вящей убедительности Пауэлл демагогически сопоставлял эти возможные затраты с некоторыми статьями расходов национального бюджета. Поскольку же высылка «цветных» — дело значительно более важное, нежели многое другое, то, стало быть, деньги эти изыскать вполне реально! Политикан пошел и дальше, пустившись в рассуждения относительно «реальной и долговременной пользы» для развивающихся стран, которую им могут принести репатрианты — «благодаря их трудовым навыкам, квалификации и капиталу, приобретенным здесь». К тому же, привел еще один демагогический довод Пауэлл, у многих выходцев из стран Нового Содружества созрело желание эмигрировать из Великобритании⁶².

Правый политический деятель передергивает. И тогда, когда утверждает, что число небелых иммигрантов в стране составляет три миллиона (половина — полтора миллиона, по его словам); большинство источников сходятся на цифре чуть больше двух миллионов. И в других случаях. В частности, заявляя о широко распространенном среди иммигрантов желании покинуть Англию. Здесь с ним в полемику вступает известный политический деятель, член парламента от социал-демократической партии Дэвид Оуэн. «Большинство иммигрантов не испытывают желания возвращаться в страны, с которыми они более не чувствуют себя связанными. Насильственная репатриация абсолютно неприемлема и отталкивающа», — подчеркнул он. «Энок-пророк — вот титул, который он хотел бы обрести для себя, —

продолжал далее Оуэн, — он хочет предстать человеком безупречной последовательности, человеком принципов. Но нет ничего более далекого от правды, чем это. В бытность министром здравоохранения этот человек был вполне готов принять в качестве медсестер и работников службы здравоохранения выходцев из стран Содружества...»⁶³

Между тем Пауэлл с завидной настойчивостью продолжал попытки внедрить в умы как можно большего числа людей идею высылки из страны «цветных». Особенно подробно он остановился на этой теме, выступая на конференции махрово-реакционной организации «клуб понеделника» в мае 1982 года. Он предложил конкретный план — начать с создания «министерства репатриации», которое взяло бы на себя все функции, какими располагает в сфере иммиграции министерство внутренних дел, однако действовало бы «более масштабно и рационально». Средства можно было бы частично изъять из бюджетных ассигнований на помощь развивающимся странам, благо отправка туда людей, «приобретших в Англии опыт, знания, образование, подготовку и материальные средства», сама по себе огромная помощь этим странам. Что же касается безработных темнокожих выпускников школ — у них ведь нет ни «опыта, ни подготовки, ни материальных средств», — то пускай, по Пауэллу, их обучают профессиям на их, как он выразился, «островах и территориях, откуда они произошли». Принимать меры, вещал политикан, следует безотлагательно, поскольку высокая рождаемость у «черных» делает обстановку все более опасной⁶⁴.

Парламентарий-юнионист мог не стесняться в этой аудитории. Он был среди своих. Ведь «клуб понеделника» сам объединяет сторонников высылки. Здесь ее, правда, чаще именуют «переселением». У

«клуба» есть и свой разработанный план этой акции. В год предполагается «переселять» по 100 тысяч людей в страны Нового Содружества и Пакистан. Ежегодные расходы — от 500 до 600 миллионов фунтов⁶⁵. Эти средства можно будет вначале изымать из бюджетных статей на помощь развивающимся странам, а затем за счет «экономии» расходов на здравоохранение, обеспечение занятости, образование и охрану окружающей среды⁶⁶. При этом планируется, что на развивающиеся страны, которые, по всей видимости, станут возражать против этой затеи, будет оказано дипломатическое давление⁶⁷.

И хотя президент особого «иммиграционно-репатриационного политического комитета» «клуба понедельника», член парламента Харви Проктор утверждает: «Никто никого не выселяет. Все будет абсолютно добровольно», — в это мало кто верит. Парламентарий Джон Тилли прямо заявил: «Это только придает налет респектабельности тому, что является авторитарным и расистским предложением. Это не репатриация, а депортация. Они лишь вторят выкрикам Пауэлла, которые тот сам повторяет наподобие попугая, и силятся уговорить хоть кого-то немного в них поверить. Подобные призывы порождают новые страхи в черной общине, и это именно то, чего публика вроде членов «клуба понедельника» и добивается. Бессмысленно предполагать, что правительства пойдут на крупномасштабное перемещение людей и что значительные количества темнокожих людей в нашей стране хотят этого. И абсолютное безумие считать, что какое-либо правительство захотело бы быть вовлеченным в это»⁶⁸.

Попытка правых представить дело таким образом, что их предложение совпадает с желанием подавляющего большинства «цветных», не выдержала

проверку фактами. Выступление представителя карибской общины Эштона Джибсона подверглось резкой критике в недрах его собственной общины. Судя по всему, настроения, выразителем которых он был, носили все же весьма ограниченный, а не массовый характер. Вест-индцы отвергают подобный подход к решению их проблем, заявил редактор периодического издания «Рейс тудей» Даркус Хоу. «Он просто сумасшедший», — отозвался Хоу о Джибсоне⁶⁹.

Нет никаких оснований утверждать, что среди темнокожих широко распространено стремление покинуть Великобританию, заявила член парламента от Хандсуэрта лейбористка Шейла Райт. Ей известно лишь о считанных людях, разделяющих эти настроения. Утверждения, противоречащие этому, она квалифицировала как нелепые.

«Неточными» и «поджигательскими» именовал подобные же утверждения ответственный представитель афро-карибского координационного совета в Бирмингеме⁷⁰.

«Исключительно дешевым предложением» назвал проект репатриации Уильям Трант, председатель постоянной вест-индской конференции. «Великобритания должна местной вест-индской общине гораздо больше того, что она готова признать, — подчеркнул он. — Для чернокожих является величайшим оскорблением подобная приманка, предлагаемая для создания лилейно-белого общества в Соединенном Королевстве». Трант отметил, что для значительной части вест-индских иммигрантов «исключительно сложной остается проблема выживания в нынешнем экономическом климате». Однако те, сказал он, кто хочет вернуться в Карибские страны, сделают это самостоятельно, без того, чтобы их на это подталкивали⁷¹.

В одном из интервью государственного министра внутренних дел Тимоти Рейсоиа спросили: почему для противопоставления пропагандистской деятельности расистских групп правительство ничего не делает, стремясь решить существующие противоречия путем резкого сокращения иммиграции? Министр фактически игнорировал первую часть вопроса, сведя все к тому, что вследствие приезда в страну иммигрантов создается «известное напряжение», которое может перерасти в «трения Между людьми». Правительство же как раз и печется о том, чтобы избавить людей от, как выразился Рейсон, «ощущения нажима» со стороны иммигрантов и улучшить расовые отношения в стране. Для этого, мол, и вводятся все новые ограничения иммиграции⁷².

На конференции консерваторов в Блэкпуле в 1981 году был вновь затронут вопрос о репатриации. Очень резко тогда выступил член парламента Майк Трумэн. Он прямо назвал расистами тех своих коллег по партии, кто поддерживает идею репатриации «цветных». Тем, кто разделяет эти расистские взгляды, сказал он, следует выйти из консервативной партии и вступить в «национальный фронт»⁷³.

Все же от мракобесия Пауэлла и иже с ним Тимоти Рейсон счел необходимым — хотя и в мягкой форме — откреститься. Глагол «репатриировать» — переходный и подразумевает отправку людей назад; не удивительно, что это слово порождает страхи, сказал он, выступая на конференции консервативной партии. Вместо фантазий о массовой репатриации мы нуждаемся в жестком контроле над иммиграцией, что мы осуществляем, заявил он. Министр говорил еще что-то о необходимости «создавать чувство стабильности и безопасности внутри меньшинств, а не неопределенности и сомнений»⁷⁴. Но это была уже

чистая риторика. Главное — его устами была подтверждена установка Лондона на жесткий контроль и одновременно было дано понять: подобная линия — это еще не самое плохое, что может ожидать небелых жителей Великобритании.

Впрочем, чего можно ждать от правительства, которое чуть ли не в один и тот же день, в мае 1984 года, объявляет о приглашении в страну главы расистской ЮАР П. Боты и о решении выслать из Англии 20-летнюю «цветную» Афию Бегум и ее двухлетнюю дочку?! Женщина утратила там право на жительство после того, как ее муж — британский гражданин, выходец из Бангладеш — погиб при тушении пожара⁷⁵. Во время ее депортации в аэропорту Хитроу состоялась демонстрация протеста. Полиция «приняла меры», арестовав 20 человек⁷⁶.

Глава III

Парии на рынке труда

В Нельсоне, на северо-востоке Ланкашира, живут свыше шести тысяч выходцев из Азии, многие из них были наняты во времена текстильного бума 50-х годов. Теперь предприниматели платят женщинам такую заработную плату, какую бы они получали в развивающейся стране. Многие работают портнихами-надомницами. На взятых напрокат стареньких машинках они шьют атласные бантики, получая по 5,5 фунта стерлингов за тысячу штук. Опытные швеи, ни на секунду не останавливаясь, могут сшить такое изделие за пять минут. У большинства же это занимает десять минут. Фирма не набирает специально одних азиатских женщин, однако находится весьма немного англичанок, готовых выполнять подобную работу за столь мизерную плату¹.

В целом в Англии насчитывается, как минимум, четверть миллиона надомниц такого рода. Работодателей привлекает возможность устанавливать низкие расценки, отсутствие служащих административного звена. Их в этой ситуации не беспокоят такие понятия, как контракты и профсоюзы. Выражаясь словами газеты «Гардиан», рассказавшей об этом, «азиатские женщины пребывают на самой низшей ступени пирамиды работающих людей, это неприкасаемые на рынке труда»².

Подобные картины камня на камне не оставляют от утверждений, что приезжие перехватывают рабочие места и порождают рост безработицы. Эти провокационные домыслы многие годы успешно распространяют правые. Иммигранты, твердят они,

виновны всегда. Тогда, когда они имеют работу, хотя существует «белая» безработица. И тогда, когда они этой работы лишены и живут на пособие — тем самым они отнимают у казны средства, которые можно было бы направить на создание рабочих мест и ослабить безработицу.

«Цветным», утверждают сторонники профашистского «национального фронта», отдается предпочтение при найме на работу. В периоды, когда безработица обостряется, эти аргументы пускаются в ход особенно часто. В апреле 1970 года, когда число безработных поднялось до миллиона, орган ультраправых «Спирхед» вынес в шапку основной статьи номера вопрос: «Черных нанимают, белых выставляют. Такова политика в деле найма в то время, как безработных прибавляется?» В статье содержалось следующее утверждение: «Уже давно патриотам известно, что министерство занятости проявляет особую заботу по отношению к цветным иммигрантам; это проявляется в том, что там из кожи вон лезут, чтобы отдать иммигрантам рабочие места, которые иначе бы достались британцам»³.

Кликушество неофашистов провокационно и весьма далеко от истинного положения дел. «Цветные» тяжким трудом, ценой многих лишений зарабатывают на кусок хлеба себе и своим детям. Если, разумеется, им в этом не отказывают работодатели. Тех же, кому повезло, хозяева нещадно эксплуатируют, им постоянно грозит увольнение. Определенное представление об условиях их труда дает исследование положения бенгальских рабочих-швейников, подготовленное комиссией расового равенства и комиссией по людским ресурсам⁴.

В лондонском Ист-энде, говорится в этом докладе, они пойманы в классическую ловушку лишений, из которой у них, судя по всему, мало шансов выбраться.

Бенгальцы сосредоточены на наиболее опасных и наименее привлекательных работах в швейной промышленности и не имеют возможности совершенствовать свой английский язык или профессиональное мастерство. Доклад, заказанный после расовых вспышек летом 1978 года, которые в своей кульминации привели к смерти трех «цветных», свидетельствует, что социальные условия в Тауэр хэмлетс — районах, прилегающих к Тауэру, обостряют тяжелое положение, в котором находятся иммигранты бенгальского происхождения — выходцы из бывшего Восточного Пакистана и Бангладеш. Власти не делают ничего, чтобы прекратить разжигание расовой ненависти к «цветным», чтобы предотвратить дальнейший упадок их уровня жизни. «Одним из проявлений апатии властей явилось то, что силы правопорядка не сделали в этом районе ничего, чтобы обеспечить эффективную защиту бенгальской общины, члены которой чувствуют себя как в осажденной крепости, не имея возможности пройти по улицам без чувства страха», — заявил составитель доклада Патрик Даффи.

Исследование обвиняет государственные органы в том, что ими ничего не сделано для обеспечения работой этой группы людей, для организации их профессиональной подготовки. «Вместо этого, — говорится в докладе, — судя по всему, основные усилия для удовлетворения насущных потребностей исходят со стороны располагающих крайне малыми возможностями организаций самой общины и состоящих из бенгальцев групп самопомощи». Комментируя документ, «Таймс» подчеркивала: муниципалитет Тауэр хэмлетс подвергается в нем острой критике за то, что его деятельность не приносила пользу бенгальцам. Местные власти «получают нагоняй» и за то, что используют труд лишь

нескольких иммигрантов азиатского происхождения, хотя те составляют 10 процентов населения района. Как подчеркивается в докладе, была необходима «позитивная дискриминация», то есть радикальная помощь в сфере профессиональной подготовки, обучения языку и образовании, дабы община могла преодолеть тяготы, с которыми ей пришлось столкнуться. Бенгальцы, констатировали авторы исследования, страдали от проявлений расовой дискриминации, и относиться к ним, как к равным, было недостаточным. Они были «пойманы в ловушку в сфере работы, где их подвергали эксплуатации, не обязательно как взятых в отдельности индивидуумов, но как расовую группу».

Значительная часть доклада была основана на беседах с 98 бенгальцами, а также на сведениях, собранных еще о 560 иммигрантах в ходе этих бесед и посещений мастерских⁵. Большинство бенгальцев работало в швейной промышленности по 12 часов в сутки, шесть дней в неделю и получало оплату сдельно. Зарботки варьировались — в зависимости от имеющейся работы. Швейники, как правило, этой работой не были удовлетворены, однако они и подумать не смели о том, чтобы заняться совершенствованием своей профессиональной подготовки с отрывом от производства, поскольку им приходилось содержать большие семьи. Вечерние же занятия для них недоступны, так как «цветных» нанимают зачастую для работы именно в вечерние и ночные смены. Многие иммигранты старались без нужды по вечерам вообще не выходить из дома, дабы не подвергать себя дополнительному риску, который сулили им улицы города. Даже молодые «цветные», отмечается в докладе, ощущали, что швейное производство — их единственный удел, ведь сплошь и рядом из стен

школы они выходили без всякой профессиональной подготовки⁶.

И место мойщицы бутылок — огромная удача

И все же даже такая работа — огромная удача для «цветного». Получить место ему так же трудно, как легко оказаться за воротами при первых же увольнении. Яркий пример такого подхода дала, например, администрация тракторного завода в Ковентри, принадлежащего компании «Мэссей-Ферпосон». Когда сюда обратился человек азиатского происхождения с просьбой принять его на должность кладовщика, сотрудник заводского управления кадров на его заявлении начертал: «Не хочет цветных работников». «Не хотел», как позднее выяснилось, соответствующий начальник цеха. Это стало известно в

ходе разбирательства данного случая, приобретшего огласку. В ходе разбирательства, которое вела комиссия расового равенства (КРР), выяснилось, что на тракторном заводе расовая дискриминация цветет пышным цветом. И речь идет не о «прихоти» начальника одного из цехов, а о линии администрации. Так, из пяти тысяч рабочих лишь шесть представляли этнические меньшинства. Между тем в этом районе «цветные» жители составляли примерно восемь процентов населения. При непредвзятом подходе на тракторном производстве должно было быть занято примерно 400 иммигрантов. Но пробиться за заводские стены удалось только шестерым⁷.

О том, насколько широко распространена подобная практика, свидетельствует случай, происшедший в Бристолe. Сотрудник биржи труда С. Керби передал местному комитету расового равенства информацию о некоторых клиентах — фирмах и организациях, пользующихся услугами биржи. Из этих сведений вытекало, что расовая дискриминация широко практикуется как работодателями, так и руководством самой биржи труда. В отместку Керби был тут же понижен в должности. Он, однако, не сложил оружия, попытавшись искать справедливость в индустриальном трибунале. Там были вынуждены признать: информация, которую передал Керби, была точной и правдивой, а сам он при этом руководствовался только добрыми намерениями. Но этот вывод ничего не изменил в судьбе правдолюбца, равно как и последующее обращение в суд, который решил дело не в его пользу.

Далеко не везде дискриминация носит столь откровенный характер, как на «Мэссей-Фергюсон». Как правило, она осуществляется скрытно, под видом разного рода тестов, испытаний, проверок. Печать

сообщала о «бессмысленно завышенных» лингвистических требованиях, лишаящих черных молодых людей возможности получить работу, где требуется всего лишь ручной труд⁹.

Если пациент выкажет неудовольствие по поводу того, что среди сестер и санитарок есть «цветные», их постараются сразу же уволить

Для представителя этнического меньшинства в высшей степени сложно хоть на йоту продвинуться по служебной лестнице, если ему повезло и он все же оказался на нижней ее ступени. Это испытала на себе 38-летняя Бренда Квоши. Два года она проработала сиделкой в лондонской частной клинике «Харли стрит». Накопив немало профессионального опыта, она подняла вопрос о перемещении ее на должность младшей

медицинской сестры в кардиохирургическое отделение, где как раз открылась вакансия. Но профессиональный опыт — это одно, а житейский — другое. И последнего Квоши, видимо, не хватило. Ведь она знала, как в клинике относятся к темнокожим. В первую очередь их назначали на работу в ночные часы. Половину медицинского персонала, занятого в ночную смену, составляли «цветные». Между тем среди работающих в дневные часы темнокожим был только каждый девятый.

И непонятливой сиделке было указано ее место. Нет, ей не сказали ни слова о цвете ее кожи. Устами директора клиники г-жи Портер ей авторитетно сообщили: для занятия вакантной должности необходимо иметь свидетельство о прохождении курсов интенсивной терапии или ухода за страдающими сердечными заболеваниями. Аргумент вроде бы веский, но, как оказалось, фальшивый. Весьма скоро вакансия была занята другой сиделкой. Ей не потребовалось ни одного из двух «необходимых» свидетельств, коих у нее и не было. Не имелось у нее и опыта Бренды Квоши, и работала она в клинике меньше времени. Но у этой женщины было одно преимущество — белый цвет кожи, который и решил кадровый вопрос. Трудно при этом сказать, чем руководствовалась директор клиники — собственными расистскими предубеждениями либо же «заботой» о «добром имени» частного медицинского заведения. Последнее соображение не лишено оснований: пациенты — в основном весьма респектабельная публика, и известно по крайней мере два случая, когда от них исходили пожелания «убрать темнокожую». В обоих случаях администрация безропотно шла навстречу этим просьбам и заменяла «цветных» сиделок «100-процентными» англичанками.

Ситуация в клинике была настолько очевидной, что, когда вопрос был передан на рассмотрение

индустриального трибунала, его председателю Д. Дональдсону не оставалось ничего, как подтвердить случай расовой дискриминации. «По нашему мнению, — заявил он после рассмотрения вопроса, — будь г-жа Квоши белой, г-жа Портер не стала бы вводить ее в заблуждение относительно требований, предъявляемых к данной должности, не воспрепятствовала бы ее намерениям занять место. У нас нет сомнений, что г-жа Портер исходила в своих действиях из расистских побуждений...»¹⁰ Комментируя это дело, представитель оппозиции, специализирующийся на вопросах здравоохранения, Г. Данвуди заявил, что «люди, практикующие в медицинской службе дискриминацию по отношению к пациентам, не вносящим плату за лечение, не чужды дискриминации своих собственных сотрудников»¹¹.

Кстати, здравоохранение и социальное обеспечение — сфера, где расизм пустил глубокие корни. Так, только за период между мартом и июлем 1982 года сотрудники органов министерства здравоохранения и социального обеспечения в городе Олдеме ответили отказом на 680 просьб о выплате пособия, поданных представителями этнических меньшинств. Лишь под давлением местных организаций, оказывающих содействие «цветному» населению, работники государственного ведомства были вынуждены признать в 674 случаях обоснованность этих просьб. «Все это показывает, что менее чем в одном проценте случаев первоначальный отказ был, возможно, обоснованным, — заявил представитель местного отделения КРР М. Хейвуд. — Обращения содержали либо просьбу о начале выплаты социального пособия, либо просьбу о его увеличении, на что заявитель, по его мнению, имел право. Мы уверены, что число людей, не обескураженных отказом и обратившихся к нам или в другие организации, меньше

числа тех, кто довольствовался отказом». По словам Хейвуда, известны случаи, когда заявителям после получения отказа не выдавали, невзирая на их просьбу, бланка для составления апелляции, на что они имели законное право. Заявителям попросту говорили: «Ваша просьба не может быть удовлетворена, и нет смысла выдавать вам бланк апелляции, поскольку нет смысла подавать апелляцию»¹².

В Олдеме весьма значительна прослойка выходцев из Пакистана и Бангладеш. По свидетельству работников КРР, они особенно сильно пострадали от безработицы и экономического спада, к тому же по ним больно ударила линия правительства на урезывание социальной помощи. В последнем случае использовались их языковые трудности, незнание ими собственных прав, они становились жертвами откровенной расовой дискриминации¹³.

Медицинская сфера дала толчок шумному скандалу, разразившемуся осенью 1982 года. Стало известно, что в ходе фолклендской авантюры судно «Уганда», превращенное в плавучий госпиталь, широко использовало труд азиатских моряков. Однако внимание общественности привлек не сам этот факт, а всплывшие дополнительные подробности. «Уганда» является собственностью компании «Пи энд Оу» и на время военных действий была реквизирована министерством обороны. Хотя подразумевалось, что в период фолклендской операции экипажи реквизированных министерством обороны судов будут состоять только из стопроцентных британцев, команда «Уганды» была укомплектована 124 моряками азиатского происхождения, что объяснялось условиями, существующими на этом судне, сообщила «Гардиан»¹⁴. (Как видим, в случае нужды Лондон не брезгует прибегать к услугам «цветных».) Корабль был построен

30 лет назад. Каюты для команды на нем были рассчитаны на 4—10 человек и ни по кубатуре, ни по удобствам никак не соответствовали сегодняшним меркам. Количество туалетов и умывальников также не соответствовало числу членов команды. Да и сердце корабля— машинное отделение уже сильно одряхлело. В свете всего вышесказанного становится ясным, почему экипаж госпитального судна был составлен в основном из «цветных». Правда, от этого образовывалась немалая экономия: члены команды получали жалованье, составляющее 15 процентов от суммы, которую надо бы было выплачивать чистокровным британцам.

По окончании фолклендской кампании «Уганда» вновь вернулась к своим владельцам и из госпитального стала пассажирским судном. И как и прежде, ее команду, за исключением горстки белых, составляли «цветные», в основном выходцы из Индии. Судовладельцы привлекали пассажиров такой рекламой: «Стюарды у кают, официанты в салоне, бармены, стюарды и залах отдыха, лифтер — все ведут себя так, словно стрелки часов переведены назад. Внимательные, но не назойливые, заботливые и ни в малейшей степени не высокомерные. На борту «Уганды» вы насладитесь сервисом старой школы». Кое-кто, правда, к этому добавлял, что «Пи энд Оу» «предлагает круизы во вкусе раджей, азиаты ютятся где-то под палубами, получая мизерное жалованье».

И все же не жалкий удел «цветных» моряков больше всего скандализировал общественность— фактов их третирования и эксплуатации имеется немало. В центре внимания оказалось иное обстоятельство. За каждого «цветного» матроса судовладельцы платят национальному профсоюзу моряков нечто вроде налога.

«Цветных», главным образом выходцев из Индии, стали нанимать в период, когда моряков-англичан не хватало, чтобы из них одних набрать экипажи для всех судов. Ныне же, когда тысячи моряков перебиваются на пособие по безработице, владельцы пароходных компаний продолжают использовать труд «цветных», упирая на то, что на судах типа «Уганда» без дешевого труда не обойтись. На счет профсоюза судовладельцы перечисляют 30 фунтов стерлингов за «цветного». В год набегает солидная сумма в 200 тысяч фунтов, которая, как считается, предназначена для улучшения положения моряков — представителей этнических меньшинств. Шефы профсоюза, якобы проявляя заботу о «цветных» матросах, даже добились от владельцев судов прибавки: с 1 января 1982 года сумма «налога» была увеличена (прежде он составлял 20 фунтов)...¹⁵ Они утверждают, что получаемые таким образом средства идут на организацию кампаний в поддержку прав матросов азиатского происхождения, в частности их права на более высокую оплату труда, равную с коренными британцами. Однако полученные суммы, составившие, например, в 1981 году десятую часть всех доходов тред-юниона, не перечислялись в какой-то особый фонд, а шли в общую кассу¹⁶.

Кстати, данные за 1981 год свидетельствуют о серьезных финансовых трудностях, с которыми столкнулся профсоюз и которые, по словам «Гардиан», удалось преодолеть с помощью увеличения платы за каждого азиата, взятого на корабль. На очередной конференции профсоюза об этом сообщено не было... Что же касается намерения использовать получаемые от предпринимателей деньги на борьбу за повышение зарплаток «цветных», этого, как стало ясно из истории с «Угандой», осуществлено не было. Между тем владельцам судов использование дешевых рабочих рук

приносит ежегодный доход в 50 миллионов фунтов. Видимо, поэтому-то они с легкостью согласились платить «повышенный налог» в 200 тысяч фунтов. В беседе с корреспондентом «Гардиан» казначей профсоюза С. Маккласки признал, что при взгляде со стороны взносы предпринимателей *могут быть расценены как взятки, даваемые судовладельцами для того, чтобы держать в тайне вопрос о матросах-азиатах¹⁷.

Аргументом, который шел в ход для оправдания фантастически низких окладов (кстати, за удлинённый рабочий день), установленных для «цветных», являлось следующее утверждение: таков уровень оплаты труда в странах, уроженцами которых они являются. Однако можно вообразить негодование, какое могла бы вызвать корпорация «Бритиш стил», если бы она наняла на свои заводы в Англии сталелитейщиков азиатского происхождения и установила бы им заработную плату на уровне заработков в азиатских странах, пишет в этой связи «Гардиан».

Так или иначе, щекотливый вопрос до поры до времени удавалось держать втуне. Если бы не санитарное судно «Уганда» с его антисанитарными условиями, в которых находились 124 «цветных» матроса, получавшие крохотное жалованье. Кое-кто не преминул связать пассивность руководства тред-юниона моряков в пресечении расовой дискриминации с отчислениями, поступавшими от судовладельцев в его кассу. В декабре 1982 года руководство профсоюза изменило свою позицию в этом вопросе. Было принято решение о создании отдельного фонда для взносов владельцев судов. Эти средства отныне должны идти на повышение зарплаты «цветных». Было решено также добиваться через Европейский суд в Страсбурге запрещения расовой дискриминации на всех

западноевропейских судах. Парламентарий-лейборист от Гулля Дж. Прескотт, поддерживаемый профсоюзом моряков, сообщил о своем намерении потребовать от руководителей своей партии обещания, что следующее правительство лейбористов объявит незаконной расовую дискриминацию на британских судах. Ведь в настоящее время мореходство не подпадает под законодательство об отношениях между расами¹⁸. Кстати, случай с «Угандой» лежал вне юрисдикции комиссии расового равенства, так как имел место за пределами британских территориальных вод¹⁹.

В последние годы представлению о солидарности и братстве в недрах тред-юнионов было нанесено множество ударов, отмечает орган английских коммунистов газета «Морнинг стар», но не один из них не был столь потенциально разрушительным, как нанесенный Движением солидарности черных тред-юнионов²⁰. Газета приводит интервью с одним из основателей этой организации, Б. Грантом, по словам которого в недрах профсоюзов укоренился расизм. Движение родилось непосредственно после расовых взрывов, происшедших летом 1981 года в Брикстоне, Саутхолле, Токстете и других местах. Порожденное негативной реакцией тред-юнионов на эти волнения, оно оформилось после двух общенациональных конференций — черных рабочих и черных юристов.

«Цветные» рабочие одного из предприятий Брайфорда организовали свой профсоюз. Предприниматель отказался его признавать и уволил их лидера. Рабочие ответили стачкой

Грант, являющийся штатным работником профсоюза государственных служащих, подчеркнул: «По моему убеждению, бунты выплеснули расизм в профсоюзах на поверхность. В отделениях профсоюзов люди открыто говорили о репатриации и о поддержке жесткой линии полиции... Насилие, охватившее города, разбудило сознание чернокожих профсоюзных деятелей. Мы станем, — продолжал он, — группой давления внутри профсоюзного движения. Мы станем разоблачать расизм в тред-юнионах через средства массовой информации и путем пикетирования профсоюзных конференций». Грант подчеркнул, что не ставит вопроса об организации самостоятельных профсоюзов для темнокожих, дабы не разваливать тред-юнионы. Однако он подверг их резкой критике: «Они приняли массу резолюций и хартию чернокожего рабочего, но не дали практического ответа на расизм, проявляемый на

рабочих местах. Расизм, бытующий среди членов профсоюза, проистекает из того факта, что работающее посещали учебные заведения в расистском обществе. Их учили на исторических передержках, причем воздействие усиливалось средствами информации. Многие просто не могут не стать расистами». Некоторые тред-юнионы не рискуют занимать активную позицию в противоборстве с расизмом на рабочих местах, продолжал он, поскольку опасаются, что станут терять своих членов. Как только заходит разговор о расизме предпринимателей, тред-юнионы не желают этого слышать, констатировал Грант²¹.

В лучшем случае тред-юнионы игнорируют заботы иммигрантов, в худшем — выступают в поддержку привилегированных коренных работников, против стремления иммигрантов сменить свои временные места, занять более прочное положение на рынке труда, указывает в своем исследовании прогрессивный британский социолог Дж. Рекс²².

Хотя Британский конгресс тред-юнионов выступал против расовой дискриминации, этнические меньшинства не ощущали с его стороны особенного интереса к их конкретным проблемам, отмечает советский исследователь С. Михайлов²³. Только в 1973 году представитель «цветной» общины вошел в число профсоюзных руководителей среднего звена. Белое руководство некоторых профсоюзов зачастую пренебрегало проблемами рабочих-иммигрантов, отказывало им в поддержке даже в тех случаях, когда существенная доля членов профсоюза или персонала предприятия была представлена людьми с темной кожей, пишет С. Михайлов и приводит в подтверждение историю стачки на одной из фабрик Лестера в 1974 году. Здесь забастовали рабочие индо-пакистанского происхождения, насчитывающие 1100 человек из 1650

занятых на предприятии. Из-за негативного отношения руководства тред-юнионов забастовщики в итоге остались без поддержки ²⁴.

Беспокойство существующим положением в недрах тред-юнионов выразилось в докладе, подготовленном профсоюзом служащих учреждений и органов местного самоуправления в 1984 году. В документе предлагаются конкретные меры для обеспечения расового равенства внутри этого профсоюза. Предлагается расширить прием в члены профсоюза «цветных», смелее выдвигать их на руководящие посты²⁵.

«Откройте перед нами будущее!» — потребовали белые и «цветные» молодые люди — участники марша безработных в Эдинбурге

Следует отметить, что, по мнению многих специалистов, расовая предубежденность, свойственная группам трудящихся-белых, имеет тенденцию к исчезновению в тех случаях, когда коренные британцы оказываются в одной бригаде или в одном цехе с «цветными» рабочими. Во многих случаях общность классовых интересов начинает вытеснять

ксенофобские настроения. Однако процесс этот весьма сложен. Сохранению расистских воззрений всячески способствуют не только ультраправые, но и значительная часть средств массовой информации. Особенно же заинтересованы в укоренении предрассудков предприниматели, поскольку расколотые по расовому признаку отряды трудящихся представляют для дельцов меньшую опасность. Так, людьми легче манипулировать, возлагая на «цветных» ответственность за безработицу и выводя из-под удара истинных виновников трудностей, с которыми приходится сталкиваться. Все это оказывает немалое воздействие на умонастроения трудящихся, влияет и на методы работы профсоюзов, волей-неволей вынужденных учитывать существующие обстоятельства.

Между тем во многих случаях «цветные» становятся активными членами профсоюза, совместно с остальными выступающими за общие права трудящихся. Так, по словам профсоюзного деятеля Б. Эштона, рабочие-плотники азиатского происхождения, вступившие в столичное отделение профсоюза, рассматривались вначале их коллегами-белыми как люди, готовые нанести урон объединению трудящихся. Такую мысль всячески поддерживал руководитель отделения — человек, живший прежде в Южной Африке и, несмотря на то что его не признавали члены профсоюза, рассматривавшийся фирмой как официальное лицо. (Последнее обстоятельство лишний раз свидетельствует о господствующих среди предпринимателей симпатиях.)

Однако поклонник южноафриканских расистов все же не удержался на своем посту и на его место был избран Эштон. Профсоюз занял более жесткую позицию по отношению к работодателям и добился более чем двойного повышения расценок. 30 плотников

азиатского происхождения оказались едва ли не самыми энергичными участниками всех акций отделения профсоюза. При их активном содействии удалось вырвать у предпринимателей еще более чем полуторное повышение расценок. «Помимо вопросов оплаты и условий труда, — заявил Эштон, — они проявляют исключительную последовательность в вопросах общей солидарности. Например, когда мы объявили забастовку в поддержку работников здравоохранения, они почти в полном составе встали в линию пикетов»²⁶.

Было бы, разумеется, несправедливо утверждать, что тред-юнионы не проявляют заботы о положении «цветных», о защите их прав. Так, резкую отповедь лидеров двух крупнейших в Великобритании объединений — транспортников и служащих учреждений и органов местного самоуправления — вызвала устроенная министерством внутренних дел операция по прочесыванию предприятий в поисках «незаконных иммигрантов». «Мы в высшей мере встревожены этими новыми тайными наскоками на иммигрантскую общину, организованными правительством, судами и полицией в различных районах страны, — подчеркнули в своем заявлении эти два профсоюзных лидера — М. Эванс и Д. Бэснетт. — Эта атмосфера террора заставляет рабочих-иммигрантов пребывать в постоянном страхе»²⁷. Получившие прозвище «рыболовных рейдов» эти акции проводились в форме налетов на предприятия, отели, рестораны.

«Рыболовные рейды», проведенные полицейскими на предприятиях, в отелях и других местах, отметили Эванс и Бэснетт, посеют среди законопослушных трудящихся-иммигрантов страх, что им следует постоянно иметь при себе бумаги, подтверждающие их

право жить и работать здесь. «Эта ситуация скорее напоминает режим апартеида в Южной Африке, нежели Великобритании», — было подчеркнуто в их заявлении. «Климат, созданный правительством тори, — подчеркнули Эванс и Бэснетт, — порождает в нашем обществе прослойку рабочих, не пользующихся ни правами, ни безопасностью»²⁸.

«Рыболовные рейды», наделавшие немало шума, имели место в 1980 году. Однако случай, происшедший два года спустя, показал, что с правами «цветных» в Англии считаются, мягко говоря, не всегда.

Это произошло на автомобильном заводе компании «Бритиш Лейланд» в городе Коли. Была совершена кража, и начальник охраны предприятия Д. Коксон приказал задержать показавшегося подозрительным «цветного» рабочего. Забегая вперед, скажем, что он впоследствии был оправдан. Но это будет потом. А пока Коксон отдал распоряжение задерживать и подвергать подробнейшему допросу всех темнокожих рабочих и служащих, входящих в двери предприятия, и подвергать их обыску при выходе. Распоряжение служаки-охранника, в прошлом работника полиции, попало в печать и немало шокировало общественность. Если бы не злобная публикация в «Оксфорд мейл», никто бы и не узнал об этом распоряжении, с солдафонской прямолинейностью заявил экс-полисмен²⁹.

Между тем 28 работников предприятия — жертв дискриминационной операции подали иск, который рассматривал индустриальный трибунал. Здесь было признано: распоряжение начальника охраны наносило ущерб истцам. Администрация завода упорно пыталась защитить своего верного стража и подала апелляцию. Однако дело приобрело столь одиозную окраску, что апелляционный суд вынес решение в пользу 28

униженных и оскорбленных — «цветных» работников автомобильного завода³⁰.

Судебные инстанции даже в случае подтверждения несправедливостей, допущенных по отношению к работнику-иммигранту, зачастую принимают решение, по своей форме порицающее виновных, но по сути оскорбительное для того, кто «выиграл дело». Это, например, испытал на себе рабочий-каменщик Л. Броуди, нанятый муниципальными властями города Ноттингема⁵¹. Однажды ему потребовалось проконсультироваться с врачом, и он на четверть часа запоздал на работу. Своему начальству он представил справку о посещении врача. Будь он «сто процентным», его опоздание даже не отразилось бы на дневном заработке. Но Броуди был чернокожим, «человеком второго сорта». И его тут же сократили, а при расчете еще и вычли за опоздание. При этом ему было заявлено, что он плохо кладет кирпичи. Утверждение это, как выяснилось во время разбирательства дела в индустриальном трибунале, куда обратился Броуди, не имело под собой оснований. Тогда же было установлено, что сотрудники муниципалитета вписали в документы Броуди заведомо фальшивые сведения. Одному из них, Дж. Хэслэму, после этого было предложено уволиться со службы.

В решении, принятом трибуналом, говорится, что увольнение каменщика за неудовлетворительную кладку необоснованно, что он подвергся дискриминации, когда были сделаны вычеты из его зарплаты (в то время как рабочим-белым в таких случаях платили полностью) и когда его подвергли наказанию за опоздание в связи с посещением больницы. Решение вроде ставило все на свои места. Однако компенсация, присужденная пострадавшему за нанесенный ему материальный и моральный ущерб,

была смехотворной: она более чем в 40 раз была меньше того, что требовал истец, и более чем в 200 раз — меньше той, которую мог бы получить в случае незаконного увольнения рабочий-белый. Возмущенный таким решением Броуди отказался принять чек. «Я рассматриваю эту компенсацию как оскорбление, нанесенное мне лично и всей черной общине Ноттингема, — заявил он. — Она ни в коей мере не соответствует тому тяжелому оскорблению, которое было нанесено мне, однако она дала возможность черной общине увидеть степень несправедливости, существующей вокруг»³³. «подавитесь своей компенсацией!»³⁴ — бросил он руководителям муниципалитета.

Любопытный эксперимент провели в Ноттингеме сотрудники комиссии расового равенства и представители местной общины. По их просьбе три человека — белый, уроженец Вест-Индии и выходец из Азии откликнулись на объявления о имеющихся вакансиях клерков, работников магазинов, коммивояжеров и секретарей.

Эти рабочие фабрики «Куокер оутс» в Саутхолле участвуют в забастовке протеста против увольнения восьми «цветных» работниц

Уровень квалификации и профессиональный опыт всех троих были идентичны. Предприниматели же со значительно большей охотой отдавали предпочтение «стопроцентному» англичанину. Как минимум, в трети случаев дискриминация была очевидной. Рассказавший об этом юрист Дж. Биндмэн подчеркивает: если треть или более того работодателей не имеют понятия о законе о расовых отношениях либо же рискуют заведомо его нарушить, то закон этот, по всей видимости, не является эффективным сдерживающим средством против продолжения дискриминации³⁵.

Закон о расовых отношениях 1976 года, вступивший в силу в 1977 году, формально запрещает

дискриминацию расового характера при найме на работу. При этом конкретизировались формы, которые она может принять. В частности, дискриминационными могут оказаться пути, ведущие к принятию решения относительно того, кому именно должно быть предложено данное место (например, инструкции, данные работнику отдела кадров или агентству по найму), отмечалось в законе. Дискриминирующими могут быть признаны предложенные условия работы (оплата, использование выходных и праздничных дней). Тот же подход может быть обнаружен в намеренном отказе от рассмотрения кандидатуры³⁶.

Предусмотренная тем же законом специальная комиссия расового равенства (КРР) обладает прерогативами для недопущения дискриминации, призвана «помогать соблюдать законность и обеспечивать равенство возможностей и добрые отношения между людьми различных расовых групп»³⁷. Однако, несмотря на эти широкие полномочия комиссии, в вопросах пресечения дискриминации сложностей достаточно. Дж. Биндмэн прав, когда указывает, что факт дискриминации бывает очень сложно доказать. Сбор соответствующих доказательств и свидетельств закон возлагает на саму жертву. Между тем третейские индустриальные трибуналы, по словам того же юриста, не спешат выносить свое заключение относительно того, имелись или нет иные обоснованные причины, помимо принадлежности к определенной расе, которые могли повлечь соответствующее обхождение с данным человеком. Мало того, даже самый настойчивый истец, которому удастся довести дело до конца и выиграть его (в 1980 году, например, таких набралось всего 19), скорее всего получит мизерное возмещение за причиненное ему зло и за все его усилия восстановить справедливость³⁸.

Лишнее подтверждение последнему — описанный выше случай с Броуди.

Закон 1976 года, по всей видимости, столь мало стеснял работодателей, что KPP подготовила и опубликовала в дополнение к нему специальное руководство, предназначенное для тех же работодателей, а также для профсоюзов и агентств по найму. Ни один кандидат либо работающий человек не может быть подвергнут менее благоприятному обращению либо поставлен в невыгодное положение по расовым мотивам, гласил этот документ KPP. В нем также указывалось, что недопустимо в объявлениях о вакантных местах указывать на предпочтительность кандидата, являющегося представителем той или иной расы. Работодатели не должны требовать знаний английского языка и профессиональных навыков сверх того, что необходимо для выполнения данной работы.

Говорилось в документе и о том, что следует проявлять заботу о возможности отправления людьми религиозных обрядов, об их культурных запросах. В случае если то или другое входит в противоречие с установленными порядками, работодатели должны в разумных пределах изменять эти порядки. Особая ответственность за обеспечение равных возможностей возлагалась на профсоюзы. Подчеркивалось, что через посредство своих членов им следует предотвращать проявление противозаконной дискриминации³⁹.

Комментируя этот кодекс, председатель KPP Д. Лейн отметил, что, несмотря на сдвиги, происшедшие в последнее десятилетие, дискриминация в трудовой сфере все еще широко распространена. И пустого словословия в адрес идеала равных возможностей вовсе не достаточно⁴⁰.

Действительно, ни параграфы закона, ни положения рекомендации KPP не стали непреодолимым барьером

для тех, кто, исходя из своекорыстных целей либо же будучи в плену закоснелых расистских воззрений, продолжал делить людей на граждан «первого и второго сорта». Это, к примеру, ощутили на себе шесть рабочих сталелитейного завода в Сканторпе, принадлежащего компании «Бритиш стил». После отпуска, который они провели в Бангладеш, выходцами откуда они были, их по возвращении заставили пройти тест на знание английского языка. И опытные рабочие с многолетним стажем по результатам проверки оказались «непригодны» для дальнейшей работы. Лишь одному из шестерых «повезло» — ему предложили должность уборщика, разумеется, с понижением зарплаты. Индустриальный трибунал, куда они обратились, поддержал довод их защитника, что глубокое знание английского языка не является необходимым по роду их работы. Тесты, отметил в своем решении трибунал, незаконны, и дискриминация имела место. Однако дискриминация эта «косвенная», говорилось в нем далее, вследствие чего пострадавшие не могут требовать от компании компенсации и восстановления на работе⁴¹. «Выигрыш» дела «цветными» не изменил к лучшему их плачевного положения.

Иногда предприниматели не прибегают к подобным уловкам, а излагают свое кредо откровенно. Свидетельницей этого стала К. Лавленд, сотрудница общественной организации «Проджект фуллэмплой» в столичном районе Лэмбет, взявшейся помогать иммигрантам в устройстве их на «беловоротничковую» работу— клерками, работниками офисов. В интервью с корреспондентом газеты «Обсервер» она рассказала, что в надежде устроить на практику группу «цветных» молодых людей она обратилась к «изготовителю одного всем известного изделия, имеющегося в каждом доме,

увенчанного неоднократно королевской наградой за достижения в деле экспорта». Для беседы ее принял начальник отдела кадров фирмы. «Между вами и мной и четырьмя этими стенами скажу: мы производим белый продукт. Мы не против, если они занимаются погрузкой товара на фабричном дворе. Но... в офисах покупатели предпочитают видеть белых»⁴².

Множество фактов приводит к убеждению: различные «законы» и «рекомендации», якобы направленные на искоренение расовой дискриминации, преследуют в первую очередь политическую цель. Они являются главным образом ширмой, за которой скрывается фасад «демократического общества» в стране, откуда то и дело раздаются призывы «оберегать права человека», которые вроде бы нарушаются в других государствах. В любом случае кардинального действия в плане облегчения участи «цветных» декреты эти не оказывают. Равно как вряд ли можно достичь этого с помощью иных полумер, примером которых можно считать предложение лейбориста из Ковентри К. Шармы. Он полагает, что решить проблемы сможет министр по делам меньшинств — такой новый пост ему видится в случае прихода к власти лейбористов⁴³.

Но можно ли думать, что один новый пост в кабинете способен устранить острейшую проблему? (Шарма выражает надежду, что с помощью нового министра она будет снята с повестки дня к концу века.) Ведь зерна расизма, уже пустившие корни и еще бросаемые в британскую почву, дают особенно пышные всходы в периоды спадов и кризисов экономики.

«Одной самоотверженностью не проживешь, — напоминает плакат в руках демонстрантки. — Работодатели должны повысить оплату труда»

Хорошо известно, к чему привела монетаристская политика кабинета тори. Брошенные на одну чашу весов интересы большого бизнеса значительно перевесили покоящиеся на другой чаше интересы простых англичан. Многомиллионная безработица — конкретное проявление антигуманной политики консерваторов. Именно под углом зрения этой почти катастрофической ситуации и следует рассматривать проблемы, с которыми сталкиваются иммигранты на рынке труда. Даже в официальных документах признается: темнокожие рабочие в период высокой безработицы теряют работу в первую очередь⁴⁴. В то время как за два года безработица среди белых молодых жителей Брикстона увеличилась на 33

процента (тоже, заметим, немало), среди «цветной» молодежи она подскочила на 152 процента, говорилось в документе, подготовленном советом по расовым отношениям столичного района Лэмбет⁴⁵. Ту же тенденцию подтверждает доклад, подготовленный независимой организацией «институт политических исследований». В сопоставимых цифрах коэффициент увольнений в целом по стране составляет: среди выходцев из Вест-Индии—31, из азиатских стран—29, среди белых—19 ⁴⁶.

Рост классового сознания «цветных» трудящихся, подкрепленный их социальной активностью, солидарность с ними их белых братьев по классу, осознание общности их врага — эксплуататоров — только на этих путях может лежать решение острейшей проблемы. Примеры таких совместных действий уже не единичны. Так, владельцы расположенной в Западном Лондоне фабрики пищевых продуктов, видимо, не без умысла так расставили представителей различных этнических групп, так организовали оплату их труда, что на предприятии постоянно поддерживалась Напряженность между белыми, вест-индцами и выходцами из Азии. Однако, когда назрел конфликт с администрацией, этнические барьеры рухнули, и рабочие, отстаивая свои права, выступили единым фронтом⁴⁷.

Очень важно, подчеркивает член Исполкома Компартии Великобритании Дэвид Кук, чтобы «рабочее движение и его организации повсюду в стране, органы управления внутригородских районов детально разработали свой курс в области местных проблем, увязав его с общенациональной левой альтернативной политикой; это основной вопрос...»⁴⁸.

Глава IV

Мой дом — моя крепость?

Гэвтон Шеперд был «хорошим черным». Выходец из Гайаны, он смог добиться определенного положения в Брикстоне — столичном районе, где живет много иммигрантов. Его благовоспитанность могла сравниться лишь с его красноречием и любовью к справедливости. Эти качества помогли ему занять место проповедника методистской церкви. Одновременно он сотрудничал в комиссии расового равенства, где занимался делами молодежи. Материальное положение Шеперда было столь благополучным, что он смог приобрести едва ли не роскошный по меркам Брикстона трехэтажный коттедж.

Короче говоря, по всем признакам уроженец бывшей Британской Гвианы весьма успешно интегрировался в британское общество. Во всяком случае сам он, вероятно, считал именно так.

И это явилось его роковым заблуждением. Поскольку истеблишмент не терпит «чужаков», особенно если цвет их кожи хоть на йоту отличается от лилейно-белого.

А началось все с того, что супруги Шеперд решили сдать в аренду два верхних этажа своего «особняка». Новыми жильцами стали члены семейства Харрисов. Как это порой бывает, отношения между двумя семьями, обитающими бок о бок, не сложились.

Харрисы стали регулярно вызывать полицию, заявляя, что жильцы с первого этажа «терроризируют», «запугивают» их и вообще сживают со свету. Блюстители порядка исправно являлись по вызову. Обвинения арендаторов вносились в протоколы, а

однажды проповедника просто-таки схватили за шиворот и на глазах его троих маленьких детей поволокли к полицейскому фургону.

Шеперды также пытались прибегать к помощи стражей закона: когда накал страстей в препирательствах с соседями приближался к опасной грани, они звонили в участок, прося прислать полицейских. Но ни разу их просьба о помощи не была удовлетворена.

Чем же объясняются столь удивительные действия блюстителей порядка?

А удивительного ничего нет. Все закономерно. Харрисы — стопроцентные белые. Шеперды — стопроцентные черные. Эти обстоятельства объясняют и дальнейший ход событий.

Арендаторы обратились со своими обвинениями в муниципальный совет, который мгновенно возбудил против владельцев дома уголовное дело. Весьма примечательный характер носило разбирательство в суде. Мистер Харрис, выступавший в роли истца, заявлял, что он и его близкие постоянно подвергались оскорблениям со стороны владельца дома и членов его семьи. Среди обвинений были и откровенно дурно пахнущие. Помимо полицейских, уже давно обнаруживших свои симпатии и антипатии, показания арендатора взялся подтвердить лишь один свидетель — белый джентльмен, живший неподалеку.

Двенадцать присяжных, из которых 11 были белыми, закрыли глаза на веские контраргументы, представленные защитниками обвиняемых. Выяснилось, например, что оскорблениями осыпались как раз Шеперды. Так, суду было представлено документально подтвержденное свидетельство, что госпожа Харрис громогласно заявляла, что «таким, как Шеперд и его семейка, место не здесь, а в джунглях». Обнаруживалось, что третированию подвергались

маленькие дети проповедника. Приводились и подробности грубого и явно беспочвенного ареста владельца дома. Мало того, защита представила суду целый ряд документов, подтверждающих добропорядочное поведение ответчика. К тому же в противовес фактически единственному свидетелю обвинения все показания Шеперда подтверждались значительным числом людей.

Три недели длилось это, с позволения сказать, разбирательство. Судья, равно как и присяжные, упрямо гнул свою линию. Их даже не смутило, что едва ли не первое заявление истца — относительно его места службы — оказалось ложным. Адвокат обвиняемого — как и он, темнокожий, — анализируя атмосферу в зале суда, позже признался: «Я чувствовал себя крайне нелепо... Казалось, они и меня хотят засадить за решетку».

В день вынесения вердикта расизм окончательно восторжествовал в суде. Приговор: девятимесячное тюремное заключение Гэвтону Шеперду и такой же срок, но условно — его супруге, Юнис. Темнокожий проповедник был препровожден в тюрьму, а жизнь его оставшейся пока на свободе супруги и их детей превратилась в сущий ад. Хотя Харрисы демонстративно съехали из этого дома, у них нашлось немало единомышленников: Юнис Шеперд то и дело слышала в телефонной трубке ругательства и откровенные угрозы. Почтальон приносил все новые грязные и страшные анонимки. В конце концов, опасаясь за жизнь детей и свою собственную, она вынуждена была снять жилье в другом районе.

Между тем, когда по явно сфабрикованному обвинению Шеперд — один из видных сотрудников комиссии расового равенства был брошен за решетку, руководство этой комиссии просто вычеркнуло его имя из ведомости на получение зарплаты. И лишь местные

активисты, создав так называемый комитет защиты, стали упорно добиваться пересмотра дела — в Брикстоне Шеперда хорошо знали не только как красноречивого проповедника, но и как человека, немало сделавшего для облегчения участи местной темнокожей молодежи, в частности основавшего специальный «молодежный центр». Однако в своих усилиях «комитет защиты» столкнулся, по словам газеты «Гардиан», с «величайшими трудностями». (И это несмотря на то, что многие юристы выражали недоумение относительно поразительно сурового приговора, равно как и по поводу того, что вопрос о ссоре между соседями стал объектом уголовного, а не гражданского дела.)

Когда члены «комитета защиты» обратились за помощью к парламентариям, представлявшему их округ, небезызвестному Сэму Силкину, королевскому адвокату, а в прошлом генеральному атторнею, тот постарался отсоветовать добиваться апелляции. И хотя он мотивировал свою рекомендацию заботой о самих членах «комитета защиты», которые лишь потеряют попусту время, поскольку пересмотра дела добиться все равно не удастся, о его истинных мотивах можно судить по одной из прошлых страниц его биографии. В ходе нашумевших заседаний Европейского суда в Страсбурге в 70-е годы, где к позорному столбу были пригвождены лондонские правители за бесчеловечное обращение с ольстерскими борцами за гражданские права, сей джентльмен, выступая в роли основного защитника действий Лондона, приложил немало сил для их обеления.

В конце концов помощь была оказана известным адвокатом Руди Нарайаном, выходцем из Гайаны, защищающим иммигрантов, когда против них выдвигаются обвинения явно расистского характера. С его помощью удалось добиться апелляции. Приговор

был отменен как беспочвенный. Правда, произошло это после того, как Гэвтон Шеперд уже отбыл в тюрьме большую часть своего срока. Были сняты обвинения и с его супруги.

Кто же виноват в том, что Шеперду пришлось провести ни за что ни про что долгие месяцы за решеткой? Злобствующие соседи? Нечестные полицейские? Расистствующие служители Фемиды? Все это вкупе. Или, как заявил, отвечая на этот вопрос сам Шеперд: «Система, вся система».

Заключение в тюрьму человека, пользующегося весьма солидным статусом, по словам «Гардиан», убедило многих, что ни один чернокожий, какой бы высокой ни была его репутация, не может рассчитывать на то, что его слову поверят, если он вступил в конфликт с белым, который автоматически получает поддержку полиции. «Если это могло случиться с Гэвтоном, — говорят люди, — это может произойти и с нами. Это может случиться с любым»¹.

Итак, тяжелый меч британской Фемиды по сути дела покарал «выскочку-чернокожего» за то, что тот занял неподобающее место — не уготованное властью имущими для подобных ему в трущобе или развалюхе, а приличный коттедж.

Исследование, проведенное в 1979 году работниками комиссии расового равенства в столичном районе Тауэр хэмлетс, содержит мысль о том, что для живущих здесь иммигрантов вопрос жилья — самый острый². Когда-то утопающий в зелени, этот район снискал славу «райского уголка»³. Однако впоследствии из-за быстрого роста населения (только в XIX веке оно здесь, как считают, увеличилось в четыре раза) обострился спрос на жилье. Дома действительно строили — но без намека на самые элементарные удобства. Попытки властей в дальнейшем исправить

положение не дали ощутимых результатов. В итоге «цветущий райский уголок» превратился в непривлекательный район трущоб⁴.

Здесь жилье продается только «людям первого сорта»

Авторы исследования пришли к выводу, что политика муниципальных властей в области распределения жилья направлена против иммигрантов, населяющих Тауэр хэмлетс. Иначе не объяснить специальный ценз — 5-летнее непрерывное проживание является необходимым, дабы мог встать вопрос о выделении муниципального жилья. Лишь считанные выходцы из Индостана в состоянии преодолеть этот барьер. Спустя несколько лет после приезда очень многие уезжают повидать свою жену, детей, прерывая таким образом требуемый срок проживания. А в этом случае власти бывали неумолимы — человек должен вновь начинать 5-летнее ожидание.

Мало этого, на получение жилища имеют гораздо больше прав люди семейные. «Все это напоминает замкнутый круг, — приводят авторы исследования слова одного из жителей района. — Иммиграционные власти не дают нам возможности привезти с собой семьи. А поскольку у нас здесь нет семей, мы не соответствуем муниципальным меркам при распределении жилья»⁵.

Авторы нового исследования, проведенного в 1980 году, вынуждены были констатировать: в сфере жилья в Ист-энде (куда входит Тауэр хэмлетс) ситуация «ужасающая»⁶. Так, на двух улицах, застроенных частными владениями, 70 процентов жильцов вынуждены пользоваться общим туалетом, размещенным вне здания, у 77 процентов нет горячей воды, у 86 процентов — ванны.

В докладе подчеркивается, что муниципальные власти в основном заботятся о строительстве разного рода офисов и контор. Для них расчищаются от обветшавших зданий значительные участки. Людей буквально выбрасывают на улицу. Так, из 1165 человек, чьи дома были снесены, новое жилье получили примерно 100 человек. Остальным пришлось ютиться в трущобах и так уже перенаселенных. Начальник жилищного управления столицы Джордж Тремлетт явно имел достаточно оснований охарактеризовать положение в этом районе как «позор нации»⁷.

Впрочем, и в других местах, где обосновалась темнокожие, обстановка не лучше. Столичный район Лэмбет — одна из жертв правительственной политики урезывания социальных программ. Его обитатели, по выражению «Таймс», принадлежат к числу «самых бесправных людей в Британии». Иммигранты занимают худшие строения в Лэмбете.¹ Сорок процентов бездомных и тех, кто пребывает в ожидании получения

жилья, — люди с темной кожей, составляющие, как полагают, четверть населения Лэмбета⁸. Сокращения ассигнований ударяют в первую очередь по ним. Не будут строиться новые дома, ремонтироваться одряхлевшие. Антисанитария и сырость повлекут новый рост заболеваний. Ведь подавляющее большинство живущих здесь не имеет возможности приобрести собственное жилье и может уповать лишь на милость властей. А это надежда слабая, в чем имел возможность убедиться, например, иммигрант азиатского происхождения Тафуззул Ислам.

Он приехал в Англию в 1965 году из Восточного Пакистана (ныне Бангладеш). Ему было тогда 23. Он обосновался в Аксбридже, где удалось найти работу. Несколько раз ездил на родину, а в 1968 году там женился. После этого вернулся в Англию и бывал в Бангладеш наездами. Исправно посылал деньги жене и детям, надеясь, что в конце концов они приедут к нему. Он вполне мог на это рассчитывать, благо обладал правом на неограниченное по времени пребывание в Великобритании. В 1974 году он подал официальное заявление с просьбой предоставить въездную визу его семье. Ожидание затянулось еще на шесть лет — власти дали визу лишь в 1980 году.

Готовясь к приезду близких, Ислам за 13 фунтов в неделю снял новое жилье — отдельную комнату и еще одну рядом, которой пользовались и другие жильцы. Однако, когда приехали его жена и четверо детей, домовладелец отказался их впустить. Семейство Ислам оказалось на улице. Тафуззул обратился за помощью к муниципальным властям, полагая, что, как бездомный и к тому же обремененный семьей человек, он имеет приоритет в получении жилья. Но ответ он получил ошеломляющий. Ему было объявлено, что бездомным он сделался сознательно, поскольку вынудил свою супругу

и детей покинуть жилье, которое они вполне могли бы продолжать занимать.

В полном отчаянии он обратился в апелляционный суд. Однако поразительное решение и здесь получило хотя и не единогласную, но поддержку. В расчет не было принято право Ислама на объединение с собственной семьей, не было учтено, что к моменту судебного разбирательства он прожил и проработал в Англии уже 16 лет⁹.

Дело приобрело столь скандальную окраску, особенно на фоне развернувшейся шумной пропагандистской кампании «в защиту прав человека», что члены палаты лордов, куда оно попало, были вынуждены дать задний ход. «Не думаю, что комнаты на двух разных континентах можно рассматривать как нормальную жилую площадь», — не без язвительности заявил лорд Уилберфорс. Т. Ислам никак не подпадает под действие закона о сознательном лишении себя жилища. «Нет оправданий для отказа иммигранту, располагающему правом неограниченного по времени пребывания и работы в нашей стране, в проживании с его семьей», — подчеркнул лорд Бридж.

В итоге после всех мытарств было официально признано, что Ислам вовсе не «нарочно» создал эту ситуацию и что он имеет законное право на первоочередное получение муниципального жилья¹⁰.

Расовая дискриминация в сфере жилья практикуется местными властями в Великобритании повсюду, подчеркнула в своем докладе комиссия расового равенства. Система обеспечения жилищами темнокожих людей вступает в явное противоречие с законом о расовых отношениях 1976 года, отмечается в этом документе. Специально проведенное комиссией обследование установило: практически всегда людей с

черной кожей размещают в самых худших жилищах, которые имеются в наличии¹¹.

Для бедняков и «цветных» — трущобные гетто

Обследование длилось четыре с половиной года и концентрировалось на столичном районе Хэки, муниципалитет которого, контролируемый лейбористами, оказывал содействие в сборе данных. К конфузу местных властей, заявлявших, что они борются с проявлениями дискриминации, было установлено, что в области распределения жилья расовая предубежденность очевидна. Представителю муниципалитета У. Кларку осталось заявить, что Хэки в этом смысле не исключение. «То, что имеет место в Хэки, — признал он, — происходит по всей стране». Как подчеркивалось в докладе комиссии, муниципальные власти нарушали законодательство, «не предлагая чернокожим жилища того же качества, что бывали предложены белым гражданам, в равной с ними степени нуждающимся в жилье»¹².

Расовая дискриминация дает о себе знать и тогда, когда темнокожий пытается приобрести квартиру. К этому заключению пришли сотрудники университета города Лидса, обобщившие свои наблюдения в специальном докладе¹³. Представители этнических меньшинств гораздо чаще получают отказы, нежели белые.

«Верхушкой айсберга» дискриминации назвал две весьма показательные истории член комиссии расового равенства Малкольм Ли, выступив после обнародования итогов расследования деятельности жилищных бюро. Эти бюро, как выяснилось, руководствовались дискриминационными инструкциями владельцев домов, чьи интересы они представляли. Так, маклер Дж. Мидда из Бирмингема при рассмотрении заявлений желающих арендовать жилплощадь пользовался особым кодом. Буква «G» на карточке клиента означала, что это выходец из Вест-Индии или Азии. В то время как буквы «O», «Y», «S» означали соответственно людей ирландского и китайского происхождения, а также студентов. Этот маклер признал, что его фирма «Д. С. Сервисиз» выясняла у домовладельцев, не имеют ли они возражений против людей какой-либо национальности. «Я делаю, что мне говорят, — заявил Мидда. — Если владелец дома хочет англичанина, он получает англичанина. Я подвергаю дискриминации индийцев и пакистанцев...»

По словам бывшей сотрудницы этой фирмы Б. Карсуэлл, за то время, что она там работала, лишь четыре из 40 имевшихся для найма домов и квартир могли быть предложены также небелым.

В другом бюро, «Алленз аккомодейшн», расположенном на Эдгар-роуд в Лондоне, деятельность которого расследовалась, выяснилось: минимум треть домовладельцев выдвинула оговорки, касающиеся

расы, цвета кожи и национальности, и все их пожелания были учтены. Владелица бюро М. Каннингхэм заявила, что в ее обязанности не входило убеждать хозяев домов не подвергать дискриминации кого-либо. Если бы она игнорировала их пожелания, пояснила она, это создавало бы трудности в работе бюро и приводило бы к непродуктивной трате времени и средств для подателей заявлений — темнокожих.

В своем докладе члены комиссии выразили тревогу по поводу усиливающейся дискриминации, обнаруженной ими. «Результаты исследования подтвердили наши опасения, что самые грубые формы расовой дискриминации в этой сфере все еще являются обычным делом, хотя это противозаконно», — отмечается в докладе.

Характерная деталь. Мидда, чье настоящее имя — Гуру Дев Сингх, был объектом расследования совета по расовым отношениям в 1975 году. Ему тогда было предложено выплатить штраф в 500 фунтов, так как был выявлен факт дискриминации им одного из клиентов. Мидда — индеец. Однако частнопредпринимательские интересы взяли верх над всем остальным. Он даже бравирует тем, что наживается на своих соплеменниках. «Я должен защищать моих домовладельцев, и я вылечу в трубу, если не стану следовать их инструкциям... — заявляет он. — Мы живем в Англии, и, как говорится, будучи в Риме, поступай как римлянин»¹⁴.

Детская игрушка — едва ли не единственное, что удалось спасти жителю Манчестера Набилу Ахмеду после того, как его жилье подожгли расисты. Вместе с беременной женой и двумя детьми в возрасте одного года и двух лет Ахмеду пришлось выпрыгивать из окна

Если этот мелкий делец и прямолинеен, то резон в его утверждениях есть. Моральный климат в Великобритании-таков, что расизм стал повседневным явлением. Это признается даже в документе, рожденном в недрах министерства внутренних дел. Часть этого доклада посвящена жилищным проблемам. Чернокожих ко всему прочему вынуждают платить больше, чем белых, за одинаковое жилье, признается в докладе¹⁵.

Да, их лишают самого насущного — крыши над головой. Лишают прямым или завуалированным отказом, ставят всевозможные рогатки и препоны. Но даже если им удастся найти приличное жилище, то и

здесь покоя не жди. Слишком многие в Англии ведут себя подобно «римлянам в Риме». Бесчисленные нападения на темнокожих, травля тех, кто хочет одного — нормально жить и работать, и попустительство властей— все это сегодняшняя реальность. Газета «Гардиан» поместила обширный обзор того, что происходит в разных частях страны. Всюду примерно одно и то же.

...В Мерсисайде семья чернокожих заперлась от обитателей соседних домов на замок, и те в отместку перебили им окна топором.

...В Ливерпуле расистствующий юнец запустил булыжником в окно соседей, едва не убив двухлетнего темнокожего ребенка.

...В Саутгемптоне в течение нескольких лет подвергалась нападениям семья, где мать — белая, а отец — уроженец Нигерии. Однажды, когда семейство навестил представитель местной общественной организации, он увидел, как двое юнцов забрасывают камнями их трехлетнюю дочку, игравшую перед домом. «Я вошел в дом и сообщил о происходящем матери, — рассказывал он. — Она ответила, что они так «всегда делают» и она не в силах прекратить этого...» Во время одного из нападений на детей им угрожали ножом. В другой раз их осыпали дождем из осколков лезвий. Одна из девочек вследствие этой травли получила болезнь сердца. По словам матери, ребенок пребывает в постоянном страхе. Девочка повторяет, что ненавидит свой цвет кожи, и пытается скрыть его, натираясь светлой пудрой, при этом она раздирает кожу до крови. Однако, несмотря на официальную жалобу в полицию местной общественной организации, стражи порядка сочли, что для возбуждения уголовного преследования «нет оснований». А главный инспектор Скарт, которому были переданы жалобы преследуемой семьи, заявил

корреспонденту «Гардиан», что в этом районе вообще «нет никаких расовых проблем».

Еще одна жертва расистов

...Вначале, видимо, в качестве «предупреждения» причиняли всяческий ущерб ее дому. Затем, видя, что она «не понимает», избили ее саму. «Вина» этой белой женщины, жительницы Ливерпуля, заключалась в том, что у одного из троих ее детей кожа была темной. Решив переехать из этого района — чего и добивались расисты, — она обратилась за помощью к местным властям. Ответ был своеобразным: ей предложили жилье как раз над молодежным клубом, где собирались сторонники «национального фронта» ¹⁶.

Летом 1984 года жертвами налетчиков стали члены семьи выходца из Азии Мохаммеда Хуссейна, живущего, а точнее, жившего в Хай Уикомбе, Бакингемшир. Жившего — потому что его дом был подожжен рабствующими налетчиками. Четверо его детей

получили тяжелые ожоги, а старший сын, 18-летний Махбуб, заживо сгорел в огне¹⁷.

Полиция и местные власти не желают либо не способны положить конец растущему числу расовых нападений и постоянной травле семей темнокожих, живущих в муниципальных домах. Полиция смотрит на бесчинства расистов сквозь пальцы, а муниципалитеты либо отвечают отказом на просьбы темнокожих о переселении, либо предлагают им жилье в таких местах, где они заведомо будут подвергаться новым преследованиям¹⁸.

Глава V

Школьный «билет в один конец»

Когда в этой школе появился новый учитель, коллеги встретили его без особой радости — чернокожий. Вскоре неприязнь сменилась враждебностью. Стало известно, что преподаватель, Линкольн Браун, учился именно в этом учебном заведении. Он скрывал, что учителя в годы учебы травили его и издевались над ним. Сидеть ему разрешалось только позади. На голову ему «как тупице» надевали шутовской колпак. Его перевели в класс для «трудных». Не раз били... На экзаменах задавали такие вопросы, на которые ему заведомо было не ответить. Очень скоро Линкольн понял: он жертва расизма. Несправедливость учителей была очевидной. Обращаясь к белым школьникам во время урока, они спрашивали их о том, что те знали, — и учителям об этом было известно. Чернокожих, а их кроме Линкольна было в классе еще несколько, чаще всего просто игнорировали, давая тем самым понять, что они «недоразвитые»¹.

У Линкольна крепло чувство отчужденности. «Ты начинаешь смотреть на мир глазами белых ребят — какой-нибудь Дженет или какого-нибудь Джона. Но ты — сторонний наблюдатель, и все же от тебя ждут, что ты станешь принимать во всем участие. А когда ты не выказываешь желания, тебя наказывают. Сажают для начала в самый конец класса, и все они чувствуют, что поступают при этом справедливо», — вспоминал он впоследствии. Лишь природная тяга к знаниям, настойчивость, мужество и поддержка родителей —

выходцев с острова Монсеррат в Вест-Индии помогли поступить в университет в Лестере, где он стал изучать социологию. Параллельно набирался опыта в Хайфилдсе — гетто для чернокожих. Окончил университет, по его словам, с гораздо более четкими политическими воззрениями².

То величайшее упорство, которое позволило ему, единственному чернокожему мальчишке из целого района, пробиться в университет, толкнуло его, уже школьного учителя, на весьма рискованный шаг. Обобщив свои школьные наблюдения, Браун подготовил специальный доклад для работников своего учебного заведения. В нем прямо утверждалось: школа не дает никаких знаний юным представителям этнических меньшинств. Разумеется, это не вызвало большой радости у его коллег. Тем более что он пришел к выводу: значительное число школьных учителей — расисты, которые так ведут уроки, что темнокожие ученики оказываются попросту исключенными из учебного процесса. А те крохи знаний, которые им перепадают, замешаны на обывательской философии, господствующей среди белых британцев, представляющих сословие «средних классов»³.

Теоретически, как и на всех английских граждан, на детей «цветных» в возрасте от 5 до 16 лет распространяется положение об обязательном школьном обучении; в некоторых начальных школах они составляют большинство; но они не избавлены от трудностей, связанных с их семейной средой или с жилищными условиями, констатировал парижский журнал «Жён Африк»⁴. Наблюдения французского журнала следует дополнить мыслью о том, что дети иммигрантов, пожалуй, в еще более резкой форме, чем их родители, испытывают на себе ксенофобию, которой отравлена британская действительность.

Весьма примечательна, к примеру, программа «национального фронта» в сфере образования. Пункт первый: до полной репатриации иммигрантов открыть для их детей отдельные школы (в газете этой партии «Спирхед» утверждалось, что темнокожие дети тормозят развитие других детей из-за разницы в объеме мозга).

Пункт второй: укрепить дисциплину и активно применять телесные наказания; запретить все современные методы преподавания; среди учителей не должно быть коммунистов, хиппи и иностранцев. Пункт третий: ограничить курс истории лишь историей Англии и Британской империи; общественные науки — это эвфемизм, используемый красной пропагандой⁵.

Члены «национального фронта» не захватили пока власти в Англии, и маловероятно, что когда-нибудь захватят ее. Однако атмосфера в школах, где учатся и темнокожие, такова, что у непосвященного может закраснеть сомнение: уж не агенты ли НФ заправляют в учебных заведениях. Представление об обстановке в школах дает рассказ 15-летнего «цветного» жителя Лондона Лэнни Уилера.

«Возьмите, к примеру, мистера Маккартни — этот старый гвоздь работает у нас учителем. Так вот, он на дух не выносит черных. Ему, видите ли, противно смотреть на меня... К примеру, обращается он к кому-то из белых — прочитай то, сделай это — смотрит прямо на него, прямо в глаза, ну, как и положено. А если вызывает меня или там Питера, Джекки, Снейкера, кого-нибудь из «цветных» — да-да, мы все у него «цветные», — смотрит, подлюга, в пол. Вот так-то. В пол. Как-нибудь не сдержусь, выдам ему: «Эй, мистер Маккартни, вам, небось, охота, чтобы я ползал где-то там на полу, как последняя гнида? Так я пока еще не там, я здесь, и, если разговариваете со мной,

поднимите-ка лучше голову. Поняли меня, нет? Поднимите голову!» Видал я таких мерзавцев, которым смотреть на нас, учить нас, слушать нас — нож острый.

Три года я учился в одной школе, нас приняли туда сразу целую гвардию, и никто не умел читать. Белые, черные — читать не умел никто. Нас посадили в один класс, чтобы тянуть по чтению всех вместе. Собралось человек двадцать пять, все в одной комнате. Здесь всегда душно, потому что кухня рядом. В этой комнате раньше стояли кухонные столы, но для нас все это убрали, освободили помещение. В общем собралась компания малограмотных. И что же дальше? Приходит к нам учительница, старушенция, королеве Виктории в бабушки годится! И представляете, за всю свою жизнь она черного человека в глаза не видела, мы первые!.. Рассадила нас по местам, и как-то так вышло, что белые сидят в одном углу, а черные — в другом. Ну, думаю, ладно. В друзья к старушке я не набиваюсь, лишь бы читать научила, и на том спасибо. Научила, как же! Держи карман шире! На уроках мы читали вслух. Ну вот, белых она заставляла читать, пока у них язык не начинал заплетаться. Потом приходит наша очередь. И что же старушка? Послушает две секунды, скажет: «Прекрасно, Лэнни» — и поднимает следующего. Еще через две секунды: «Прекрасно, Снейкер». Еще две: «Замечательно, Элейн». На всех нас не больше минуты. Ну, как думаете, кому эти занятия что-нибудь дали? Только не нам, это уж точно!.. А еще знаете, чего они хотят? Чтобы мы не думали. Есть такие учителя, их прямо перекашивает, когда мы что-то правильно говорим...

Мы для них — тупые и грязные. По-другому они на нас и не смотрят. Тупицы и грязнули... Если я и получаю в школе какое-то образование, так это расовое...»⁶

Атмосферу в школах, где учатся дети иммигрантов, ощутила гостя из Америки — учительница Кэрол Бергман. «Когда я впервые приехала сюда, я с радостью увидела черных и белых детей, играющих вместе во дворе. Когда я вошла в класс, то увидела, что английские учителя не умеют обращаться с черными детьми, — делилась она своими наблюдениями с корреспондентом журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». — Учителя не пытаются понять культуру их народа. На черных детей смотрят, как на обузу. В свою очередь, дети чувствуют, что их не любят, и растут либо озлобленными, либо подавленными».

Изучить положение вест-индских школьников была призвана специальная комиссия — так называемый комитет расследований Рэмптона. В беседе с членами комиссии представители Национального союза учителей признали: в вест-индцах школьные преподаватели обычно видят хулиганов, при этом не учитывается, что ребята испытывают сложности, приспосабливаясь к жизни в другой стране, не принимаются во внимание и лингвистические трудности, с которыми они могут сталкиваться. Сплошь и рядом их направляют в особые школы или переводят в исправительные классы. А это — «билет в один конец», перспективы для дальнейшей карьеры оказываются загубленными.

Учителя не скрывают своего скептического отношения к умственным способностям темнокожих мальчиков и девочек. В школах сложился стереотип образа вест-индского ученика как шумного и неуравновешенного, способного к спорту, но бездарного, когда дело доходит до занятий. Разумеется, такого рода концепции не способствуют лучшему усвоению программы детьми иммигрантов. Лишь усугубляют ситуацию и учебные пособия, где всячески превозносится «миссия белого человека», а

культура других народов рассматривается как второстепенная.

«Наша школьная программа, вся система преподавания и атмосфера в классах никоим образом не учитывают присутствие представителей этнических меньшинств, не преследуют цель проявить о них заботу», — заявил член «комитета расследований Рэмптона» Карлтон Данкен⁸. Он оказался в курсе данной проблемы не только потому, что председательствовал на большинстве заседаний этой комиссии. Выходец с острова Ямайка, он, приехав в начале 60-х годов в Англию, долго и трудно пробивал себе дорогу. Его диплом не признали в Великобритании, и ему пришлось заново сдавать экзамены. Ему запомнилось удивление экзаменаторов, увидевших, что он в состоянии грамотно писать...

Да и как может быть иначе, если в школах до сего дня в ходу учебная литература, пронизанная высокомерием по отношению к «негритосам». Вопрос об этом был даже поставлен перед специальным подкомитетом палаты общин по расовым отношениям и иммиграции⁹. Как заявил член вест-индского координационного центра, учитель из Манчестера Рой Блэкмен, такие «пособия» лишь развивают у темнокожих учеников комплекс неполноценности.

Многие преподаватели придерживаются предубеждений, стереотипных воззрений на культурный и интеллектуальный потенциал детей выходцев из Вест-Индии, указывалось в докладе комиссии расового равенства, представленном «комитету расследований Рэмптона».

Усугубило напряженность в учебных заведениях решение апелляционного суда, объявленное лордом Деннингом, хранителем архива апелляционного суда. Речь шла о законности запрета директора частной

школы в Бирмингеме на ношение учениками-сикхами традиционного головного убора — чалмы. Суд признал правомочность действий директора школы, не усмотрев в них никакой расовой дискриминации. Это вызвало взрыв негодования среди членов полумиллионной¹⁰ (по другим данным, 250-тысячной¹¹) сикхской общины в Великобритании.

В разных местах прошли митинги и демонстрации протеста против решения суда, покрывающего рабствующего директора школы. Особенно мощная манифестация состоялась в центральной части Лондона 10 октября 1982 года. В ней приняло участие примерно 40 тысяч человек. Восемьдесят тысяч человек поставили свою подпись под петицией, адресованной правительству. Аналогичные петиции были вручены британским послам более чем в 30 странах¹². В конце концов сикхским юношам было разрешено носить чалму в школах.

Запрет школьникам-сикхам носить в школе традиционную чалму вызвал мощные демонстрации протеста

О характере причин, приведших власти к этому решению, можно составить представление, если обратиться к действиям муниципалитета города Бадфорда, столкнувшегося с похожей ситуацией. Значительную часть здешней 50-тысячной азиатской общины составляли сикхи. Их дети подвергались в школах разного рода дискриминации. Дело дошло до того, что руководители общины поставили вопрос об отзыве детей из имеющихся в Бадфорде 307 школ и организации особого учебного заведения для школьников азиатского происхождения, Руководителей общины огорчало и заботило многое в деле обучения детей иммигрантов, в частности тот факт, что школьная программа практически целиком базировалась на христианской культуре. Директора школ чаще всего не информировали родителей-иммигрантов о положениях Закона об образовании, который предоставлял последним право освобождать своих детей от уроков религии. Возникали проблемы с ношением традиционной одежды и головных уборов. Родители были вынуждены мириться с существованием общих комнат для переодевания мальчиков и девочек, что также противоречило национальным традициям выходцев из Индостана. Заботило иммигрантов и школьное меню...

Между тем в некоторых школах дети азиатского происхождения составляли до 90 процентов учащихся. В конце концов муниципалитет Бадфорда осенью 1982 года принял постановление, в котором были учтены пожелания этнической общины. На 10 страницах подробно перечислялось, что именно следует делать школьным властям, дабы не задевались чувства и верования представителей азиатского меньшинства. Оговаривалось и право школьников носить традиционную одежду и уходить с последнего урока в

пятницу для посещения сикхского храма, говорилось о необходимости обеспечения школьных буфетов традиционной пищей...

Комментируя этот документ, «Таймс» не без язвительности писала «о неожиданно пробудившейся совести городских политиканов». А затем, ставя точки над «і», отмечала: «Все партии стремятся заполучить голоса этнических меньшинств»¹³. Так что проявленная «забота» являлась не чем иным, как эгоистичным политическим расчетом. Аналогичные цели преследовались и в ряде других случаев, когда власти (на разных уровнях) вдруг «проявляли понимание», шли навстречу требованиям иммигрантов.

Разумеется, ситуацию, в которой оказываются «цветные» школьники, не назовешь благоприятной для них. Попав в школу, они как бы оказываются на территории враждебного государства. Их травят за цвет кожи, за то, что многое в учебных программах им непонятно, за стремление соблюдать свои национальные обычаи, за то, что они слишком шумные, или за то, что чересчур тихие... Напряженность в школах растет. И правые тычут перстом в детей иммигрантов, объявляя их корнем зла.

Но как же не расти напряженности в школьных стенах? Ведь даже по официальной статистике, преуменьшающей реальные масштабы безработицы минимум на 30–40 процентов, в стране к лету 1983 года насчитывалось свыше 1 миллиона 300 тысяч безработных молодых людей в возрасте до 25 лет. По подсчетам экономистов, от 50 до 70 процентов юношей и девушек оказываются в рядах безработных сразу же после школьной скамьи. Вот где кроются истинные причины того, что в среде молодежи распространяется пессимизм, зреет отчаяние, растет преступность, ширятся масштабы вандализма. Не трудно представить,

сколь опасна человеконенавистническая пропаганда «коричневых» в этой чреватой взрывом обстановке.

С требованием работы выходили манифестанты в 30-х годах. Их лозунги воскресили юные участники самодеятельного театрального представления, развернувшегося спустя полвека на одной из лондонских набережных. Зрители не могли не отметить его актуальность

Надо к тому же помнить, что «цветные» дети попадают в школу обычно из бедных семей, зачастую после голодного детства. А ведь недостаточное питание может сказаться и на развитии¹⁵. Расисты будут говорить о «неполноценности» небелых. Причины же отставания в развитии части школьников —

«цветных» кроются в социальной сфере. В массе же своей небелые детишки вовсе не уступают в способностях «стопроцентным» британским школьникам. Более того, специалист по детской психиатрии профессор Лондонского университета М. Раттер обнаружил данные, опровергающие утверждения расистов. Согласно исследованию, проведенному им в 12 столичных школах, темнокожие школьники показывают более глубокие знания в ходе экзаменов. В процентном отношении среди «цветных» значительно больше отличников. Уходят из школы, не сдав экзамены, вдвое меньше темнокожих учеников, нежели белых. В целом это свидетельствует, по словам профессора, о «более серьезном отношении к учебе со стороны чернокожих учеников»¹⁶. Выходцы из Азии и Восточной Индии, свидетельствует исследование, проведенное в городе Брайдфорде, занимаются не хуже белых сверстников¹⁷.

Так что, как видим, проблема не в «неспособности» детей иммигрантов к учебе, хотя они и поставлены в невыгодные условия и это может в какой-то момент сказываться на их успехах. Дело в другом. В том, что власть имущим выгодно создавать вокруг них нездоровую атмосферу, сваливая на них в чем не повинных детишек груз ответственности за действительно трудное положение, в котором находится британская школа. Фактически это отвлекающий маневр, дымовая завеса, за которой консерваторы могут проводить свою политику «жесткой экономии» в социальной сфере. Раз за разом сокращаются ассигнования на образование, все более тусклыми делаются перспективы улучшения обстановки в школах. А это сулит новые горести в первую очередь «козлам отпущения» — детишкам с небелой кожей.

К тому же большинство из них знают, что и закончив учебу, они будут иметь крайне мало шансов на «место под солнцем». В 1984 году была обнародована статистика за минувший год по городу Брайдфорду. Из 75 «цветных» выпускниц городских школ работу смогли найти лишь пять. Их «цветные» сверстники столкнулись с еще большими трудностями: из 165 повезло только четырем¹⁸.

Глава VI

«Черных и кудрявых гоните прочь!»

Они сидели на кухне своего дома и пили чай — Питер Хэйн и его жена. Им было о чем поговорить. Были и причины для беспокойства. Питер — активный участник борьбы против расизма, член антинацистской лиги (АНЛ). И вот уже дважды его имя появилось на страницах «Саут Ландн ньюс» — листка, издаваемого отделениями «национального фронта» в столичных районах Уондсуорт и Лэмбет. Последний раз его фамилия, адрес и телефон значились в списке, озаглавленном весьма специфически — «Местная мразь». Фашистские издания позволяют себе использовать, мягко говоря, своеобразную терминологию. А в предыдущем случае, когда он удостоился быть упомянутым в числе 14 активистов АНЛ, газета поместила на первой полосе аншлаг: «Мы верим, что настало время начать войну нервов против антинацистской лиги с помощью тактики террора». После этих человеконенавистнических призывов ему стали досаждать угрозами по телефону...

Вечерний чай супругов Хэйн прервал звон разбитого стекла. Питер подошел к входной двери. Стекло было вдребезги разбито, на полу лежали куски кирпичей. От дома убегала группа каких-то людей, выкрикивающих: «Национальный фронт! Национальный фронт!» Фашисты, видимо, не хотели оставлять сомнений, что это дело именно их рук.

По мнению Хейна, которым он поделился с корреспондентом «Таймс»¹, на него пал выбор ультраправых громил, поскольку стало известно о его

решении баллотироваться, по списку лейбористов на парламентских выборах.

Ну а что сами заправила «национального фронта» (НФ) думают насчет подобного рода полухулиганских — полубандитских акций? Член национального директората «фронта» и одновременно ответственный за работу прессы уондсуортского отделения без стеснения заявил: «Мы действовали и действуем, исходя из того соображения, что насилие окупает себя»².

И они делают ставку на него — звенят разбитые стекла, горят дома, льется кровь. Но не только на него. В равной мере делается и ставка на демагогию. Подобно фашизму в любой другой стране, где ему удавалось пустить корни, британский выступает якобы в защиту «человека с улицы». Разумеется, на 100 процентов белого, которому не дают спокойно жить и работать «красные», а особенно — «черные».

Демагогия незатейливая, но в условиях тяжелейшей безработицы, дороговизны, инфляции, ухудшения того, что на Западе именуют «качеством жизни», на удочку неофашистов кое-кто в Британии попадает. И начинают верить, что действительно безработица порождена тем, что рабочие места перехватывают «чернокожие». И что те же иммигранты урывают такие жирные куски из бюджета, что средств не хватает ни на строительство жилья, ни на здравоохранение, ни на школы...

«Идейная платформа» НФ, можно сказать, состоит из двух слоев. Базовый слой предназначен «для внутреннего потребления», для тех, кто глубоко «проникся» идеями нацизма и расизма.

Основу «идеологии посвященных» составляет уже не раз бравшаяся на вооружение разного рода реакционерами бредовая мысль о существующем

«заговоре против белой расы». Заговорщики, не являющиеся «полноценными» членами белой расы или вовсе к ней не принадлежащие, ставят якобы задачу «отстранить белую расу от руководства прогрессом человечества», которое окажется ввергнутым в лучшем случае в средневековье. Руководство «фронта» заявляет, что он взял на себя бремя защиты английского народа («неотъемлемой составной части белой расы»), находящегося «под угрозой уничтожения»: заговорщики якобы вознамерились достичь этого путем смешения его с представителями других рас, проникающими в страну под видом иммигрантов³.

В качестве оружия против «дьявольского заговора» предлагается принудительная поголовная высылка из страны темнокожих иммигрантов. Помимо этого Великобритании следует порвать связи с любыми международными организациями, куда входят представители «небелых стран», и основать «Новое Содружество белых наций». Такое сообщество, как было объявлено в программном заявлении НФ, должно возглавляться Великобританией и включать в себя Канаду, Австралию, Новую Зеландию, ЮАР и Родезию⁴. (Правда, программное заявление датировано 1977 годом, и с тех пор на политической карте вместо расистской Родезии появилось независимое государство Зимбабве, в руководство которого входят главным образом представители коренного африканского населения. Так что вряд ли неофашисты захотят теперь видеть в своих прожектах подобное государство в числе «избранных».)

Одновременно с «бременем борьбы за выживание» белой расы в Англии «фронт» взваливает на себя еще и «бремя борьбы с коммунистической угрозой», которая, согласно теоретикам партии, несет серьезную

опасность для англичан. Таким образом, расизм «национального фронта» оказывается замешан на антикоммунизме.

Какими же аргументами экстремисты приобретают последователей и сторонников? Ведь мысль о существовании «заговора» если и пугает кого-нибудь, то все же носит достаточно абстрактный характер. Другое дело — готовое объяснение экономических и социальных недугов, свойственных повседневной действительности, появлением в стране незваных темнокожих иммигрантов. Вот здесь-то в ход и идут «облегченные» аргументы, уже «для внешнего пользования», «для толпы».

Ораторы «национального фронта» утверждают, что приезжим якобы отдается предпочтение при приеме на работу и во всех прочих случаях. В итоге, по их словам, жертвами расовой дискриминации становятся коренные жители Великобритании.

Характерный пример такой риторики — откровения активиста «фронта» жителя города Хокстона, некоего Дерека Дэй, которыми он поделился с корреспондентом газеты «Обсервер»⁵. Район, в котором живет Дэй, по его словам, прежде был в числе процветающих. Но вот, мол, появились «эти иммигранты», и все пошло кувырком. Вокруг царят разврат и преступность, у муниципальных властей только и забот, что «цветным» самые лакомые куски отваливать.

Аналогичные утверждения довелось услышать английскому политологу С. Тэйлору от одного члена «фронта» в Бирмингеме. «Черные получают все, что пожелают, — жилье, социальное обеспечение, опекунов, — говорит тот. — А мы, белые, работаем до кровавых мозолей, чтобы оплатить все это»⁶.

Демагогия партий расистов, следует признать, находит определенный отклик, особенно среди

наименее образованных и очень молодых людей. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, фальшивая аргументация деятелей НФ способна произвести впечатление на людей не очень грамотных, не развитых политически. Во-вторых, к расистской риторике националистов прислушиваются главным образом в наиболее бедных районах — там, где вынуждены обосновываться прибывающие в страну «цветные» иммигранты. (Бывший до недавних пор одним из лидеров ИФ Мартин Уэбстер прямо утверждал: ««фронт» добивается лучших результатов там, где проблема иммигрантов видна всем»⁷.) В-третьих, среди населения крепнет разочарование в перспективах того, что существующие социально-экономические проблемы могут быть решены лейбористами или консерваторами. Последнее обстоятельство нашло свое подтверждение, в частности, в ходе выборов 1974 года. По мнению английского социолога К. Хазбандза, голоса, отданные за «национальный фронт», отражали настроение избирателей, готовых предпочесть двум основным партиям третью — едва ли не любую. Если в округе баллотировался кандидат от либералов — голоса отдавали ему. В ином случае бюллетени нередко опускали за кандидата НФ⁸.

Несмотря на то что экстремистская партия получает в ходе выборов относительно небольшое число голосов, порядка одного процента всех участвующих в голосовании⁹, роль, которую она играет в жизни страны, нельзя недооценивать, особенно если учесть, что для достижения своих целей она прибегает к любым средствам. Когда возникают подходящие обстоятельства, НФ тут же стремится использовать их. Так было, например, в период прибытия в Англию лиц азиатского происхождения, имеющих британские паспорта и высланных из Уганды в начале 70-х годов

правительством Иди Амина, проводившим политику «африканизации» экономики. Активисты партии организовали тогда шумные протесты против въезда этих людей в Англию, чем привлекли к себе внимание общественности. В других случаях ситуации создаются «фронтом» искусственно. НФ организует провокационные марши членов партии через столичные районы, населенные значительным числом иммигрантов. Вспыхнувшие во время этих маршей столкновения вынесли название «национального фронта» в газетные аншлаги. Телевидение донесло текст лозунгов НФ до миллионов англичан.

Политическая беспринципность, изощренная демагогия, ставка на самое низменное в человеческой психологии — все это, помноженное на агрессивные методы пропаганды своих идей, заставляет кое-кого в Англии проводить аналогию с набиравшей силы в 20-е и 30-е годы национал-социалистской партией в Германии. В 1928 году партия нацистов собрала 2,6 процента голосов, однако спустя пять лет она завоевала уже свыше трети голосов, напоминает С. Тэйлор. Случись экономическая катастрофа, развал одной из ведущих политических партий либо внезапный приезд значительного числа темнокожих иммигрантов, пишет этот ученый, и тогда настроение общественности может драматическим образом измениться в пользу «национального фронта»¹⁰.

Проявления откровенного расизма, ставшие реалией в сегодняшней Англии, имеют весьма солидную предысторию. Так, еще в прошлом веке власть имущие старались направить любое возникающее брожение в канал враждебности по отношению к «чужеземцам» — к волнам эмигрантов из Ирландии, в то время британской колонии. Аналогичным образом была использована и начавшаяся в середине 80-х годов

прошлого века эмиграция из стран Восточной Европы. Группа влиятельных членов парламента от консервативной партии, несмотря на довольно скромный по масштабам приток людей из этих стран (примерно 2500 человек в год), забила тревогу. Уже в 1892 году партия тори объявила о своем намерении добиваться ограничения числа въезжающих в Англию¹¹.

Десять лет спустя, в 1902 году, возникает так называемая лига британских братьев (ЛББ). Во главе ее встал капитан У. Шоу, действовавший в тесном контакте с членом парламента от партии тори майором У. Горденом. Развернувшая кампанию под лозунгом «Англия — для англичан», «лига» стала первой в Великобритании организацией, сделавшей ставку на завоевание популярности путем разжигания ненависти к этническим меньшинствам¹². Надо сказать, что «лиге» удалось собрать вокруг себя немало последователей: число членов организации, по заявлению ее лидеров, уже в 1903 году достигло 45 тысяч¹³.

Любопытно, что аргументы, которыми оперировала ЛББ в начале века, во многом взяты на вооружение современными английскими националистами. Члены «лиги» именовали выходцев из восточноевропейских стран не иначе как «мусором», «дикарями», «отбросами общества». Умышленно сообщались фантастические, чудовищно преувеличенные цифры, когда речь заходила о масштабах иммиграции. Ораторы ЛББ заявляли, что «Британию наводняют толпы инородцев», которые «вздувают цены на жилье», «порождают безработицу», «изгоняют англичан из их домов». В адрес властей выдвигались ни на чем не обоснованные обвинения, что приезжим оказывается чересчур большое внимание с их стороны, что все их запросы тут же удовлетворяются. Вся эта демагогия увенчивалась утверждением, что конечная цель, которую преследуют

эмигранты из Восточной Европы, — это... захват власти в Великобритании¹⁴.

Обвинения, которые выдвигала «лига», являлись, как правило, откровенной ложью. Иммигранты попросту представляли собой удобную реалию для нечистоплотной политической игры. Эта игра не прекратилась и после того, как в 1903 году Королевская комиссия по иммигрантам объявила выходцев из восточноевропейских стран «свободными» от большинства обвинений, выдвинутых против них. Как отмечал исследователь Дж. Гэррерд, «в сфере, где ощущалась острая нужда в козле отпущения, появились группы людей, весьма подходящих для этой роли»¹⁵.

Национализм был взят на вооружение и британским союзом фашистов, созданным Освальдом Мосли в 1932 году. На «чужеродцев» не только взваливали ответственность за все беды и неурядицы экономической, политической и социальной жизни страны, но и объявляли их «агентами международного заговора». Еженедельная газета «Блэкшерт» («Черная рубашка»), рупор фашистов, в истерических тонах утверждала, что иммигранты «втягивают Британию в войну», бросают «вызов всему миру». Одна из ее редакционных статей была недвусмысленно озаглавлена: «Инородцев чересчур много»¹⁶.

И в последующие периоды члены действующих в Англии нацистских и ультраправых партий и групп широко использовали подобную терминологию.

Организационное оформление «национального фронта» в 1967 году не привлекло особого внимания средств массовой информации, равно как и широкой общественности. О факте слияния «британской национальной партии» и «лиги имперских лоялистов», в результате чего и возник «фронт», стали вспоминать значительно позже, когда новая партия превратилась в

серьезную политическую силу и стала на выборах привлекать больше избирателей, чем любая другая ультраправая организация в истории Великобритании.

Если проследить число поданных за кандидатов НФ голосов в период между 1970 и 1977 годами, то выяснится, что неофашистам удалось в эти годы добиться укрепления своих позиций. Так, на выборах 1970 года его кандидаты собрали 12 тысяч голосов. В феврале 1974 года — 77 тысяч. В октябре того же года — 114 тысяч. На местных выборах 1977 года — 200 тысяч. «Фронт» выставлял своих кандидатов не в каждом избирательном округе. В итоге в этих округах на всеобщих выборах за них отдавал голос — максимально — каждый 30-й избиратель, а на местных — даже каждый 12-й¹⁷.

В первое десятилетие своего существования НФ постоянно расширял число местных отделений. Имея в начальный период своей деятельности в качестве базы лишь столицу страны, он добился создания отделений не только по всей Англии, но и в Шотландии и Уэльсе. В среднем каждое местное отделение насчитывает 40 человек¹⁸. Деятельность отделений направляют территориальные комитеты, члены которых избираются из работников местных же отделений. Комитеты осуществляют связь с центральным аппаратом. Руководящий орган партии носит название «директорат» и состоит из 20 членов. Ежегодно этот орган избирает председателя, его заместителя и еще трех членов исполнительного комитета.

Что касается общей численности членов «фронта», то она держится им в тайне. По заявлениям лидеров НФ, детальную информацию на этот счет они начнут распространять лишь после того, как в партии будет насчитываться свыше 20 тысяч человек. По некоторым

оценкам, к этому численному уровню партия вплотную подошла в начале 1978 года.

После создания «фронта» его руководящую верхушку составляли в основном лица, прежде входившие в ультраправые группировки и организации, влившиеся в НФ либо распущенные в связи с его появлением (в последнем случае членам организаций их руководители «рекомендовали» незамедлительно вступить в «национальный фронт»). У штурвала партии фашистов и расистов оказались фигуры типа Джона Тиндолла и Мартина Уэбстера (оба в прошлом — члены «британского движения»), Эндрю Фаунтена (состоял в «британской национальной партии»), Эндрю Бронза (входил в организацию «национал-социалистское движение»).

В конце 70-х годов в верхушке «фронта» начались серьезные трения, что привело к расколу партии. В 1979 году из нее были исключены бывшие члены «директората» Э. Фаунтен и Пол Каванаг, сразу же после этого создавшие собственное «конституционное движение». По их утверждению, в эту правую группу вошло свыше 2 тысяч бывший членов НФ¹⁹. Вслед за этим из «фронта» был вытеснен Дж. Тиндолл, на протяжении восьми лет занимавший пост его председателя. Он организовал из части членов НФ группу «новый национальный фронт»²⁰.

В феврале 1980 года председательское кресло занял 32-летний Э. Бронз — лектор одного из колледжей, читающий курс по вопросам деятельности правительства и общей политике. У него самого немалый — весьма специфический — опыт политической деятельности. Уже в 16 лет он вступил в фашистское «национал-социалистское движение». Затем успел побывать членом «британской национальной партии». С момента основания НФ Бронз

— в его рядах. Его имя замелькало в прессе после того, как в 1977 году на дополнительных выборах в Стеуфорде он по числу голосов оттеснил на четвертое место кандидата либеральной партии. Он хвастливо заявил тогда: результаты голосования показывают, что НФ стал третьей партией Великобритании²¹.

Однако честолюбивым мечтам был-нанесен удар, и с неожиданной стороны. Лишь 0,6 процента голосов, собранных на очередных всеобщих выборах, что явилось свидетельством ослабления позиций «фронта» и причиной отставки группы его лидеров, заставили Бронза сделать красноречивые признания. Основной причиной афронта НФ, по его словам, явилась «явно направленная против иммиграции позиция госпожи Тэтчер»²². Короче говоря, не один «национальный фронт» пытался набирать политические очки игрой на разжигании националистических и расистских чувств.

Ухудшение «политической конъюнктуры» НФ пытается компенсировать усиленной вербовкой новых членов из среды молодежи. Высокий даже по британским меркам уровень безработицы среди молодых людей, моральный и материальный тупик, в котором ощущают себя очень многие юноши и девушки, — все это облегчает задачу вербовщикам из «фронта». Благо молодежь по своей природе динамична, стремится активными действиями искоренить причину собственных бед. Здесь-то и появляется некто направляющий эту энергию в нужный канал, указывающий на корень зла — «цветных» иммигрантов. Это они-де и перехватили ваши рабочие места... Это на «черных» ушли все деньги из муниципального бюджета — вот вам и приходится жить в домах-развалах. Только в рядах «национального фронта» (или «британского движения», или еще какой-

нибудь ультраправой группы) вы сможете успешно бороться с этим злом.

Паства отца Джима Кеннеди — жители кварталов в столичном районе Ислингтон. Ему прекрасно известна подноготная местной жизни. У него не вызывает сомнений, что за регулярными нападениями подростков на иммигрантов стоят неофашисты.

Нацисты действуют так, поделился он с корреспондентом «Гардиан». Они приходят в районы, где безработица особенно высока. Заводят знакомство с одним-двумя парнями посмышленнее. Причем выбирают таких, кто происходит из семьи, где господствуют правые воззрения, например из семьи военных. Затем проводят с ними «разъяснительную» беседу, используя патентованные аргументы неофашистов. А «открыв им глаза», дают задание: сколотить группу из местных парней, готовых действовать.

Начиная с 70-х годов на улицах британских городов появились молодые люди с обритыми наголо головами. Стрижка «под ноль» стала для них знаком принадлежности к клану, где знают врага — «цветных» и, разумеется, «красных». В 1970 году бритоголовые (так их' именуют в Англии) выставили почетный караул во время выступления ультрарасиста Э. Пауэлла. Бритоголовые устраивают дикие побоища во время футбольных матчей. Так, 2 декабря 1980 года во время встречи между командами «Тоттенхем хотспур» и «Вест-Хэм» полиция была вынуждена арестовать 61 молодого человека с «нулевой» прической. Сначала они выкрикивали расистские и антисемитские лозунги, а затем перешли к действиям. Корреспондент телевидения обратил внимание на значки «британского движения», которые были приколоты к одежде этих хулиганов²⁴.

Характерно признание 14-летней школьницы, тоже из бритоголовых. «Когда у меня были длинные волосы, я была ничем. Теперь же я рассматриваю себя как еще одного отвергнутого обществом. Быть бритоголовой поистине немало для меня значит... Это стало частью моей жизни. Я бы даже сказала, это и есть моя жизнь. Я живу мечтой о следующей потасовке или просто о том, как мы снова соберемся вместе и шикарно проведем время. Если ты состоишь в их группе и тебя признали за своего, они для тебя все сделают...»²⁵

Действительно, в группе новичка не станут обходить вниманием. Его возьмут и на матч, чтобы под маркой футбольных страстей «показать этим черномазым». Захватят и на демонстрацию неонацистов. Привлекут для участия в очередной «операции» против «цветных».

...Выходец из Бангладеш, человек по фамилии Миах, живет со своей семьей в районе Йорк уэй корт (Ислингтон, Лондон). Он по своему горькому опыту знает, что означают такие «операции». В муниципальном совете Ислингтона хранится официальная запись: «Камни в окна — регулярно. 1 октября разбито 13 стекол, до этого причинен более значительный ущерб. Опасается, что серьезные повреждения могут быть причинены маленьким детям». Это все о нем, о Миахе. Но официальная запись не полна. Так, 19 октября в оконное стекло была брошена бутылка. Детей засыпало осколками. Родственник хозяина дома, также проживающий здесь, Хафизур Рахман выскочил на улицу, чтобы задержать хулиганов. Он успел заметить группу примерно из 15 бритоголовых, швыряющих бутылки. Большого Рахман сделать не смог: его ударили железной палкой по голове. Он все же остался в живых. Потом беседовал с полицейскими. После этого разговора он утвердился в

мысли, что только с помощью жителей соседних домов можно как-то защититься от расистствующих хулиганов. Полиции одной с ними не совладать²⁶.

Главари ультраправых партий и групп постоянно используют бритоголовых в своих целях, натравливая их на «цветных». А «национальный фронт» в 1977 году создал специальную молодежную организацию, куда принимаются люди от 14 до 25 лет. Она так и называется: «молодежный национальный фронт»²⁷.

Осенью 1980 года газета «Обсервер» констатировала: травля иммигрантов резко усилилась²⁸. Символом этой активизации правых можно считать жирную надпись на одном из домов в западном Лондоне: «Мы вернулись!» И чтобы ни у кого не оставалось сомнений, кто это «мы», над надписью красовался знак свастики. Особенную активность развили расисты в столичном районе Саут Эктон. Стены домов здесь запестрели не только аббревиатурами «НФ», но и словами «Адольф Гитлер» и лозунгами типа «Убивай ниггеров».

Одной из жертв этой оголтелой расовой ненависти стал иммигрант из Замбии Хуссейн Синдхи. Вместе с женой и пятерыми детьми его временно — по решению муниципального совета — поселили в Саут Эктон. Они едва успели распаковать вещи, как увидели, что на стенах их дома появились надписи с угрозами. Затем травля продолжилась. Им били окна. Причем однажды стекло разлетелось от выстрела из духового ружья. Утром они находили у своего порога груды мусора. На улице их осыпали бранью и плевками. В конце концов семье Синдхи пришлось искать другое пристанище, подальше от этой вотчины расистов². Но будут ли они чувствовать себя в безопасности в Лестере, куда они перебрались? Ведь такого рода травля развернулась едва ли не по всей стране.

Согласно исследованию, проведенному телепрограммой «Скин», в столице только между июлем и сентябрем 1980 года, по самым скромным подсчетам, произошло 250 аналогичных случаев.

«Говорят, царапают автомобили дети. Но вот когда у нас была своя машина, только она одна из всех оказывалась поврежденной», — поделилась с корреспондентом «Обсервер» «цветная» жительница Саут Эктон. Другие иммигранты — чета молодоженов — вернулись из свадебного путешествия, чтобы обнаружить свой дом исписанным расистскими лозунгами. Впоследствии выяснилось, что сей «свадебный подарок» им преподнесли ультраправые, узнавшие их адрес из информационной колонки в местной газете, сообщающей о бракосочетаниях.

Известно и о других «операциях» неонацистов в этом районе. Шестеро молодых людей, одетых в одинаковые черные рубашки, ворвались вечером в помещение, где находилась юридическая консультация для иммигрантов. Выкрикивая угрозы и оскорбления, налетчики оставили «визитную карточку» — разбросали значки, которые носят расисты³⁰. И все же значки — это не кирпичи и бутылки, которыми пятеро обритых наголо юнцов забросали кафе, где в этот момент находилось много «цветных». На сей раз расистов удалось задержать, и они предстали перед судом по обвинению «в нарушении общественного порядка». В том же Саут Эктон были задержаны семеро юных джентльменов. При них имелась корзина, заполненная бензиновыми «бомбами». В ходе разбирательства в лондонском уголовном суде Олд Бейли выяснилось, что они планировали использовать смертоносное оружие во время нападения на темнокожих подростков³¹.

Любопытная деталь. Когда застают с поличным организаторов очередной бандитской или хулиганской

вылазки против иммигрантов, то истинные организаторы— деятели ультраправых партий — стараются от этого откреститься. Так было, например, когда налетчики с криками «Национальный фронт!» били стекла в доме борца против расизма Питера Хэйна. Один из лидеров НФ, Майкл Солт, постарался отвести подозрения: «Если бы услышал, что это были наши члены, я был бы очень огорчен. Из-за того лишь, что люди скандируют «Национальный фронт!», их нельзя причислять к нам»³².

Молодежная ветвь «британского движения», так называемые «молодые викинги», проявляла немалую активность в западном Лондоне. «Секретарь по связи с общественностью» (есть у «викингов» и такой) публично заявил, что его группа хотя и связана с европейскими «националистическими» организациями, однако сама является «неполитической», стремится привить молодежи «чувство товарищества, любовь к спорту и к здоровому времяпрепровождению на природе».

Интересно, каким из перечисленных выше трех качеств были движимы «викинги», когда расклеивали листовки с таким «неполитическим» призывом: «Долой коммунизм и смешение рас!»³⁴ По всей видимости, «чувством товарищества». Поскольку их единомышленники из того же «британского движения», расклеивая свои листовки в Дербишире, вставляли под них кусочки бритвенных лезвий³⁵ — дабы было не повадно кому-нибудь срывать эти пышущие расовой ненавистью листки.

Расистская отравка сеялась в умы молодежи не только с помощью подобных листовок. Длительное время ненависть по отношению к «цветным» насаждал журнал «Буллдог», орган «молодежного национального фронта». Начиная с января 1980 года его издатель

Джозеф Пирс в каждом номере публиковал статьи, изобиловавшие клеветническими выпадами в адрес иммигрантов, перемежавшиеся призывами откровенно фашистского толка. Так, одна из статей была посвящена тому, как «черные разрушают службу здравоохранения». В ней говорилось: «Черные врачи убивали, наносили увечья и насиловали своих пациентов, в то время как цветные иммигранты заносили и заносят в страну тропические болезни из Индии и Пакистана». В другом номере утверждалось: «Черные захватывают наши рабочие места, наши дома, и, если мы не начнем против них битву, они вскоре захватят и нашу страну. Мы должны отвоевать то, что наше по праву, и выгнать цветных захватчиков из нашей страны».

Еще в одной статье говорилось о «дискредитированной теории равенства рас»³⁷. В следующий раз «Буллдог» вещал: по всей Великобритании темнокожие формируют банды убийц³⁸. В номере 16 на первой полосе содержался призыв «присоединяться к сопротивлению». «Грядущее десятилетие будет периодом вызова, насилия и жестокости, — утверждалось в передовой, изготовленной Пирсом. — Участвуйте в сопротивлении, становитесь белым бойцом за свободу, вступайте в «национальный фронт»». «У нас хватает пороха выпускать самый расистский за все времена «Буллдог», — говорилось в другой передовой. — «Национальный фронт» горд своим расизмом, законно это или нет. Власть белых — навечно»³⁹.

Весь тираж издания (от 5 до 6 с половиной тысяч экземпляров)⁴⁰ шел в розницу по доступной каждому мальчишке цене в 5 пенсов. Причем торговля производилась исключительно возле школ и на футбольных стадионах⁴¹. Кстати, хулиганствующие

юные футбольные «болельщики» — предмет особого внимания неофашистов. «Власть белых завоевывает все больше и больше болельщиков на трибунах», хвастал «Буллдог». Журнал даже объявил нечто вроде параллельного чемпионата среди клубов — «на первенство расистской лиги». Видимо, «победитель» определялся по степени поддержки со стороны тех, кто разделяет идею «власти белых». «Какая команда займет первое место в расистской лиге? — подогревал страсти редактор журнала Пирс. И деловито напоминал: — В прошлом году первенство расистской лиги выиграл «Челсй»»⁴².

Скандалные публикации вызвали возмущение общественности. Дело дошло до привлечения Пирса к суду. Ему был предъявлен целый ряд обвинений, подпадающих под закон об общественном порядке 1936 года, запрещающий разжигать расовую ненависть. Прокурор Дэвид Тьюдор Прайс привел убедительные свидетельства, что издание «как одобряло, так и прямо разжигало расовое насилие на улицах». Журнал «открыто провокационный и действующий во вред общественным интересам», подчеркнул он.

Однако суд присяжных (состоявший, кстати, только из белых) после более чем четырехчасового совещания так и не смог вынести вердикта — виновен Пирс или нет. Некоторое объяснение подобная нерешительность присяжных получила, когда судья огласил письмо одного из заседателей, в котором говорилось о давлении, оказываемом на них вне стен суда⁴³.

Таким образом, первый суд над Пирсом, проходивший в августе 1981 года, закончился ничем. Новый состав суда рассматривал его дело в сентябре того же года. Однако неожиданно была обнаружена юридическая зацепка, вследствие чего процесс пришлось приостановить⁴⁴. Третий суд состоялся уже в

январе 1982 года. Содержание журнала, заявил судья Питер Мэйсон, — «чепуха, злобная и опасная чепуха». Подчеркивалось, что даже тогда, когда его привлекли к суду, Пирс продолжал публиковать «поджигательские материалы». На процессе выяснилось, что ответчик уже привлекался к суду — за «угрожающее поведение» во время столкновения членов «национального фронта» со сторонниками партии североирландских католиков Шинн фейн.

Любопытный аргумент привел защитник Дэвид Мартин-Сперри. По его словам, некоторые аспекты политической линии «национального фронта», о которых писал «Буллдог», разделяются и другими партиями. В частности, такой вопрос, как контроль над иммиграцией... Судья был вынужден в этом месте прервать адвоката⁴⁵, поскольку создавалась весьма щекотливая ситуация.

Присяжные вновь, как и в первом случае, совещались свыше четырех часов. Большинство голосов (десять против двух) редактор «Буллдог» был признан виновным. Это потребовало от заседателей немалого мужества, поскольку после объявления приговора — шесть месяцев тюремного, заключения — из зала раздались угрожающие выкрики. «И вы еще называете себя англичанами?», «Мразь!» — неслось в адрес присяжных. «Мы доберемся до тебя, Грин!» — это было адресовано обвинителю Аллану Грину. «Ты враг британского народа, судья!» — заорал сам Пирс в адрес Мэйсона. Точку поставила приятельница осужденного, некая Валери Старк. Она вскочила со своего места и истошно завопила: «Зиг хайль!»⁴⁶

В ходе судебных заседаний выяснилось, что редакция «Буллдог», находящаяся в городе Кройдон, размещается в одном помещении с редакцией органа «фронта», черносотенной газеты «Нэшнл фронт ньюс»,

которую редактировал один из тогдашних лидеров НФ, Мартин Уэбстер. 20-летний Пирс оказался способным учеником. Он «творчески развивал» аргументацию и приемы «большой газеты», уповая, видимо, на то, что даже в худшем случае закон будет к нему снисходителен, как это имело место с Уэбстером.

...В середине 1978 года «Нэшнл фронт ньюс» поместила материал под заголовком «Досье кошмара». Здесь были перечислены всевозможные преступления, якобы совершенные «цветными». «Истина состоит в том, что склонность азиатских иммигрантов к коррупции и насилию, проявляемая в Великобритании, проистекает из ужасных традиций, существующих в их родных местах», — утверждала газета. Тут же сообщалось, что «гнусные болезни, которые, как считалось, искоренены либо являются редкостью в Великобритании, стали существенной проблемой для британской системы здравоохранения вследствие массовой цветной иммиграции»⁴⁷.

Подстрекательское, провокационное выступление газеты вызвало у многих возмущение. К тому же Уэбстер нарушил закон, так как открыто возбуждал расовую ненависть. Против него было начато уголовное дело. Однако суд состоялся лишь осенью следующего 1979 года. Виновность организатора провокационной публикации была налицо. Уэбстера приговорили к году тюрьмы, штрафу в 150 фунтов и уплате судебных издержек в размере 530 фунтов стерлингов⁴⁸.

Но вот когда справедливость вроде бы восторжествовала, судья Артур Фиггис внес поправку к собственному решению, объявив тюремное заключение условным. Свой шаг судья объяснил тем, что якобы не хочет делать из Уэбстера мученика. Аргументация по меньшей мере своеобразная.

Однако судья пошел еще дальше, приняв сделанное в ультимативной форме издевательское заявление осужденного, что тот платить будет, но только в рассрочку, по 10 фунтов в неделю... Видимо, чувствуя полную безнаказанность, расист, едва выйдя из здания суда, объявил, что и впредь будет «вести борьбу против убийства нашего народа, которое происходит с помощью цветной иммиграции»⁴⁹.

Кстати сказать, не кому иному, как тому же Уэбстеру, принадлежит и такое весьма откровенное высказывание: уличные демонстрации призваны спровоцировать столкновения с левыми, и они будут продолжаться. «Игра эта называется не политикой, а тотальной войной»⁵⁰, — провозгласил он. (Впрочем, «маршальский жезл» у Уэбстера был отобран. В результате вспыхнувшей в руководстве «фронта» грызни Уэбстер вместе с другим высокопоставленным фашистом был в 1984 году исключен из НФ. Однако он тут же начал добиваться «восстановления в правах» через суд⁵¹.)

«Белая раса — высший класс!», «Черных и кудрявых гоните прочь!», «Бейте насмерть красных!»⁵² — таковы излюбленные лозунги, с которыми выходят на улицы британских городов организаторы «тотальной войны». Скандируя эти человеконенавистнические лозунги, молодчики из НФ (многие из которых демонстрируют свою принадлежность к нему обритой наголо головой, другие — черными рубашками или куртками, третьи — значками «фронта») движутся по улицам британских городов. Они уже прошли усиленное «промывание мозгов» с помощью «теоретических» выкладок и психологической обработки заправил неофашистов. Они уже не раз встречали на страницах газеты НФ «Спирхед» («Острые копыта») утверждения, что «черные относятся к низшей расе, поскольку вследствие

покатости лба у них масса мозга меньше»⁵³. Они неоднократно слышали нечто вроде такого: «Либералистская пропаганда пытается внушить нам, будто ненависть представляет собой нечто аморальное. На самом же деле способность ненавидеть присуща каждому здоровому мужчине и каждой здоровой женщине». А они разве не «здоровые мужчины и женщины»?! Да к тому же по милости этих недоразвитых «черномазых» сидящие без работы или живущие в обшарпанных халупах... Жаль, конечно, что еще не все истинные британцы готовы вместе с ними биться за очищение страны от «цветной заразы». Ну да что же, они готовы нести это бремя пока сами. Вышагивать по улицам и площадям под национальным английским флагом Юнион Джек — пусть все видят: члены «национального фронта» пекутся об интересах страны...

И они двигают свои колонны туда, где гнездится «зараза», — в кварталы, населенные иммигрантами. Так было, например, в августе 1977 года, когда неофашисты, выкрикивая оскорбления, появились в лондонском районе Люишем, где проживает много иммигрантов⁵⁴. Здесь они на практике применили всю ту «науку», которой их обучали, спровоцировав грандиозную драку. Ее итог: 110 раненых. И это при том, что сюда было стянуто две тысячи полицейских, которые арестовали 214 человек. Кстати, «охрана» неофашистского марша обошлась налогоплательщику ни много ни мало в 300 тысяч фунтов стерлингов⁵⁵. (Это обстоятельство еще больше усилило возмущение общественности— Люишем остро нуждался в ассигнованиях на благоустройство жилых кварталов, налаживание работы транспорта, обеспечение общественного порядка.)

Еще больше полисменов — три тысячи — было отряжено для эскорта марша членов «фронта» в марте 1980 года. Тысяча неофашистов продефилировала тогда по южному Лондону. Колонну возглавлял уже новый лидер партии — Э. Бронз, подле которого вышагивал М. Уэбстер. Это он, когда шествие завершилось шумным митингом, выкрикнул: «Мы будем маршировать там, где мы хотим, и тогда, когда мы хотим»⁵⁶. Причем заявил это, несмотря на то что трехтысячный полицейский эскорт направил неофашистов по измененному маршруту, в сторону от особенно густо населенных иммигрантами кварталов — во избежание повторения люишемского побоища.

Несколько сот блюстителей порядка оберегали участников другого шествия, состоявшегося в сентябре 1980 года в Престоне, Ланкашир⁵⁷. Примерно 800 членов «фронта» промаршировали сквозь районы, где в основном живут выходцы из Азии. Как обычно, неофашисты вели себя вызывающе. Полиции удалось предотвратить крупные столкновения, установив кордон между представителями разгневанной общественности и колонной неонацистов. Все же без инцидентов не обошлось — полиция арестовала 23 человека. Счастливо избежала ареста член совета графства Ланкашир Джозефина Фаррингтон, которая встала на пути этой колонны. По словам корреспондента «Гардиан», «она была убрана с пути следования процессии, но не арестована»⁵⁸. Она назвала провокацией организацию такого марша в кварталах, где обосновалась мирная иммигрантская община. Как попытку запугать азиатскую общину расценил акцию «фронта» секретарь антинацистской лиги Престона Джон Паркинсон⁵⁹.

Карнавал в Ноттинг-хилле проходил в тот момент, когда в двух милях от него состоялось собрание неонацистов из «национального фронта», которые потребовали «отстаивать права белых»

Члены НФ не только сами организуют провокационные шествия, но и устраивают нападения на участников антифашистских демонстраций. Так, например, в Хэрроугейте, на севере Йоркшира, свыше 300 членов АНЛ провели манифестацию с требованием отстранить председателя «фронта» Э. Бронза от преподавания в местном колледже. На участников демонстрации было совершено хулиганское нападение. Двое из числа манифестантов получили ножевые ранения⁶⁰.

Растущее в кругах общественности возмущение вызываемыми маршами неонацистов британские

власти уже не всегда могли игнорировать. Однако «разделив» его, они постарались использовать это возмущение в собственных целях. Когда становилось известно об очередной планируемой вылазке неонацистов, власти объявляли о запрете не этой конкретной демонстрации, а вообще всех шествий и манифестаций в данном районе. При этом устанавливался и срок — от семи дней до полутора месяцев. В итоге оказывались сорваны демонстрации трудящихся, которые намеревались выступить с требованием о повышении зарплаты. Налагался запрет и на выступления участников различных прогрессивных организаций, в частности антинацистской лиги. Однако более всего эти запреты ударяли по участникам антивоенного движения. Активисты организации «Кампания за ядерное разоружение» неоднократно бывали лишены права провести демонстрацию против угрозы ядерной войны⁶¹. Главари «фронта» публично заявляют, что власти опасаются его могущества и поэтому-то и запрещают его марши. Между тем в прессе появилось и такое соображение: «национальный фронт» ощутил возможность парализовать активную политическую и общественную деятельность в некоторых районах на длительный период; для этого ему достаточно заявить о намерении устроить в этом районе шествие своих сторонников⁶². Но если неофашисты понимают, что они в состоянии оказать услугу властям, то почему бы не использовать этот свой капитал для заключения сделки с теми же властями? Ведь, например, только за период с марта по август 1981 года неонацисты своими заявками на демонстрацию 18 раз предоставляли предлог для объявления запрета и на другие выступления и манифестации. Чаще всего это был запрет на месяц. Однако 11 июля в Лондоне было введено подобное

запрещение на срок в 35 дней. А 26 августа был введен полуторамесячный запрет на манифестации в Ливерпуле⁶³.

Еще одна показательная деталь. Правительственные инстанции сквозь пальцы смотрят даже на такое одиозное обстоятельство, как использование неофашистами в качестве своего партийного национального флага Великобритании. А ведь дело дошло до обсуждения этого скандального обстоятельства в парламенте. Депутат Айвен Лоуренс, выступая в палате общин в сентябре 1981 года, указал на то, что экстремисты нанесли «оскорбление флагу», появившись с ним на торжествах в День памяти павших. Это является «огромнейшим оскорблением памяти военнослужащих, отдавших жизнь за родину в борьбе против фашизма, ударом для членов их семей, — заявил парламентарий. — Не настало ли время в законодательном порядке запретить хотя бы оскорбление флага, происходящее на глазах общественности в ходе маршей?»⁶⁴.

Этот вопрос поднимался и на конференции консерваторов в Блэкпуле в 1981 году. Один из делегатов рассказал тогда, что во время торжеств по случаю бракосочетания в королевской семье дети иммигрантов, увидев на улице множество британских флагов, пугались, думая, что проходит массовое шествие членов «национального фронта». На конференции прозвучал вопрос: неужели темнокожие британские дети будут расти в страхе перед английским флагом?⁶⁵

А ведь те, кто размахивает этим флагом, стараются культивировать страх не одними только массовыми маршами, малеванием свастика на стенах, битьем стекол в домах неугодных и травлей «цветных».

...Житель Лондона Питер Джилл, сняв трубку своего телефона, чтобы позвонить, неожиданно услышал разговор двух мужчин — он случайно подсоединился к их линии. Из приличия ему бы следовало тут же положить трубку, но обрывок беседы насторожил его. «Здесь полегче будет, — спрашивал один, — чем в том ирландском гнезде, с которым мы разделались в прошлый раз?» Затем в разговоре было упомянуто имя активиста АНЛ Питера Хэйна (в его адрес к тому времени уже стали раздаваться угрозы, но стекла в его доме еще были целыми). «Стив» и «Тревор», как называли друг друга участники телефонного разговора, обсуждали и другие предполагаемые акции. Они планировали явиться на митинг членов одной левой организации, чтобы зажечь там дымовую шашку.

Разрабатывались подробности того, как лучше сорвать манифестацию сторонников антинацистской лиги. А затем из беседы стало ясно, что ближайшая их «операция» — поджог здания «Рисорс центр» на Юнион-плейс, где, как полагали «Стив» и «Тревор», размещается штаб-квартира одной левой организации. (Они заблуждались: здесь находились курсы по обучению технике нанесения узоров на шелковую материю фотоспособом.) Заговорщики намечали акцию на субботний вечер, когда в прилегающей к зданию пивной будет «побольше народу», как выразился один из заговорщиков. «Я уже был на Юнион-плейс, там сзади легко высадить окно и плеснуть горючку внутрь...» — подвел итог другой.

Когда П. Джилл оповестил об этом полицию, то получил ответ в том смысле, что у «бобби» только и забот, что охранять какой-то шелковый центр. Тогда Джилл решил действовать сам. Он запасся фотоаппаратом со вспышкой и устроил засаду у «Рисорс центр». «Весь дом разлетелся бы как бомба, — скажет

он потом на суде. — Ведь в нем было полно красок и быстро воспламеняющегося материала».

Джилл успел сфотографировать троих поджигателей за работой. Пленка зафиксировала, как они устанавливали изобретательно сделанную бензиновую бомбу с электрическими детонаторами и системой дистанционного управления, как подкатывали баки с бензином к задней части дома. Вновь оповещенная полиция прибыла на место в тот момент, когда поджигатели уже спешно покидали «объект». Фотографические свидетельства Джилла сыграли важную роль во время судебного процесса. Судья даже определил ему награду—100 фунтов стерлингов. Правда, Джилл теперь опасается, что ему станут мстить. Ведь на сей раз было доказано, что преступление организовали члены «национального фронта», а не какие-то «неизвестные». Получивший шесть лет тюрьмы Кеннет Мэтьюз являлся председателем отделения НФ в Саутуорке. Стив Билз (три года тюремного заключения) был платным работником аппарата «фронта». Как «симпатизирующий» «национальному фронту» на суде был охарактеризован 18-летний Стивен Фитцпатрик, отправленный в исправительную колонию⁶⁶.

Возникает вопрос: а откуда у НФ средства на содержание солидного аппарата, издательскую деятельность, на бензин для поджогов, наконец?

Официально считается, что доходы партии складываются из членских взносов, пожертвований частных лиц и доходов от деятельности местных отделений. Однако существуют и иные каналы, по которым средства поступают на текущие счета партии расистов. Так, гласности было предано конфиденциальное предложение, поступившее от группы крупных предпринимателей, поддерживающих

партию тори. Речь в нем шла о том, чтобы в ходе предстоящих выборов «фронт» снял из списков для голосования своих людей в тех округах, где его кандидаты могли бы поколебать позиции кандидатов от консервативной партии. В обмен за такую «услугу» ультраправым была предложена финансовая «поддержка»⁶⁷.

Но не один лишь «национальный фронт» «несет бремя борьбы за расовую чистоту» Англии. («Рано или поздно люди осознают, что только мы — тот единственный барьер между приходом к власти других рас и концом всех идеалов Англии»⁶⁸, — напыщенно заявил один из лидеров «фронта».) На лидерство в этой борьбе претендуют и другие экстремистские организации. В первую очередь — «британское движение» (БМ), о котором выше уже немного говорилось.

В начале 80-х годов число членов этой экстремистской организации превысило три тысячи. Наиболее активна она в южных и восточных районах Лондона, на западе Йоркшира и на юге Уэльса. По выражению ее лидера, Майкла Маклафлина, БМ преследует цель совершить «революцию белого человека». «Движение» не скрывает своей приверженности идеям фашизма и расизма. В беседе с корреспондентами «Обсервер» его представители рассказали об организованных ими нападениях на иммигрантов, о проведенных акциях антисемитского характера. ««Цветные» — колонизаторы нашей страны; наши люди являют собой сопротивление этому»⁶⁹, — вещает Маклафлин.

Он шел во главе колонны своих сторонников, устроивших в ноябре 1980 года марш в английской столице. На охрану примерно 600 его участников⁷⁰ от гнева лондонцев было отряжено три тысячи

полицейских— конных и пеших. Участники марша несли транспаранты с фашистскими лозунгами, вперемешку с национальными британскими флагами. «Адольф Гитлер, мы вечно будем продолжать твое дело!», «Зиг хайль!» — несло по улицам Лондона. Многие щеголяли нацистскими регалиями, поясными ремнями эсэсовцев, значками свастики. С вытатуированным на руке распростертым орлом вышагивали члены элиты БМ — «охранных отрядов»⁷¹.

Трехтысячный корпус полицейских был отряжен, чтобы один из главарей НФ, Мартин Уэбстер, смог осуществить свой «марш» по улицам Манчестера

Созданные по образцу фашистских, эти отряды должны выполнять различные функции, в том числе охранять сборища членов «движения» и оберегать самого «фюрера» Маклафлина. Члены отрядов дают клятву верности и фанатично следуют идеям национал-социализма. Часть этих боевиков прошла специальную физическую подготовку, в том числе осваивала «способы выживания» и приемы ведения борьбы без

оружия. В значительной мере через членов этих отрядов «британское движение» поддерживает контакт с такой конспиративной фашистской организацией, как «колонна 88». Она еще известна под названием «сарай 88», поскольку организационное собрание ее члены провели в сарае. О направленности группы говорят две восьмерки. В зашифрованном виде это означает «Хайль Гитлер!»; буква «Ь», с которой начинаются эти два слова, восьмая в алфавите. Некоторые члены БМ приняли участие в занятиях по военной подготовке, организованных «колонной 88» в Девоне⁷².

Членом «колонны» состоит видный деятель БМ Глен Беннет. С его слов стало известно, что тайная фашистская группа широко пользуется пособием по изготовлению зажигательных бомб, гранат, электронных детонаторов и простейших ружей. Это пособие, носящее название «Джеймс Бонд для бедных», получено из США, где издано также ультраправой расистской организацией. Беннет описал, как на его глазах было проведено испытание «напалмовой гранаты», изготовленной в соответствии с инструкциями из бензина и мыла. Были проведены и учебные стрельбы из простейших винтовок, рассчитанных на один выстрел. Все это оружие должно находиться в «готовности», заявил Беннет⁷³.

Между тем известно, что оружие «колонной» применяется не только в ходе «учений». Так, «сарай 88» «брал ответственность» за многие диверсии против левых организаций, устроенные при помощи «взрывающихся писем». Беннет дополнил этот перечень рассказом об «операции» против молодежного культурного центра в Дептфорде, в юго-восточном Лондоне. Среди посетителей центра были как белые, так и «цветные» молодые люди. Более того, на его сцене в 1978 году было поставлено несколько пьес об

угнетении темнокожих. Вскоре здание сгорело дотла. Присланная по почте записка, составленная из вырезанных из газеты букв, гласила: «Свое получили. 88»⁷⁴.

Члены «британского движения» усердно осваивали опыт, накопленный «колонной». «Фюрер» БМ Маклафлин в циркуляре для служебного пользования объявил об успехе начатой в 1977 году программы подготовки личного состава до офицерского уровня в боевой подготовке, дисциплине, управлении отрядами и т. д.⁷⁵ В свете освоенной науки боевики БМ в октябре 1979 года подожгли с помощью зажигательного устройства, брошенного внутрь здания, просветительский центр в Бирмингеме. Эта акция была организована отделением БМ в Вест-Мидленде, одним из примерно двух десятков отделений «движения», разбросанных по стране. О деятельности этой ячейки неонацистской партии рассказал журналист Пол Джонсон на страницах «Гардиан».

«Они собирались, чтобы отметить день рождения Гитлера, обменивались знаками германской военной доблести, облачались в мундиры с их эмблемой — кельтским крестом, устанавливали связи с другими ультраправыми группами, с гордостью говорили о «моем фюрере». Обуреваемые «античерными» и антисемитскими настроениями, они рассматривали себя как авангард грядущей революции, которая повлечет за собой поголовную репатриацию и установление тотальной власти белых. Поначалу эта группа ограничивалась такими акциями, как марши, демонстрации и участие в выборах местных властей. Она также собрала библиотеку фашистской литературы и коллекцию наклеек, многие из которых призывали к убийству темнокожих... Охваченные видениями революции белых, о которой разглагольствовали их

журналы и бюллетени, они приступили к формированию оружейного арсенала. На руку оказалось то, что среди них был торговец зарегистрированным оружием. С его контактами и познаниями они смогли держать в поле зрения поток нелегального оружия, циркулирующего в районе Вест-Мидленда. Интенданту группы Родерику Робертсу удалось создать богатейший нелегальный арсенал, запрятанный в хлеву на ферме его родителей в графстве Вустершир. Робертс, поддерживавший связи с ку-клукс-кланом и крайне правой группой «лига св. Георга», имел тайник, где были спрятаны автомат, полуавтоматические пистолеты, револьверы, винтовка, двухствольные ружья, винтовка, стреляющая резиновыми пулями, «для разгона толпы», газ «си-эс» для разгона демонстраций, свыше пяти тысяч комплектов боеприпасов, а также установка для изготовления пуль. В его распоряжении было и американское армейское наставление по изготовлению боевых зажигательных средств.

Другие члены группы также располагали огнестрельным оружием, в том числе винтовкой «спичечная коробка» — специально разработанным оружием, названным так вследствие его размера с коробок спичек, но стреляющим пулями 22-го калибра. У них хватило смелости завладеть всем этим оружием, несмотря на то что участники маршей и предвыборных кампаний были уверены, что находятся на заметке «специального отдела» полиции»⁷⁷.

Далее журналист приводит откровения Робертса, заявившего: «Вся моя жизнь отдана тому, чтобы разграничить черное и белое, и я хочу, чтобы и другие стали дискриминировать чернокожих...»

Показательно настойчивое стремление «британского движения» установить тесные связи и личные контакты с неонацистскими группами в других

частях Европы. Тот же Робертс вместе с другим членом вестмидлендского отделения, Робертом Джайлзом, присутствовал на массовом слете европейских фашистов, состоявшемся в 1979 году в Диксмейде (Бельгия)⁷⁸.

Связи британских неонацистов между собой носят в достаточной степени постоянный характер. Лишний пример тому: объявление бывшего офицера специальных частей ВВС, организатора лагеря по военной и физической подготовке, где проходили обучение члены БМ, было помещено в издании «лиги св. Георга»⁷⁹. А вербовкой в «колонну 88» занимается тайная полувоенная организация, носящая название «СС Вотан 18». Она, по свидетельству прессы, организует взрывы бомб, устраивает другие террористические акции, направленные против «цветных» и «красных». Ее «идейная платформа» — расизм и антикоммунизм.

Самые тесные связи с той же «колонной 88» поддерживает «лига св. Георга», в которой объединились особо пылкие поклонники Гитлера. На своих собраниях они появляются с наруканной повязкой, на которой изображена свастика. Здесь постоянно крутят киноленты, изготовленные в фашистской Германии. Когда во время этих просмотров с экрана раздается какое-либо антисемитское высказывание, собравшиеся встречают его ревом одобрения и вскидывают руку в нацистском приветствии⁸⁰.

Заботу о британских единомышленниках, так же как и о неонацистах других стран, проявляют американские неонацисты. Например, согласно информатору, внедренному английскими спецслужбами в «лигу св. Георга», во время тайной встречи представителей «коричневых» разных стран,

состоявшийся в кафе «Ден Анкер» в Брюгге (Бельгия, 1980 год), с американской стороны поступило предложение о предоставлении винтовок в количестве 10 тысяч штук. Его сделал лидер фашистской организации «американская национальная партия прав штатов» Дж. Стоунер. Этот деятель прославился организацией взрыва церкви в негритянском гетто одного из американских городов⁸¹.

Так что, как видим, британские неонаци не испытывают особых затруднений в обеспечении своих сторонников боевым снаряжением. Они чувствуют свою силу и в значительной степени безнаказанность — ведь власти не кладут конец деятельности открыто террористических по своим методам, экстремистских по характеру, фашистских и расистских по своей направленности организаций и групп. Год от года «коричневые» усиливают свою активность, сеют вокруг семена расовой ненависти, отравляют сознание людей. Все чаще проводят свои «боевые операции» против «цветных» и левых.

В начале 1982 года выходящий в Англии антифашистский журнал «Серчлайт» привел такую статистику. Если в 1980 году за нанесение тяжелых увечий и убийство было осуждено 14 членов «национального фронта», «британского движения» и других аналогичных организаций, то в 1981 году был вынесен приговор 40 таким террористам⁸². Впрочем, это, как говорится, лишь надводная часть айсберга. Очень многие вылазки ультраправых остаются безнаказанными. Видимо, во время тренировочных занятий их специально обучают и тому, как замечать следы преступлений.

Буквы «НФ» вновь замелькали в газетных шапках в 1984 году. Разразился громкий скандал в связи с тем, что появились веские доказательства проникновения

неофашистов в правое крыло партии консерваторов. Эти сведения содержались в докладе, подготовленном молодежной организацией партии тори. Британская общественность была немало скандализирована наличием «коричневых» в рядах респектабельных консерваторов, кстати находящихся у власти. Злобную реакцию разоблачения вызвали у самих ультраправых. Через свой орган «Буллдог» они начали травлю одного из составителей доклада, Мартин Кушнер. Ее осыпали угрозами по телефону, слали подметные письма⁸³.

Глава VII

В духовном родстве с ку- клукс-кланом

Сайлас Аллен вместе с женой провели тот вечер у друзей и засиделись допоздна. Возвращались домой, когда уже начинало светать. Дорога была пустынна, но Аллен вел семейный «пикап» не торопясь, скорость не превышала двадцати миль в час.

Да и зачем было спешить? Когда еще так спокойно, без автомобильной толчеи можно проехать по улицам их столичного района Южный Лэмбет. Они мирно беседовали с женой и, как это делали все водители в округе, свернули у развилки направо, хотя правый поворот разрешен здесь не был. Шоферы поворачивали тут даже в часы пик — уж очень далеко и неудобно было объезжать, — а сейчас, ранним утром, не было ни одной движущейся машины, так что столкнуться ему не грозило ни с кем.

И все же столкновение произошло. Блюстители порядка на дорогах, зачастую сквозь пальцы взирающие на ставшее привычным нарушение у неудобной развилки, на сей раз обнаружили поразительное рвение. Еще бы — нарушение совершил темнокожий водитель. Да, Сайлас Аллен был уроженцем Ямайки, и это обстоятельство предопределило все последующие события. А они разворачивались достаточно быстро.

Полицейский фургон, дежуривший неподалеку, ринулся догонять нарушителя, который мирно подъезжал к дому. Без особого труда поравнявшись с «пикапом», фургон затормозил рядом. Один из «бобби» подошел к Аллену и в весьма резкой форме объявил,

что тот совершил серьезное нарушение дорожных правил. «Да ты, видно, пьян вдребезги, парень, — добавил полицейский. — Давай-ка мы тебя обследуем...» Сайлас не мог скрыть недоумения: «Но почему? Почему вы решили отыгаться на мне?» Позднее, уже в ходе судебного разбирательства, этот полицейский будет, глядя открытым взором на судью, утверждать, что водитель был настолько пьян, что у него даже оба глаза налились кровью. Суд это утверждение отклонит — на том основании, что подобного никак быть не могло: у мистера Аллена, бесстрастно констатируют вершители правосудия, один глаз искусственный... Но это будет позднее, а пока что полицейский вместе со своим напарником, грубо схватив «злостного нарушителя с налитыми кровью глазами», поволок его к фургону. На всякий случай один из блюстителей порядка вызвал по радиотелефону подкрепление: такая потеха с этим «черномазым», а ребята из участка, должно быть, соскучились! Пока один из «бобби» телефонировал коллегам, другой, заломив Аллену руку за спину, все сильнее выворачивал ее, одновременно схватив его за горло, — пускай знает, что такое лондонская полиция.

Ошеломленная подобным развитием событий, супруга Аллена крикнула стражам порядка, чтобы они отпустили наконец ее мужа. «Советуем держать язык за зубами, а то и тебя арестуем», — последовало в ответ. «Да больно же! — вскрикнул в этот момент Сайлас, которому полицейский еще сильнее вывернул руку. — Зачем это делать?» «Да потому, что ты мне нравишься, парень», — отвечал «бобби».

В этот момент прибыло подкрепление. Из второго фургона высыпало десяток блюстителей закона. Четверо деловито схватили «злостного нарушителя» за руки и за ноги и потащили к полицейской машине. Во время этой малосимпатичной операции у несчастного

сбили с лица очки, и один из «бобби» тут же раздавил их тяжелым ботинком. Сайласа подтащили к фургону и бросили на пол, в пространство между двумя рядами сидений. Джентльмены уселись вдоль стен фургона и, дабы этот инородец не особенно елозил по полу, жестко уперли ботинки в его тело. Удивительно ли после этого, что полицейский врач вынужден был зафиксировать в протоколе наличие у задержанного ссадины под глазом, отметить и его жалобы на резкую боль в локте.

Когда соответствующие формальности были закончены и Аллену разрешили покинуть участок, один из полицейских офицеров позволил себе пошутить под одобрительные взгляды коллег: «Да ты не переживай. У тебя ведь всегда есть право подать на полицию в суд, не так ли?» Шутка имела успех. Еще бы — что может быть смешнее, чем какой-то чернокожий, преследующий в судебном порядке стражей закона... Тем более что предстоит иной суд — над ним самим как злостным нарушителем дорожных правил, а в этих случаях у иммигрантов есть разве что один шанс из ста.

И видимо, именно этот шанс выпал Сайласу Аллену. Обвинение в том, что он был «полностью непригоден для управления автомобилем», суд отверг. Быть может, слишком неуклюже выглядели показания «свидетелей» в полицейской форме — вроде заявления о «налитых кровью глазах». А может быть, на служителей Фемиды впечатление произвели представленные Алленом результаты медицинского обследования, которое он прошел в ближайшей больнице: сильное повреждение челюсти, опухоль на локтевом сгибе, травма брюшной полости. Рентген обнаружил, что в районе локтевого сустава произошло расщепление кости. Стал развиваться остеоартрит, который, как официально установили медики, будет неуклонно прогрессировать.

(Помните, как энергично выворачивал ему руку «бобби», которому Сайлас «понравился»?)

Суд занялся рассмотрением жалобы Аллена на превышение власти полицейскими. Действительно, налицо было грубое нарушение параграфов уголовного закона, который предписывает соизмерять предполагаемое нарушение с мерами пресечения. Полиция должна применять не больше силы, чем того требуют обстоятельства. А какими «обстоятельствами» можно объяснить расправу дюжины физически отлично подготовленных полицейских над человеком, чьи физические данные мало впечатляют: рост чуть более полутора метров, да и возраст уже не юношеский?

Дело кончилось для полиции на сей раз позорно. Приговор: материальная компенсация пострадавшему за нанесенные увечья¹. Впрочем, скандальная история, начавшаяся на одной из улиц Южного Лэмбета и получившая свое завершение в одном из судов, служит тем исключением, без которого невозможно правило. А правило состоит в том, что представший перед судом иммигрант — по любому обвинению — может считать себя осужденным, особенно если обвинение выдвинуто полицейскими. Такова английская действительность.

Отношения между полицией и «цветными» жителями «смахивают на состояние войны» — к такому выводу пришел социолог Джордж Браун из Технологического института Кроли, изучавший положение в небольшом промышленном городе Хэнсуорте, близ Бирмингема (50 тысяч жителей, в том числе 13 тысяч небелых).

Действия стражей порядка, которые порой напоминают повадки американского ку-клукс-клана, поощряются и направляются властями. Рвение полисменов подстегивается расистским мифом о том, что иммигранты-де обнаруживают «склонность» к

совершению правонарушений вследствие якобы присущего им «преступного начала». Это провокационное утверждение внедряется в умы людей с помощью прессы и телевидения, его на разные лады повторяют правые политики и неонацисты.

Быстро, эффективно, безжалостно

Приведем некоторые случаи, показывающие, что, как и в истории с Алленом, скорее «склонность к правонарушениям» присуща самим стражам закона, когда в поле зрения у них оказывается человек с небелым цветом кожи.

...Неожиданно с улицы раздались крики. 37-летняя жительница лондонского района Уолтхем форест Эсме Бейкер поспешила на улицу. Как только она вышла из подъезда, то услышала чей-то возглас: «А вот и мамаша». Обернувшись на голос, она узнала офицера, с которым за две недели до этого апрельского дня уже беседовала, — тогда, как и теперь, проводило операцию

подразделение «мгновенного ответа»: так выпендриво именовались полицейские формирования, направляемые в этот район, где то и дело организовывали свои вылазки расисты. Долго размышлять о смысле услышанного ею возгласа женщине не пришлось. Над ее головой мелькнула полицейская дубинка. Она инстинктивно подняла руку. Однако удар был достаточно силен, чтобы дубинка, задев руку, опустилась ей на голову. Но наверное, не меньшую боль доставило ей открывшееся в этот момент зрелище: в окружении пятерых блюстителей порядка на земле был распростерт ее 18-летний сын Эмил Фоуке, и полицейский башмак раз за разом наносил удары по его телу. Мать ринулась к сыну, но один из «бобби» схватил ее за одежду так резко, что разорвал платье. Возмущенную таким обхождением женщину крепкие руки затолкнули в полицейский фургон, где рядом с ней уселся офицер, разорвавший на ней одежду. Он достал дубинку и стал грубо тыкать ею в обнаженную грудь Эсме Бейкер. Нарочито коверкая слова, он протянул: «Гляди-ка, парень, никогда не думал, что у негрityнок груди есть». «Я закипела от негодования и отвращения к нему и плюнула ему в лицо», — расскажет она о пережитом унижении. Расскажет и ее сын о том, как блюстители порядка били его ногами и дубинками. Позже, когда его выпустят из участка, он отправится в больницу «Уиппс кросс», чтобы зафиксировать факт побоев.

Однако свидетельства матери и сына, которые они представили в суде в Восточном Лондоне, вошли в разительное противоречие с версией, выдвинутой представителями закона. Фоуке вовсе не сидел с приятелями у ограды, когда к ним со словами «черномазые ниггеры» приблизились полицейские, как он сообщил суду. Он, по заявлению полиции, «дразнил группу молодых белых людей», а затем затеял

рукопашную с блюстителями порядка. И его мать при виде ареста сына выскочила, подобно фурии, из дому и нанесла свирепый удар кулаком констеблю в плечо. Разумеется, ничего предосудительного не происходило и в фургоне...

Версия полиции стала рассыпаться после свидетельства соседа пострадавших. Энтони Силевер, кстати «стопроцентный» британец, сообщил, что видел из окна, как зверски избивали Фоукса. Это было отвратительно, заявил он. Свидетель зверского обращения «бобби» с юношей заставил их спешно перестраивать версию. Возникли противоречия, концы с концами не сходились. В итоге полицейский офицер был вынужден признать, что «кое-какие утверждения», зачитанные им из его записной книжки, «были не совсем точными»². Пострадавшим осталось утешаться тем, что лондонский суд все же снял с них обвинения.

В весьма апологетическом докладе о методах полицейского расследования, подготовленном специально назначенной для этого Королевской комиссией, в частности, утверждается, что по пути в участок с арестованным может быть проведена «беседа»³. Что же касается физического воздействия на задержанных, то сама мысль об этом в полиции «повсеместно с презрением отвергается»⁴. Но так ли это?

Два лондонских «бобби», Д. Уайлдбор и С. Холлоуэлл, проезжая в своей патрульной машине «панда» по ночному Лондону, заметили на одной из улиц темнокожего молодого человека с сумкой в руках. Темнокожий с сумкой, да еще в позднее время — этих обстоятельств для блюстителей порядка оказалось достаточно, чтобы задержать его и осмотреть содержимое сумки. В ней оказались две небольшие модели автомобилей — фургона и «роллс-ройса».

Разумеется, украденных— такой вывод сделали констебли, отвозя задержанного в участок. И оказались правы: еще не наступило утро, а у них в руках уже было письменное признание Эррола Мэддена (так звали арестованного) в совершенном преступлении. После интенсивного допроса он собственноручно написал под записанным с его слов заявлением: «Это заявление является правдивым, я сделал его по моей доброй воле»⁵.

Есть и другие документы. Например, написанное месяц спустя объяснение Холлоуэлла. В нем воспроизводится запись допроса, как он запомнился этому полицейскому. «Я сказал: «Вы похитили их, так ведь?» Он ответил: «Да». Я сказал: «Из одного и того же магазина?» Он ответил: «Нет, из разных». Я сказал: «Желаете сделать письменное заявление о том, что вы мне сказали?» Он ответил: «Да». Я сказал: «Желаете сами его написать?» Он ответил: «Нет, сделайте это вы». Затем после соответствующего предупреждения Мэддену в присутствии сотрудника полиции Уайлдбора, между 4.55 и 5.15 утра я записал его заявление, в котором он полностью признался в совершенном преступлении».

Идентичным было и свидетельство Уайлдбора: Мэдден по собственному желанию продиктовал текст заявления.

Оно гласило: «Я, Эррол Мэдден, намерен сделать заявление. Я хочу, чтобы кто-нибудь записал то, что я намерен сказать. Меня предупреждали, что я вправе не говорить ничего в случае, если я этого не желаю, и что все мною сказанное может быть представлено в качестве свидетельства». Далее следовало: «Я закончил занятия в школе в десять минут пятого и отправился в тот самый магазин. Мне кажется, он называется «Андервудз». Это очень большой магазин. Я увидел эти

машинки в коробках, одна из машинок была типа «фургон супермен». Я взял ее в руки, огляделся, не смотрит ли кто-нибудь, и затем положил ее в сумку и вышел из магазина. Потом пошел в другой магазин, небольшой, где торгуют игрушками. Я взял машину, это был «роллс-ройс», и положил в сумку. В магазине было в этот момент мало народу. Это случилось в понедельник на этой неделе...» Заключительная фраза была написана неровным почерком (потом станет ясно, отчего рука его дрожала) самого Мэддена: «Я прочитал вышенаписанное заявление, мне было сказано, что я вправе изменить или добавить что-либо, это заявление является правдивым, я сделал его по моей доброй воле».

В цитиrowавшемся выше докладе Королевской комиссии, несмотря на его комплиментарный характер, все же содержится признание, что психологическая атмосфера, создаваемая полицейскими в ходе допроса задержанного, зачастую ломает его волю. Авторы доклада при этом отвергают мысль о том, что полученные в этих обстоятельствах признания не рассматривались бы как обычные свидетельства⁶. Во что это выливается, можно судить по тем обстоятельствам, которые стали известны позднее, и то лишь благодаря счастливой случайности: констебли, рывшиеся в сумке задержанного, в спешке не обнаружили лежавшей там копии чека из магазина, подтверждавшей факт покупки злосчастных автомобильчиков. Благодаря этому клочку бумаги Мэддену удалось поставить под сомнение подписанные им «показания», поведать, при каких обстоятельствах они были получены.

Так, слова, адресованные встреченному во время патрулирования молодому темнокожему, Холлоуэллу запомнились в такой редакции: «Обращаю ваше

внимание: если вы откажетесь отвечать на мои вопросы, вы будете арестованы по подозрению в краже собственности». Мэдден поведал иное. В тот момент, когда его силой заталкивали в патрульную машину, он услышал: «Ты, паршивая черная потаскуха, не думай, что тебе и дальше удастся здесь шлаться». Уже в машине Эррол спросил: «Куда вы меня везете?» С переднего сиденья отчетливо раздалось: «Ко льву в клетку». В ходе допроса в участке он узнал от двух «бобби», что его мать — проститутка, что сам он насильник либо гомосексуалист, что его будут морить голодом в камере, пока он не умрет, что его могут ошпарить кипятком, а могут и отправить в «камеру пыток». После этого ему «посоветовали» подписать признание. В этот момент один из двух полицейских, достав лист маги, сказал ему, что он, Мэдден, сейчас сообщит о своем признании. А затем полицейский стал диктовать текст «признания».

Он орал, рассказывал позже Эррол: «Записывай все это или же марш обратно в камеру». После того как я написал бумагу, я сказал: «Но все это неправда». «Сам знаешь, что это чистая правда», — сказал в ответ полицейский.

Несколько слов о личности «похитителя автомобильчиков». Несмотря на отсутствие документа об образовании, его приняли в высшую школу искусств: были учтены его исключительные художественные способности. Один из преподавателей отозвался о нем, как о «потенциально гениальном художнике», «намного способнее всех учеников», которые у него когда-либо были. Его работы составили экспозицию в Ковент-гарден. В тот вечер он как раз возвращался с этой выставки. По дороге зашел в магазин «Кнутц», где купил одну из машинок — в дополнение к той, что приобрел за пару дней до этого в универмаге «Андервудз». Оба автомобильчика он намеревался

использовать в качестве моделей для рисунков. Кстати, нашелся человек, который присутствовал при последней его покупке. А в первом случае его запомнил продавец, выписавший чек. Владелец магазина подтвердил: краж в последние дни не было. На улице же в поздний час Эррол оказался потому, что зашел в кино, а после окончания сеанса опоздал свой автобус и шел домой пешком.

Ведь это — «человек второго сорта»...

Казалось бы, алиби его неоспоримо, добродетель должна с легкостью восторжествовать, порок же должен быть наказан.

Частично это действительно произошло. Но ни о какой «легкости» говорить не приходилось. На суде полицейские всеми правдами и неправдами — в

основном последними — пытались доказать его вину. Лишь скандальная огласка да помощь некоторых общественных организаций вынудили суд закрыть дело в отношении Мэддена. Однако его намерение наказать порок оказалось тщетным. Он попытался было возбудить дело против двух полицейских, явно злоупотребивших своим положением. Но судебные инстанции, видимо, не усмотрели в их действиях достаточно серьезных нарушений закона, и иск был передан в коллегия жалоб на полицию. Джентльмены из этой коллегии, весьма вольно трактуя Закон о полиции 1976 года, заявили: поскольку не найдено оснований привлекать людей к уголовной ответственности, рассматривать иск не следует, иначе двое ответчиков оказались бы дважды под судом за одно и то же деяние.

Заявление это было явным юридическим нонсенсом. Но быть может, в коллегии заседали случайные люди, неведь как попавшие в этот орган? Нет, это не так. Кандидатуры членов коллегии утверждает лично премьер-министр Великобритании...⁷

Возможно, в ряды столичной полиции просто затесались два констебля-расиста? Факты говорят о другом — о том, что случай с Мэдденом не является исключительным в практике британских стражей порядка.

Мало радости доставило пребывание в участке уроженцу Вест-Индии Роджеру Дейли, повару по профессии, жителю столичного района Стоук Ньюингтон. Мало того, что, как он рассказал, полицейские избили его. Но они не ограничились этим, устроив для себя дополнительное развлечение: один из офицеров швырял в него, раздетого догола, земляными орехами, приговаривая: «Угощайся на здоровье, обезьяна...»

Кстати, в участок его доставили после того, как бдительный сержант полиции Колин Росс заподозрил, что идущий с сумкой в руках «цветной» наверняка украл то, что у него в этой сумке лежит. Дейли объяснил подошедшим стражам порядка, что располагает чеком на все покупки, сложенные в сумке. Тогда Росс объявил ему, что «он пьян», и, заломив руку за спину, с помощью четырех коллег потащил Дейли в участок⁸.

Немало натерпелись жители Сент-Пола — бристольского гетто для «цветных» и бедняков — мать и сын Ройалы — Агата и Дэвид. Им, вероятно, надолго запомнится налет на их дом, учиненный полицией. Один из констеблей нанес 38-летней хозяйке дома сокрушительный боксерский удар. Блюстители закона ничуть не смущались присутствием при этой отталкивающей картине двух соседок Агаты Ройал, которые с возмущением пересказывали потом увиденное.

Дополнительный штрих к картине нравов, царящих в Сент-Поле, добавил один из лидеров местной «цветной» общины, Оуэн Генри. «Всем известно, что полиция позволяет белым терроризировать Сент-Пол. Она стала символом репрессий. Мы знаем, что имеются полицейские, которым мы не нравимся. Один, к примеру, пришел с обыском ко мне домой. Я попросил показать ордер. Он ответил: «Мне не нужно никакого ордера, когда дело касается вас, «ниггеров»...»⁹

И у этого блюстителя закона в полиции немало единомышленников, что испытали на себе, в частности, жители дома № 150 по Лордшип-роуд в северной части Лондона Люсилл и Дэвид Уайт, а также их дети¹⁰. К их сыновьям Деннису и Карлтону в тот осенний вечер зашли два приятеля. Когда же Деннис пошел провожать их, то входную дверь ему не позволили

закреть выросшие словно из-под земли «бобби». Как выяснилось позже, кто-то где-то вроде бы слышал, что в доме прячут краденое, и стражи порядка взяли жилище Уайтов под наблюдение. В этот вечер они решили проверить данную версию с помощью обыска— чего там церемониться с «цветными». И вот, воспользовавшись открывшейся дверью, полицейские вошли в дом. Видимо, отбросив в сторону чисто британское утверждение «мой дом — моя крепость», войти куда можно лишь с разрешения владельца либо именем закона. Но дело-то касалось «ниггеров», и просьбу Денниса предъявить ордер на обыск констебли дружно игнорировали. Возникший шум разбудил Люсилл, которая вышла из спальни как была — в ночной рубашке и босиком. Увиденное повергло ее в смятение: коридор был наводнен полицейскими, один из них изо всех сил лупил ее сына по голове дубинкой. Тут же досталось и ей самой (впоследствии экспертизой будет установлено, что ей был нанесен удар по голове «каким-то предметом»), после чего ее выволокли из дома и бросили в полицейский автомобиль.

Появившийся в этот момент из спальни муж Люсилл бросился ей на помощь. И его-то уж «бобби отделали от души. Человек уже не первой молодости, он на протяжении девяти недель будет вынужден отлеживаться после жестоких побоев. Он не сможет все это время ходить на работу, хотя опасность потерять место для «цветного» весьма велика. Но это все будет потом, а сейчас его силой увозили вместе с женой в участок. Джентльмены из полиции (а их в этой «операции» участвовало ни много ни мало 17 человек) так спешили увезти «преступников», что даже не дали им возможности накинуть на себя хоть что-нибудь из одежды. Однако еще больше Люсилл Уайт волновало то, что в разгромленном доме без присмотра остались трое маленьких дочерей...

Таинственные обстоятельства пожара в лондонском районе Дептфорд, во время которого погибли 13 молодых темнокожих, повлекли со стороны общественности требования расследовать это дело до конца, не позволить замять его

Все эти заботы матери были далеки «бобби». Они тут же заперли арестованных в камеру и засели за составление документа, в котором обвинили чету «цветных» в нападении на 17 представителей закона. Составлением насквозь фальшивого обвинения полицейские увенчали список совершенных ими за один только вечер тяжелых правонарушений.

Итак, они без законных оснований вошли в дом, совершили нападение на членов семейства Уайт, без оснований подвергли их задержанию и помещению в камеру. Мало того, хотя никаких «краденых вещей» так и не было обнаружено, полицейские чины еще на протяжении пяти лет будут всеми силами укрывать организаторов и исполнителей позорного налета на дом № 150 по Лордшип-роуд. И только в 1982 году суд вынесет решение о денежной компенсации пострадавшим.

Если именовать пережитое семьей Уайт драмой, то происшедшее с Колином Роучем — это уже истинная трагедия. 12 января 1983 года этот молодой человек в 11.30 вечера вошел в здание полицейского участка в лондонском районе Хэрни, вложил себе в рот ствол обрезка и нажал на курок. Самоубийца страдал серьезным психическим заболеванием. Такова версия полиции¹¹. Версия, вызвавшая сильные сомнения и не менее сильное негодование жителей этого района.

Сразу же возник вопрос: если человек задумал свести счеты с жизнью, то зачем для этого выбирать такое место, как вестибюль полицейского участка? Тем более что Роуч не был каким-то безумцем. Еще недавно этот молодой темнокожий (к моменту смерти ему исполнился лишь 21) был душой компании, открытый и общительный парень. Среди его многочисленных друзей были и черные, и белые, и «цветные». Большой любитель спорта, он и сам занимался немного боксом. До недавнего времени и с работой было нормально — до тех пор, пока его хозяин не разорился. Колин служил в ателье закройщиком. Настроение его после потери работы изменилось. На короткое время он даже оказывается за тюремной решеткой, где с ним обходятся весьма жестоко. После отбытия краткого заключения он выходит на свободу встревоженный. Однако не настолько, чтобы потерять интерес к жизни. На 13 января вместе с тремя друзьями он планирует отправиться на экскурсию во Францию. Накануне этого дня его с простреленной головой находят в участке...

Известно, как он туда попал: по просьбе самого Колина его отвез туда на машине его друг Кит Скалли. Искал ли он здесь защиты или хотел сообщить что-то важное — этого уже не узнать. Скалли был последним из его друзей и знакомых, кто видел его, стоящего в вестибюле участка, перед вторыми дверьми. Скалли

помнит и время: 11 часов 30 минут вечера. Он был обеспокоен тем, что может произойти с Колином в полиции, и съездил за его отцом, Джеймсом Роучем. В 12.15 ночи он вошел в здание участка, и с этого момента его свидетельства явно расходятся с полицейской версией.

Роуч-старший твердо помнит, что его допрашивали с 12.15 до 2.45 и только тогда сообщили ему о смерти сына. «А ведь я их до этого спрашивал, все ли с ним в порядке. Они ничего мне не говорили об этом», — свидетельствует отец покойного. Услышав о том, что его сын застрелился, он не поверил: «У него и ружья-то не было».

Между тем мать Колина, Памела Роуч, раз за разом набирала телефонный номер участка. Тревога ее росла, но всякий раз на ее вопросы о судьбе сына ей не отвечали. В 4 часа утра, когда Джеймс Роуч уже собирался уезжать из участка домой, ему впервые сообщили, что звонит супруга. Лучше я сам ей сообщу, сказал он полицейским.

Согласно же полицейской версии, о смерти сына Роучу было сообщено в 12.45—как только удалось идентифицировать труп. Он был якобы также сразу информирован о первом же звонке супруги, но выразил пожелание, чтобы ей пока не говорили о трагедии. Обе версии сходятся, пожалуй, лишь в одном: отцу было отказано в возможности увидеть тело сына. Стражи закона утверждают, что сделано это было «из соображений гуманности»: они не хотели, чтобы отец запомнил сына таким... Весьма трогательно, но не очень согласуется с рядом других обстоятельств. Так, в ходе обыска, устроенного в пять утра в комнате Колина, «бобби» весьма бесцеремонно вели себя с его родными, переживающими утрату. На следующий день в участке, куда была вызвана Памела Роуч, с ней обходились откровенно грубо.

И наконец, такое весьма важное обстоятельство. Все то время, пока шел первый допрос отца Колина, пресс-бюро Скотленд-ярда усиленно распространяло сведения о том, что произошло самоубийство, совершенное психически больным человеком. Если бы не это усиленное стремление полиции выставить Колина ненормальным, если бы не отказ предъявить его тело отцу, если бы не попытка отрицать указанное Джеймсом Роучем точное время, когда ему было сообщено о смерти сына, — если бы не все это, то могло бы и не возникнуть подозрений, что предшествующие события в участке развивались иначе, отметил адвокат семьи Роуч Гарет Пирс.

Добавим — если бы еще не устоявшаяся репутация полиции как заповедника расистов, не церемонящихся с «людьми второго сорта». Об этом говорилось в заявлении организации, носящей название «ассоциация чернокожих района Хэрни». В нем указывалось на самую настоящую жестокость, которую полиция обнаруживает по отношению к темнокожим, на травлю, которой они подвергаются с ее стороны. Говорилось и о целом ряде других смертных случаев, которым полиция не дала достаточно веских объяснений.

«Бобби» за работой

«Вера в полицию, доверие к ней полностью рухнули», — заявил парламентарий-лейборист Эрнест Робертс, представляющий в палате общин этот столичный район. Он напомнил о жалобах на беспочвенные задержания и обыски, на противозаконный арест чернокожей женщины, особо выделил возмутительный случай с семейством Уайт. История же с Роучем стала «той соломинкой, что переломила спину верблюда», констатировал Бэннон Хесс, секретарь «ассоциации чернокожих района Хэрни». «Люди не кончают самоубийством в здании полицейского участка, — подчеркнул он. — Когда же полиция стремится представить случившееся самоубийством, даже еще до того, как сообщить родителям о смерти их сына, то у нас появляются основания поставить это под сомнение»¹².

Смерть молодого темнокожего в здании полицейского участка при весьма загадочных

обстоятельствах и подозрительные манипуляции стражей закона действительно стали последней каплей, переполнившей чашу терпения жителей этого района Лондона, в первую очередь «цветных». Пятьсот человек приняло участие в демонстрации протеста против бесчинств полиции. Над головами людей плыло множество портретов Колина Роуча. Многие транспаранты прямо утверждали: «Колин Роуч убит!», «Требуем публичного расследования!» Манифестанты прошли по улицам Хэрни и завершили свой марш неподалеку от получившего скандальную известность полицейского участка в той части Хэрни, которая называется Стоук Ньюингтон. Часть демонстрантов двинулась вдоль Хай-стрит по направлению к самому участку. Здесь «бобби» вновь показали свое истинное лицо. Они выхватывали людей из колонны и бросали их в свои фургоны. Прохожие, наблюдавшие эту картину, не могли сдержать негодования: стражи закона арестовывали ни в чем не повинных.

Этой операцией командовал лично суперинтендент Мур, стоявший в дверях участка позади полицейского кордона. Время от времени его подчиненные «захватывали в плен» очередного демонстранта и волокли в участок... Возмущенные этим бесчинством, сквозь кордон пробились четверо членов муниципального совета, представляющие лейбористскую партию. Мы стали свидетелями того, как людей хватали лишь за то, что они здесь оказались, с гневом заявил суперинтенденту Бринли Хевн, председатель комиссии по вопросам полиции муниципалитета Хэрни. С людьми при этом обращались исключительно грубо, добавил Патрик Кодикара, председатель комиссии по социальным проблемам. На Мура и его коллег эти заявления не произвели особого впечатления. По сфабрикованным полицией обвинениям «взятые в плен» были привлечены к суду — всего 49

человек¹³. «Мы должны дать отпор расистам-полицейским, и для этого нам следует сплотиться, всем — черным и белым!» — этот призыв, брошенный одной из жертв полицейских преследований, Нелли Найдт, встретил отклик участников демонстрации протеста.

Однако широкие протесты общественности не возымели особого действия на сотрудников этого участка. Более того, смерть Роуча при неясных обстоятельствах открыла им новые возможности в их весьма специфических «играх» с арестованными. Стало известно, что некоторых задержанных в связи с различными правонарушениями «бобби» из участка в Стоук Ньюингтон пытаются обвинить в убийстве Роуча. Это психологическое давление, в частности, испытали на себе двое чернокожих молодых людей, дававших показания по поводу похищения предметов собственности.

«Цветной?» — значит, бунтовщик

«Наиболее заметным аспектом полицейской практики стал зачастую неприкрытый, оскорбительный и облеченный в форму насилий расизм» — такой вывод сделан в докладе, посвященном действиям полиции

района Хэрни, который подготовило местное отделение КРР. В этом документе «бобби» обвиняются в произволе, тирании и террористических действиях, жертвами чего в первую очередь становятся представители этнических меньшинств. Люди жалуются, что полицейские обзывают их «черными ублюдками», твердят, что «эта страна для белых», им заявляют в лицо, что «у черных уголовная натура»¹⁴, что доверять им нельзя. На улицах «бобби» постоянно останавливают «цветных» и требуют предъявления документов. «Создается впечатление, что полиция вознамерилась превратиться в силу, сеющую на улицах страх»¹⁵,— отмечается в докладе. Базирующаяся в Восточном Лондоне общественная организация «общинный альянс за подотчетность полиции» сообщила, что за 1982 год она получила 340 жалоб на действия блюстителей порядка. В 108 случаях сообщалось о постоянном третировании со стороны полицейских, в 68 жалобах говорилось о проявленном ими откровенном расизме, в 52—о жестоком обращении в участке, в 39—о физическом насилии¹⁶.

Имеются и другие исследования, прямо или косвенно подтверждающие линию полиции на запугивание и третирование представителей этнических меньшинств. По данным сотрудников юридического центра в Ноттинг-хилле в Западном Лондоне, случаи третирования темнокожих на улице происходят в 30 раз чаще, чем в отношении белых. В отдельном разделе подготовленного ими доклада рассматриваются 30 случаев, когда объектом обвинений в нарушении закона становились люди с темной кожей. Лишь в двух случаях действия полиции не подверглись резкой критике¹⁷.

Форменным обвинительным документом стал доклад, подготовленный созданной в столичном районе Лэмбет специальной рабочей группой во главе с

королевским адвокатом Д. Тернер-Сэмьюэлсом¹⁸. В рабочую группу вошли ряд политических и общественных деятелей. (Когда эта группа формировалась в 1979 году, ее руководитель предложил тогдашнему шефу полиции Лэмбета Л. Эдамсу сотрудничать с членами рабочей группы. Однако тот наотрез отказался.) Члены группы заслушали порядка 300 свидетельств — как отдельных лиц, так и сообщения целых организаций. Один из этих свидетелей, член городского магистрата, рассказал: «Будучи врачом по профессии, я время от времени прошу разрешения участвовать в полицейском патрулировании. Иногда я езжу вместе с полицейскими в их машинах. Своими выкриками из машин они делают все возможное, чтобы спровоцировать чернокожих. Выкрикивать непристойные оскорбления считается вполне нормальным для полицейского офицера». Другая свидетельница, темнокожая женщина, поделилась своей тревогой за детей: «Всякий раз, когда они выходят из дома, у меня сердце из груди выскакивает. Весь наш опыт порождает страх. Надо бы полагаться на полицию, но к ней нет никакого доверия, поэтому сама почва существования нашей общины делается зыбкой».

Весьма любопытное свидетельство, в какой-то степени объясняющее агрессивность стражей закона, поступило от одного бывшего офицера полиции. «Вам говорят, что вы воплощаете закон, что вы контролируете улицы, что вы ни перед кем не отходите в сторону. Вы их заставляете отойти в сторону... Когда вы начинаете службу, то работаете, исходя из определенных квот, — вы должны задержать определенное число людей, вам необходимо продемонстрировать свою власть»¹⁹.

В докладе собрано немало доказательств трети́рования, систематических преследований «цветных». Подчеркивается, что организация допросов молодых людей «являет собой картину насилий, запугиваний и насильственных признаний». Юридический центр, созданный общиной, привел множество фактов произвольных обысков молодых людей, когда ничего предосудительного обнаружено не было. Однако первоначальная причина задержания и обыска молодого человека в этих случаях отбрасывалась, и его арестовывали за «нападение на полицейских офицеров» либо же за «оскорбление словом».

Показания молодых людей сплошь и рядом бывали получены в отсутствие взрослого, что представляет нарушение судебных правил. Объясняя нежелание некоторых темнокожих отправляться в участок, куда доставлены их арестованные дети, работники отдела условного освобождения признали: «Многие чернокожие родители знают, что, когда они появятся в участке, с ними станут обращаться как с уголовными преступниками и подвергать оскорблениям». Из молодых людей, признавшихся в ходе допроса в совершении преступления, 15 процентов сообщили, что против них были применены физические методы, а 65 процентов поставили в известность о расистских оскорблениях, которыми их осыпали.

Все эти и многие аналогичные факты дают представление о степени полицейского террора, развязанного в Лэмбете в отношении представителей этнических меньшинств. «Своеобразная природа методов полиции» и «отсутствие демократического контроля над ее действиями» привели к тому, что отношения между полицией и общиной стали «крайне угрожающими», отмечается в докладе²⁰.

Благодатную почву для процветания расистских настроений в полиции представляют иммиграционные законы, указывают двое ученых — профессор Абердинского университета Р. Мур и доктор К. Уоллес из Эштонского университета. «Ни одна черная община, ни одна черная семья, ни один чернокожий индивидуум в конечном счете не могут питать доверия к представителю закона, который в сущности ставит под сомнение само их право пребывать в Соединенном Королевстве», — подчеркивают они в совместном заявлении. Законы об иммиграции и выражающаяся в них политика находят воплощение в гонениях, обрушивающихся на чернокожих, эти законы внедряют мысль, что «цветные» в Великобритании не нужны, отмечают ученые и делают вывод: «По всей видимости, не должно вызывать удивления, что полиция чувствует себя вправе обращаться с чернокожими не так, как с полноправными гражданами»²¹.

Пожалуй, наиболее полно это «ощущение» блюстители порядка проявили, когда на свет был извлечен порядком запылившийся закон, принятый в 1824 году, согласно которому можно арестовать любого человека, если у стража порядка возникнет подозрение, что тот вознамерился совершить преступление. «Темнокожие чувствуют, что этот закон несправедливо применяется именно против них», — отмечал американский журнал «Тайм». «Наши парни сейчас попросту опасаются появляться на улице, зная, что в любой момент их могут арестовать», — констатировал Кортни Лоз, один из лидеров вест-индской общины столичного «цветного» гетто Брикстон²². Действительно, в 1975 году, например, на основании ставшего анахронизмом закона было арестовано 30 тысяч человек, половину из которых составили «цветные»²³. Закон фактически предоставлял полиции

легальную возможность чинить произвол в отношении неугодных, в первую голову «цветной» молодежи.

Официально именуемый законом о бродяжничестве, он в статье 4 содержал формулировку, которая позволяла карать только за намерение совершить правонарушение. И представители закона облакались правом— а точнее, им это вменялось в обязанность — «читать» криминальные мысли на расстоянии. И эта «телепатия» в итоге воплощалась в «показания», рассматриваемые судом, который на их основании и выносил приговор. Таким образом, даже, например, спокойно стоя в автобусной очереди, «цветной» не был застрахован от обвинения в нарушении пресловутой 4-й статьи. Кто докажет, что он в этот момент не обдумывал план уголовного деяния?

Самое широкое применение, которое полицейские власти нашли для этого своеобразного закона, вызвало естественное возмущение общественности. В различных местах прошли манифестации, участники которых требовали его отменить.

Один из высших полицейских чинов, сэр Дэвид Макни, попытался публично отместить критику: он утверждал, что буквой этого закона вовсе не злоупотребляют, чтобы усилить гонения на «цветных», нет, закон этот ныне применяется не чаще, чем в 30-е годы²⁴. Весьма аргументированный ответ ему дала Сильвия Скарфарди, которая в 30-е годы входила в руководство Национального совета за гражданские свободы (НСГС).

Действительно, заявляет она в письме в газету «Гардиан», этот закон в те времена применялся столь же широко. Но во что это вылилось? В скандал. Совет вел активную борьбу против данного закона, жертвами которого тогда были не темнокожие, а безработные. Начиная с 1930 года, подчеркивает она, стало

драматически увеличиваться число людей, арестованных в связи с «намерением совершить правонарушение». «Рональд Кидд, в то время генеральный секретарь НСГС, и я сама не раз были свидетелями таких арестов, например, по вечерам, во время театрального разъезда, — вспоминает Скарфарди. — Обвинения бывали сколь зыбки, столь и стереотипны — к примеру, «попытка открыть дверцы автомобиля». Эти обвинения никогда ничем не подкреплялись, отмечает она, в связи с чем от четверти до трети дел прекращалось. (Но остальные две трети или три четверти попадали в жернова коварного закона.) В 1936 году юристы НСГС смогли выиграть ряд подобных дел в суде, обнародовали в прессе подробности этих разбирательств и передали подобранный материал некоторым парламентариям. В палате общин стала раздаваться весьма едкая критика в адрес правительственных инстанций, санкционировавших широкое применение этого закона. 9 июля 1936 года, вспоминает Скарфарди, в парламенте прозвучал недвусмысленный вопрос: не намерен ли министр внутренних дел разъяснить полиции, что идти по улице не является противозаконным? В конце концов под давлением общественности власти стали сворачивать акции, освоенные старым законом: если в 1935 году было возбуждено почти пять тысяч дел, то в 1937 году это число упало до 1164, при этом 351 обвинение было впоследствии снято²⁵.

И все же сэр Макни не зря вспомнил о том, что закон о бродяжничестве был весьма популярен в 30-е годы — во всяком случае у полиции. Колоссальные злоупотребления законом со стороны репрессивного аппарата заставили на несколько десятилетий задвинуть его на дальние полки. Еще более грандиозные злоупотребления в 70-е годы, породившие

мощную волну протеста, заставили власти отменить пресловутую 4-ю статью. Однако и теперь «цветная» община не смогла вздохнуть спокойно. Летом 1981 года был введен в действие закон о попытке преступления.

Британский истеблишмент перестал бы быть самим собой, если бы не проявил и в этой ситуации исключительной гибкости: внешне пойдя навстречу требованиям общественности, он попытался еще сильнее узурпировать права «человека с улицы». Во вступившем в силу законе о попытке преступления формулировался новый тип правонарушения — «покушение на автомобили». Подобно закону 1824 года, новое законодательство рассматривало предполагаемое намерение совершить правонарушение как самостоятельное уголовное преступление. За него было предусмотрено трехмесячное тюремное заключение, либо штраф в 500 фунтов стерлингов, либо сочетание того и другого. Внешне новый закон был направлен против злоумышленников, которые пытаются открыть дверцу автомобиля или ощупывают его стекла. Но ловушка крылась в том, что само понятие «покушение» в статьях не раскрывалось. В довершение к этому не требовалось доказывать, каким было намерение нарушителя этого закона — похитить автомобиль, хранящиеся в нем вещи либо открыть его, с тем чтобы просто проехаться на нем²⁷.

Короче говоря, для того чтобы быть обвиненным в правонарушении, вовсе не обязательно совершать действительно преступный акт. Достаточно чересчур пристального, по мнению полицейского, взгляда на стекла стоящей машины...

Новое законоположение, подчеркнул в своем заявлении Национальный совет за гражданские свободы, «простирается дальше, чем закон о бродяжничестве, и предоставляет полиции значительно

большие полномочия для ареста». Снабженные мотором средства передвижения, отмечалось в заявлении НСГС, и так в достаточной мере охраняются законом, новое же законодательство лишь дает правовое обоснование произволу, который чинила полиция с помощью закона о бродяжничестве. Новый закон «дает полиции более широкие возможности для ареста, чем то, о чем бы она могла мечтать», в порыве откровения сообщал журнал «Полис ревью». Восторг полиции, разумеется, разделяли далеко не все в Англии. Многие отдавали себе отчет в том, какие опасности сулит предоставление стражам порядка права задерживать едва ли не каждого прохожего. Ведь именно безбрежный произвол полиции и привел к волне мощных выступлений летом 1981 года, заявил юрист Дж. Смит. «Чем шире те полномочия, которые предоставляют полиции, тем скорее возникнут новые вспышки», — подчеркнул он. Новое законодательство, указывала «Морнинг стар», предвещает полицейское государство с царящим на улицах запугиванием, с произвольными допросами и арестами, подкрепленными пластиковыми пулями и залпами водных пушек²⁸. Одной из жертв стал в августе 1984 года активист лейбористской партии, вице-председатель ее местного комитета по расовым вопросам в столичном районе Брикстон М. Вадсворт. Человек с темной кожей, он был арестован полицейскими и обвинен в попытке угона автомобиля. При этом блюстители порядка демонстративно игнорировали тот факт, что он «пытался угнать» свой собственный автомобиль...

Шагом в том же направлении было и создание так называемой специальной патрульной группы, снискавшей себе печальную известность в ходе подавления выступлений иммигрантов. Эти

полицейские отряды начиная с 1974 года координируют свои действия с армией²⁹.

70-е годы стали свидетелями превращения полиции в полностью централизованную, специализированную, мобильную организацию, сотрудники которой получили право носить оружие. При этом полиция зачастую совершенно утрачивала контакт с теми, чью безопасность она должна оберегать, но кого в первую очередь — контролировала, то есть с обитателями ветшающих городских центров, иммигрантами, бедняками, поскольку многие полицейские вместе с представителями «средних классов» поселяются вне пределов городов. Для надзора за территорией, которая отныне стала для них чужой, блюстители закона патрулируют ее на американский манер в автомобилях, поддерживая постоянную связь с центром, куда поступают все информационные сведения. Великобритания, возможно, располагает самой развитой полицейской информационной службой в мире. Известно, что в Ольстере досье, заведено более чем на каждого второго жителя. Полиция располагает очень подробной информацией, и в ее карательной стратегии решающую роль играет вычислительная машина, установленная в Лисберне в 1974 году. Только столичная полиция располагает примерно пятью миллионами досье на жителей Большого Лондона. Собираются сведения о гражданском состоянии людей, их контактах, таких характерных чертах, как расовая принадлежность, акцент, цвет волос, манера стричься и т. д.³⁰

Один только особый отдел, который собирает данные на всех подозреваемых в неблагонадежности, имеет досье более чем на полтора миллиона человек. Вычислительный центр, расположенный в северной части столицы, связан с 800 терминалами по всей

стране, которые могут быть в любой момент использованы полицейскими патрулями. Банк информации постоянно пополняется новыми данными. Специализированные вычислительные машины собирают сведения о наркоманах, преступниках и политически активных гражданах. Все эти досье, по-видимому, пишет парижский журнал «Монд-диманш», тесно связаны друг с другом и, очевидно, достаточно тщательно укрываются от надзора со стороны парламента и его комиссий по расследованию ³¹.

В начале 80-х годов стала отлаживаться система связи, позволяющая устанавливать печатное устройство в специальных полицейских автомобилях, а в некоторых — даже микровычислительные машины. В нужный момент блюстителям порядка предоставлялась полная информация о той или иной категории лиц, например о «цветных» или активистах общественных организаций. Между тем действующий в Англии репрессивный аппарат не ограничивается одной полицией. Существуют также вспомогательные силы, группы тщательно подобранных гражданских добровольцев, специальная полиция, гражданская гвардия, весьма активная служба контрразведки (МИ-5) и, наконец, частная полиция, штат сотрудников которой постоянно растет³².

Если бы весь этот карательный аппарат был направлен на борьбу с преступностью, то, вероятно, она бы резко сократилась. Однако полиция «играет мускулами», пожалуй, лишь в трех случаях: во-первых, во время подавления волнений, порожденных в значительной мере повседневными притеснениями с ее же стороны, и, во-вторых, во время маршей неофашистов, которых она заботливо укрывает от народного гнева. Эта забота особенно ярко проявилась во время «демонстрации» тогдашнего неофашистского

главаря М. Уэбстера в октябре 1977 года, когда под охраной трехтысячного корпуса стражей порядка он продефилировал по улицам Манчестера, держа в руках британский флаг и плакат с лозунгом «национального фронта»³³.

Однако даже самая совершенная техническая оснащенность и организованность полиции не могут, разумеется, служить залогом ее эффективности. Есть и моральная сторона. А «имидж» полиции с 70-х годов начал стремительно тускнеть. Это можно проследить на примере столичной полиции, репутация которой становилась все более подмоченной.

Так, в 1970 году было начато расследование обвинений блюстителей закона в коррупции. Однако назначенный на этот пост человек в 1972 году был вынужден сдать свои полномочия, сославшись на то, что полиция блокировала все его шаги. Аналогична судьба расследования деятельности отдела по борьбе с торговлей наркотиками. Оно прекратилось в том же 1972 году, при этом было объявлено, что и его торпедировала полиция. В 1973 году было начато расследование о причастности стражей закона к торговле порнографией. В 1977 году были вынесены приговоры ряду сотрудников полиции, замешанных в торговле непристойными изданиями. В том же году вспыхнул новый скандал, на сей раз связанный с получением взяток. В мае 1977 года судья М. Джоунз, вынося приговор, заявил, что полицию пожирает «рак коррупции». Только по одному этому делу прошло шесть офицеров, получивших мзду в размере 100 тысяч фунтов стерлингов. Мимоходом выяснилось, что взятками не пренебрегали весьма ответственные лица. Так, за сотню фунтов один из руководителей сыскной службы согласился удовлетворить просьбу офицера о переводе его из одного отдела в другой.

В 1978 году была организована операция «Кантримен» («селянин»). Ее целью было силами тайно привлеченных из других графств полицейских подтвердить или опровергнуть достоверность сообщений о коррупции в недрах лондонской полиции. Параллельно сотрудники уголовной полиции из других районов страны скрытно расследовали случаи участия в крупных ограблениях своих столичных коллег.

Между тем, хотя имелись веские подозрения относительно 80 офицеров, операция «Кантримен» позволила привлечь к суду и осудить лишь двоих. Старший инспектор Ф. Катберт и сотрудник сыскного отдела сержант Дж. Гоулдберн были приговорены к тюремному заключению за получение денег от грабителей и убийц. Взятки им вручали за то, что они добивались для преступников права быть отпущенными под залог и укрывали от следствия важные свидетельства. В зале суда была прослушана магнитофонная запись беседы Катберта с его боссом Дж. Симмондсом. Катберт сообщал, что «из рук в руки переходила уйма денег. Это происходило в столичной полиции. Это происходило во всех графствах. Это происходило на протяжении многих лет».

27 апреля 1982 года лондонская «Ивнинг стандарт» посвятила редакционную статью моральному облику столичной полиции. Рассказывая о возмутительных действиях блюстителей закона в отношении четы Уайт, о чем говорилось выше, автор передовой подчеркивал, что «где-то в недрах столичной полиции находится группа из 17 офицеров, являющихся позором для Лондона. Они совершили, выражаясь словами судьи М. Джоунза, «дикие, жестокие и изощренные нападения... подвергли людей всевозможным насилиям, проявили к ним бесчеловечность». Но поразительно— спустя шесть лет после самого инцидента и спустя четыре дня после вынесения судом приговора в пользу пострадавших они

все еще находятся на службе, их даже временно не отстранили»³⁵. Не произошло этого и позднее. Так, в декабре 1982 года газета «Трибюн» писала: «С помощью многочисленных телефонных звонков в Скотленд-ярд в конце концов удалось извлечь информацию, что и по сей день никаких мер не принято. Можно сделать вывод, что причастные к делу офицеры не были уволены, а некоторые из них, по-видимому, после скандала получили повышение»³⁶. Подобная ситуация может вызвать лишь еще большее возмущение представителей этнических меньшинств.

О масштабах злоупотреблений в лондонской полиции говорит и такой факт: примерно ста наиболее квалифицированным работникам аппарата приходится заниматься исключительно разбирательством жалоб на действия своих коллег. Только за один 1981 год таких жалоб поступило 9178. В 276 случаях отрицать факты было невозможно. Судя по всему, это составляет лишь надводную часть айсберга злоупотреблений, поскольку чаще всего юристы с крайней неохотой берутся помогать своим клиентам в оформлении таких жалоб, зная, как мала надежда на их удовлетворение.

Существует расхожее мнение, что, чем выше оклады полиции, тем она действует эффективнее. Эта концепция не выдерживает критики. Несмотря на исключительно высокую зарплату, столичные стражи порядка не обнаруживали способности не только продвинуться в деле борьбы с преступностью, но и, наоборот, отступали под ее натиском. Так, в 1980 году в Лондоне было совершено 125 806 краж со взломом, злоумышленников удалось установить в 13 628 случаях. А в 1981 году из 144 678 подобных преступлений было раскрыто лишь 12 923. Приведя эти данные, «Трибюн» пишет: «Мы должны признать, что во многих крупных городских образованиях существует проблема скверно

управляемой, недисциплинированной, деморализованной и, в ряде мест, коррумпированной полицейской силы».

Все перечисленные выше качества, серьезно подрывая миф об эффективности и неподкупности полиции, пожалуй, особенно выпукло проявляются при контактах с темнокожими. Стражи закона, например, не гнушались вымогать последние гроши у иммигрантов, обосновавшихся в Бирмингеме. Это стало достоянием общественности, когда в местные организации поступило 12 жалоб, детализировавших систему полицейского шантажа. Выяснилось, что местные блюстители порядка вошли в сговор с одним предпринимателем — уроженцем Пакистана. Во многих случаях они посещали дома «цветных» и информировали, что те нарушили тот или иной закон. Порожденные полицейской фантазией варианты были самыми разнообразными — от нарушения иммиграционных правил до отсутствия страхового полиса на автомобиль. После ухода полиции частенько появлялся их сообщник, предлагавший за определенную благодарность «все устроить». Размер взяток, после которых полиция оставляла иммигрантов на некоторое время в покое, достигал порой тысячи фунтов стерлингов. По словам члена муниципального совета района Спаркбрук, где в основном действовали бирмингемские взяточники-полицейские, Дж. О'Кифа, «вся община скована страхом»³⁸.

Этнические меньшинства в широком плане используются полицией и для проведения отвлекающего маневра. Увеличение числа нераскрытых правонарушений полиция пытается прикрыть в глазах общественности ростом «цветной» преступности. Миазмы расизма, пропитавшие полицейский аппарат, создают весьма благоприятную атмосферу для

манипуляций статистическими данными. Дело доходит до того, что эти маневры становятся предметом обсуждения в палате лордов, как это, например, произошло в 1982 году после обнародования столичной полицией очередных данных о преступности.

В этих статистических выкладках был особо выделен один вид преступлений — уличное ограбление. При этом указывалось, что едва ли не основные правонарушители — «цветные». Между тем ограбления, как свидетельствуют те же данные лондонской полиции, составляют лишь три процента всех правонарушений, а ограбления на улицах — всего 0,9 процента. В то же время, когда в полицейских данных приводились сведения о более распространенных преступлениях, таких, как кражи из автомобилей (31 процент всех нарушений закона), квартирные кражи (23 процента), другие кражи (26 процентов), данные о цвете кожи преступников не указывались³⁹. Провокационная публикация полиции явно преследовала одновременно и цель посеять страх среди обывателей перед уличным грабителем — «цветным» и использовать этот страх как рычаг, чтобы получить для себя еще большую свободу рук.

Выступая в парламенте, лорд Илистэн-Морган подчеркнул, что обнародованная статистика грозит ухудшением межрасовых отношений, и обвинил лондонскую полицию в совершении «акта величайшей безответственности». К тому же, отметил он, цвет кожи преступника указывался на основе сообщений пострадавших и с точки зрения статистики подобные выкладки лишены смысла⁴⁰.

На беспочвенность мифа о том, что «цветные», в основном молодежь, нападают на улице на престарелых «коренных англичан», обратила внимание в своем письме в «Гардиан» сотрудница Лондонской

школы экономики и политических наук Сандра Уоллмэн. «Уличные ограбления, — отмечает она, — одна из наших давних реалий, она вовсе не завезена сюда людьми чужой культуры». Далее, подчеркивает Уоллмэн, это преступление вовсе не является, как утверждают, «следствием деятельности молодых чернокожих» и соответственно относительно небольшое число жертв падает на престарелых (14 процентов всех подвергшихся ограблению на улице). Разумеется, этот вид преступлений нетерпим. Но так же разумеется, что он не порожден присутствием чернокожих, делает вывод Уоллмэн⁴¹.

Но даже и абсолютные цифры преступников-«цветных» многими ставятся под сомнение. Так, проведенное группой общественных деятелей исследование на материале Южного Лондона обращает внимание на следующий момент. Вероятность того, что вступившего в конфликт с законом молодого человека с темной кожей направят в полицейское бюро для молодежи, на 50 процентов меньше, чем возможность предстать перед этим бюро у правонарушителя-белого. Между тем этот орган полномочен приостановить дело либо ограничиться предупреждением. Темнокожим молодым людям чаще сразу же предъявляют обвинение и отдают под суд. Это, подчеркивается в исследовании, помогает понять происхождение столь значительного числа мелких правонарушителей из числа «цветной» молодежи, находящихся в заключении. Конечно, «лепту» вносит и закон о попытке преступления. Доклад лондонской организации «ЛИТА», специализирующейся на помощи молодым правонарушителям, который опирался на цитировавшееся выше исследование, приводит и такой красноречивый факт: трое чернокожих юношей были арестованы на столичной Оксфорд-стрит и привлечены

к ответственности на основании этого закона. Их обвинили в «попытке хищения неустановленной собственности у неустановленного лица мужского пола»⁴².

Надо сказать, что то «внимание», которым пользуются у констеблей молодые люди, отнюдь не случайно. Им предписывают это делать служебные инструкции. Сборник этих распоряжений случайно попал в руки журналистов газеты «Обсервер», которая, к немалому смущению полиции, процитировала его на своих страницах. В одной из инструкций прямо указывалось: особое внимание следует обращать на людей, несущих в ранние утренние часы в руках сумки и пакеты, и в первую очередь при этом — на молодежь в возрасте между 17 и 20 годами. Кстати сказать, в этом же своде инструкций содержались и указания констеблям относительно правил поведения. В частности, при аресте ни в коем случае не следует использовать бранные либо разговорные выражения, а надо пользоваться исключительно корректным языком⁴³.

О том, что из этих указаний воспринимается полицейскими всерьез, а что — в шутку, говорит следующая история, происшедшая в столичном «цветном» гетто Брикстоне. В те самые «ранние утренние часы».

Блюстители порядка, совершая автопатрулирование по улицам Брикстона, из окон своей «панды» заметили автомобиль типа «кортина», за рулем которого сидел чернокожий. Это даже не сумка и не пакет — это машина, которую «цветной», разумеется, украл. Таков был ход размышлений моторизованных стражей закона, которые, оповестив по радиотелефону своих коллег, организовали преследование. Через некоторое время «кортина» была обнаружена стоящей у обочины. Место

водителя пустовало, зато рядом на сиденье мирно спал молодой темнокожий. Потом выяснится, что это был студент, приехавший учиться из Нигерии. Однако главный урок он получил не в университетских аудиториях, а в то утро на брикстонской улице.

Собравшиеся кольцом полисмены открыли машину и насильно выволокли его. Последовали жесточайшие удары в живот и в пах, перемежавшиеся вопросами: «Где украдена машина?» Затем его, кричащего от боли, бросили в фургон и отвезли в участок, чтобы запереть в камере. Душераздирающие крики заставили полицейских в конце концов вызвать врача, который предписал немедленную госпитализацию. Однако еще до прибытия «скорой помощи» пострадавшему было предъявлено обвинение в том, что он «пребывал в нетрезвом виде, находясь в общественном месте». Его товарищ, находившийся за рулем, был обвинен, что вел машину в пьяном виде.

Врач не зря настаивал на срочной госпитализации: незамедлительно потребовалась сложная операция, в результате которой студент-нигериец, по всей видимости, останется бесплодным. Этим обстоятельством объясняется нежелание, чтобы его фамилия фигурировала на страницах печати.

Между тем двое основных организаторов и исполнителей акции, констебли Спредбери и Клементс, выступая на заседании суда, зачитывали составленные ими показания. Из их выступлений следовало, что нигериец ни с того ни с сего вывалился из автомобиля.

На ногах он не держался, и ему пришлось «оказывать помощь». После того как ему «помогли» войти в полицейский фургон, он был арестован за пребывание в нетрезвом виде. Не было сказано ни слова, что со стороны студента оказывалось какое-либо физическое сопротивление — да и как его мог оказывать «не державшийся на ногах». Свидетели со

стороны полиции отрицали, что кто-либо из офицеров наносил ему побои. Судью, однако, не убедили обвинения в адрес пострадавшего человека, и дело было закрыто.

Студент после этого допытался хоть как-то отплатить своим обидчикам и подал официальную жалобу. Ее поручили разбирать суперинтенденту Т. Кэрроллу, работнику полиции того же района. Как стало известно корреспондентам «Обсервер», он провел серию бесед с полицейскими, находившимися на месте происшествия. Их свидетельства кардинально отличались от всего того, что говорилось во время судебного заседания. Многие подтверждали, что нигериец оказывал активное сопротивление. Группа полицейских пыталась его «удержать» за руки и за ноги. Один молодой полицейский, проходивший стажировку, частично подтвердил показания африканца. Спредбери, сказал он, вытащил его за руку из машины, при этом «завязалась борьба».

Два с половиной месяца спустя после подачи жалобы у Кэрролла дошли руки до Спредбери и Клементса. Здесь расследование приняло примечательный характер. У обоих констеблей обнаружилась единая, но уже иная версия событий. «Он пытался подняться, поэтому я сел ему на грудь, чтобы удержать его, поскольку он ожесточенно сопротивлялся», — заявил Спредбери. «Он стал биться, и, поскольку он проявил ожесточенное сопротивление, констебль Спредбери сел ему на грудь в то время, как я, встав на колени, держал его за ноги. По прибытии несколько из нас вынесли его из фургона». Это слова Клементса. Любопытная деталь: в ходе беседы ни тому ни другому не было предложено обсудить содержимое их записных книжек, заполненных непосредственно после инцидента. Еще одна деталь: не было им задано и вопросов об их показаниях в суде. Ни одному не было

задано каких-либо вопросов, которые могли бы поставить их в затруднительное положение. За исключением разве одного: «Не могли бы вы представить какие-то объяснения полученным им ушибам?» Но и на него у Спредбери нашелся мгновенный ответ: «Он всю ночь был где-то в гостях, там что угодно могло произойти».

О той степени снисходительности, которой отличались беседы с двумя констеблями, говорит такое обстоятельство: разговор со Спредбери, например, в общей сложности занял три минуты. Кстати, этот полисмен был очень скоро продвинут по службе: из патрульных его перевели в детективы. Да и «заслуги» суперинтендента Кэрролла не остались незамеченными для начальства — он стал старшим суперинтендентом. И уже в этом новом качестве, отвечая на вопросы репортера «Обсервер», заявил, что служебные записные книжки в подобных ситуациях обычно полицейскими представляются для просмотра. Однако он так и «не смог вспомнить», было это сделано двумя констеблями или же нет. Не смог он «воскресить в памяти» и такой немаловажный момент, как факт знакомства с материалами судебного заседания, где выступали оба полисмена.

Тем временем досье с материалами расследования путешествовало из одной инстанции в другую. Сначала оно было направлено в службу директора публичных преследований (ДПП), в обязанности которого входит выполнение функций уголовного преследования. Юрист ДПП без всяких расспросов принял досье вместе с сопроводительной запиской, в которой подтверждался факт нападения со стороны полицейских, однако подчеркивалось, что не представляется возможным установить, кто именно из них несет ответственность за это. Затем дело было переправлено в коллегия жалоб на полицию — в то время ее возглавлял лорд Плауден.

Здесь приняли к сведению, что в предыдущей инстанции не было предпринято никаких действий и что полиция решила не применять против причастных к делу сотрудников дисциплинарных мер, и направили пострадавшему студенту-африканцу официальное письмо, где утверждалось, что его жалоба «не нашла подтверждений».

Тем временем констебль Клементс получил чин сержанта. Благополучно продолжалась служебная карьера и у всех остальных «бобби», причастных к этому делу. Однако, видимо, своей одиозностью случай привлек внимание группы юристов, которые от имени пострадавшего возбудили иск о материальной компенсации за ущерб, нанесенный его здоровью. Вновь для дачи показаний были приглашены сотрудники полиции. Спредбери и Клементс в один голос заявили, что «не могут обнаружить» собственных записных книжек. Первый из них при этом заявил: «Полагаю, что на заседании суда я уже четко сообщил, что физическое столкновение вполне могло иметь место». Между тем в протоколе заседания ничего подобного зафиксировано не было — записано было противоположное суждение того же полицейского. Под давлением фактов было принято решение о присуждении пострадавшему материальной компенсации. Объявляя об этом, королевский адвокат М. Огден выразил сожаление, что он «вынужден» удовлетворить иск. Чтобы замять дело окончательно, выделило определенную сумму из государственных средств и управление столичной полиции, которая должна была покрыть и расходы пострадавшего на адвокатов. Это также лишало истца права попытаться вновь привлечь своих обидчиков к суду⁴⁴.

Но и спустя пять лет после разыгравшейся на улице в Брикстоне драмы руководство столичной полиции

настойчиво укрывало от справедливой кары своих сотрудников, совершивших преступление. В марте 1982 года редакция газеты «Обсервер», обнажившая закулисную сторону этого мрачного дела, сама подала официальную жалобу на полицейских, ответственных за проведение расследования злоупотреблений своих коллег. Это заставило столичную полицию начать новое разбирательство. Однако и в декабре 1982 года шефы лондонской полиции не направили копию результатов такого расследования и собственное заключение в коллегии по жалобам на полицию, что им предписывалось сделать соответствующим законом. Стало также известно, что стражам порядка, чьи действия стали объектом расследования, в приватном порядке сообщили, что им не следует опасаться судебного преследования...

Разумеется, не следует опасаться, речь-то идет о каком-то «цветном». А полицейское начальство горой становится за проштрафившихся «своих» и в тех случаях, когда поступает жалоба от «стопроцентных» британцев. Это может подтвердить на личном опыте Ричард Баннинг, работник-доброволец пункта первой помощи, открытого во время волнений, вспыхнувших в 1979 году в лондонском районе Саутхолл. Здание, где оказывалась медицинская помощь пострадавшим, подверглось налету полицейских, один из которых нанес Баннингу такой удар дубинкой по голове, что тот потерял сознание и его пришлось срочно госпитализировать. Врачи констатировали серьезное сотрясение мозга. Неспровоцированное нападение «бобби» произошло на глазах двух человек — врача и юриста, находившихся в одном помещении с Баннингом. Не чувствовавший за собой никакой вины, — и это подтверждалось последующими действиями блюстителей порядка, не предъявивших ему никакого обвинения, — Баннинг попытался привлечь к ответу

«бобби», избившего его. Однако когда примерно через два с половиной года после инцидента он получил ответ от директора публичных преследований, то узнал из него, что для привлечения к ответственности работников полиции «недостаточно свидетельств».

Может ли поднять настроение темнокожего солдата британского карательного корпуса в Ольстере сообщение, что его родители избиты полицейскими в Лондоне?

Ситуация эта ординарна. Так, например, юрист из Манчестера Ф. Джоунз заявил, что из примерно полусотни жалоб на произвол полиции, к которым он был причастен в последние 10 лет, ни одна не была удовлетворена. Аналогичен опыт и у стряпчего М. Хёруитта, который готовил жалобу от имени Баннинга: за 20 лет, что он практикует в Саутхолле, все жалобы на действия полиции терпели фиаско. Система

рассмотрения подобных жалоб делает эту затею безнадежной, заявил он⁴⁵.

Расовая нетерпимость в сущности стала неотъемлемой частью системы взглядов, мировоззрения в среде блюстителей порядка. То в одном, то в другом случае это выплескивается наружу.

История, происшедшая в столичной Хендонской школе полицейских кадетов, свидетельствует, что корни расизма весьма глубоки и дают новые побеги, в чем мог убедиться преподаватель социологии в этом заведении Дж. Фернандес, когда стал знакомиться с сочинениями кадетов, написанными на тему «Чернокожие в Англии». Он был шокирован, поскольку эти писания пестрели сентенциями: «все азиаты хитрецы»; «в их домах воняет»; «чернокожие проматывают социальные пособия на белых женщин»... Социолог попытался привлечь внимание начальства и не прекращал этих попыток на протяжении полутора лет, но от него лишь отмахивались. Когда же, отчаявшись заклеить расизм в недрах учебного заведения, он выступил в печати с рассказом о взглядах будущих полисменов, то навлек на себя бурю. Начальник школы Р. Уэллс заявил, что Фернандес обманул доверие учащихся. Р. Уэллс утверждал, что ему никогда не предлагали ознакомиться с самими сочинениями, а социолог, мол, сразу бросился к журналистам. Уэллс издал приказ отстранить за эти прегрешения Фернандеса от работы в полицейской школе⁴⁶.

Не трудно представить, как будут строить взаимоотношения с представителями этнических меньшинств эти кадеты, став констеблями и детективами...

Из таких кадетов вырастают сотрудники уголовной полиции, которые не выказывают ни малейшего

стремления распутать дело, даже убийство, если жертва — человек с темной кожей. О таких «стражах закона» говорил с горечью и возмущением известный британский спортсмен, приглашенный играть в знаменитый футбольный клуб «Реал» (Мадрид), уроженец Ямайки Лори Каннингхэм.

...Когда он и его брат, находившийся также в Мадриде, прибыли по срочному вызову в Англию, в город Далстон, где жили жена и дети брата, то в их квартире они обнаружили жуткую картину. 27-летняя Норма Каннингхэм и ее 9-летняя дочь Саманта были заколоты насмерть, 7-летняя Сирита была утоплена в ванной. Преступники оставили и автограф: лаком для ногтей на стенах были выведены зловещие буквы «НФ» — здесь побывали головорезы из «национального фронта». Более подробно свое «кредо» бандиты изложили в надписи на стене в спальне: «Вот что мы собираемся сделать со всеми ниггерами». Полиция дала указание Лори не распространяться обо всем, что он увидел в квартире брата. Полгода он ждал, но потом, видимо, понял, что ждать дольше напрасно. «В Далстоне «национальный фронт» обладает исключительным влиянием, — заявил он в интервью испанской газете «Камбио-16». — На улицах там полным-полно бритоголовых, так что непонятно, почему Скотленд-ярд не поищет в этом направлении. Впрочем, и в самой полиции полно членов «национального фронта»»⁴⁷.

В 1985 году в Англии вступает в силу новый закон о полиции. Он был принят после трехлетнего обсуждения. Новое законодательство значительно расширяет полномочия блюстителей порядка. Так, они получают официальное право останавливать, обыскивать и арестовывать людей по малейшему подозрению, значительно дольше, чем прежде,

задерживать их без предъявления обвинений, использовать в суде незаконным путем полученные свидетельства. В последний момент в закон была внесена специфическая поправка. Согласно ей, как самостоятельный вид правонарушений выделяются поведение или действия полицейских, носящие расово-дискриминационный характер. Показная забота властей о судьбе «униженных и оскорбленных» мало кого обманула. «Обсервер» прямо указывал: общественность выражает самое серьезное беспокойство в связи с тем, что вооруженная новым законом полиция являет собой угрозу равно для правого и виноватого, а особенно же для «цветных».

Глава VIII

Фобии английской Фемиды

Можно сказать, Джорджу Линдо повезло. Осужденный за ограбление на два года тюремного заключения, он спустя 12 месяцев был на свободе. Но надо ли считать счастливым того, кто год своей жизни провел за решеткой, не совершив никакого преступления? А этот 27-летний темнокожий рабочий-текстильщик из города Брадфорда был чист перед законом, манипулируя которым с ним обошлись столь несправедливо. На свободе же он оказался только благодаря счастливому стечению обстоятельств и заинтересованности, которую проявили к его судьбе юристы из общественной организации «группа легального действия».

С помощью этих специалистов выяснилось, что и суд, и полиция скрывали от Линдо и его защитников информацию, которая должна была послужить доказательством его невиновности, не оставить камня на камне от тех «улик», на основании которых он был осужден. Основной «уликой» явилось его «признание», сообщенное констеблю Д. Брирли, в котором Линдо рассказал, как он ограбил контору, где заключались пари и принимались ставки. Суд счел предъявленное полицией обвинение достаточно обоснованным и определил Джорджу двухлетнее заключение.

Два дня спустя в том же суде в Брадфорде слушалось дело об изнасиловании. В роли обвинителя опять выступал работник полиции, располагавший и на этот раз «признанием» обвиняемого. Однако подсудимый во всеуслышание заявил, что «признаться» его заставили под нажимом. Неизвестно, чем бы

кончилось данное дело, если бы совершенно другой человек не сознался в этом преступлении, тем самым подтвердив заявление о своеволии полицейского. Между тем на судьбе Линдо все это никак не отразилось. Его защитников не сочли нужным поставить в известность о методах получения признаний, популярных в полиции Брадфорда.

И констебль Бирли не собирался от них отказываться. Таким же способом он добивался «свидетельств», когда его подключили к розыску тогда еще не пойманного преступника, убившего нескольких женщин и снискавшего кличку Йоркширский Потрошитель. В этом случае у Бирли вышла промашка — его махинации стали известны начальству.

Соответствующие материалы, касающиеся уже двух добытых с помощью запугивания самооговоров, были тщательно подобраны чиновником — регистратором Верховного суда для судьи Филипса, к которому поступило заявление от Линдо с просьбой отпустить его под залог. Защитники Линдо обратились к этому судье с просьбой ознакомить их с материалами, касающимися самооговора по делу об изнасиловании. Судья поставил адвокатов в тупик, намекнув, что для их дела важнее материалы, раскрывающие деятельность констебля Бирли. Одновременно судья отказался отпустить Линдо под залог. Через полтора месяца директор публичных преследований получил информацию о злоупотреблениях от судейского чиновника-регистратора. Видимо, предвидя назревающий скандал, директор организовал пересмотр решения об отпущении Линдо под залог. Итак, год спустя после его осуждения за преступление, которого он не совершал, и шесть месяцев спустя после уличения Бирли в организации лжесвидетельства в деле Йоркширского Потрошителя (о чем защитников Линдо ни суд, ни полиция так и не информировали) он вышел на свободу.

Еще через три месяца приговор был отменен. Объявляя об этом, судья апелляционного суда напыщенно заявил, что справедливость в итоге восторжествовала — в результате расследования злоупотреблений, проведенного полицией. Это было еще одной ложью: никакого расследования полицией не проводилось.

«Опасность заключается в том, что могут появляться все новые Джорджи Линдо, — заявил один из руководителей «группы легального действия», О. Хансен, — новые апеллянты, которых будут лишать информации, жизненно важной для доказательства их невинности»¹.

Случайна ли ситуация, возникшая в брадфордском суде? Думается, она скорее прямое следствие существующей в Великобритании системы отправления правосудия, отравленной расизмом.

В статье под красноречивым заголовком «Свобода под угрозой в Великобритании» лорд Энтони Гиффорд поделился своими тревогами относительно всевластия полиции и несовершенства судебной процедуры.

Ньютон Роуз, «цветной» житель Лондона 21 года, был осужден за убийство активиста неонацистской организации. Суд не придавал значения алиби Роуза: во время убийства он находился в трех милях от того места. Вердикт суда вызвал возмущение общественности

Полиция, пишет он, несет ответственность не только за расследование преступлений и арест подозрительных, но и за возбуждение судебных преследований и предварительное следствие. Так, если арестовывают какого-нибудь подозрительного человека, его немедленно допрашивают в полицейском участке. По закону его могут задержать там только на одни сутки; но довольно часто случается, что задерживают его на три или четыре дня. Подозреваемый может установить контакт с адвокатом лишь с разрешения полиции, а такое разрешение дается редко. Во время допроса не ведется протокола и не присутствует никакое третье лицо. Ответы заносятся после допросов в записную книжку полицейского агента; зачастую это бывают ошибочные, а иногда фальсифицированные записи, с которыми подозреваемый может ознакомиться только через несколько недель. Те же самые агенты, которые арестовали и допрашивали подозреваемого, принимают решение о возбуждении дела органами правосудия. О какой гарантии объективности может идти речь, если зачастую полицейские действуют из личных мотивов, стараясь добиться осуждения обвиняемого? Во многих случаях адвокаты констатировали дачу ложных показаний со стороны свидетелей-полицейских. Особенно часто они утверждают, что обвиняемый сознался в своем преступлении, тогда как он отрицает это или утверждает, что он дал ложные показания под нажимом, оказанным во время допроса. На многих

процессах, особенно тех, которые были возбуждены в связи с демонстрациями или беспорядками, единственные свидетельские показания дает полиция.

Кто же решает, где истина? Преступления, которые караются менее чем тремя месяцами тюремного заключения, должен рассматривать суд, состоящий из трех магистратов. Это уважаемые люди, не имеющие никакого юридического образования. Если полиция и обвиняемый излагают противоречивые версии, то магистраты, как правило, имеют тенденцию больше доверять свидетельским показаниям полицейских. В других случаях обвиняемый имеет право на то, чтобы его судил суд присяжных, состоящий из 12 граждан, выбранных наугад из списка. Судья следит за ходом процесса, разъясняет присяжным положения закона, иногда пытается незаметно оказать на них влияние... Для ограничения свободы действий суда присяжных власти применяют двойную стратегию — сохраняют и укрепляют полномочия полиции, параллельно ослабляя ту силу, которую представляет собой суд присяжных. В этих направлениях сделано немало шагов.

В Северной Ирландии суд присяжных был полностью ликвидирован на всех процессах, касавшихся преступлений, которые рассматриваются как акты терроризма. Обвиняемых судит один судья, применяя иную и очень несправедливую процедуру уголовного права — пресловутые «трибуналы Диплока» (называемые так по имени лорда Диплока, судьи, выступившего за отмену суда присяжных). Требования заключенных «эйч-блоков», которые борются за предоставление им особого статуса, справедливы уже в силу того, что они подвергнуты тюремному заключению на основании решения суда, применявшего процедуру, которая не отвечала ни одной из основных гарантий правосудия, подчеркивает лорд Гиффорд.

В Англии оказывают изощренный нажим на суд присяжных. Зачастую обвинительный акт составляется полицией таким образом, что осуждение подсудимых фактически обеспечено. Так, после волнений в апреле 1979 года в Саутхолле, населенном в значительной степени выходцами из Азии, ни один из нескольких сот арестованных не предстал перед судом присяжных. Случайно было обнаружено, что при разбирательстве политических дел полиция может просматривать список членов суда присяжных и исключать тех, кто, как предполагается, может проявить «пристрастность» вследствие своих политических убеждений. Все чаще раздаются голоса поборников «твердой руки», требующих ограничить полномочия суда присяжных. Бывший комиссар полиции Лондона Р. Марк утверждал, что присяжные «слишком часто оправдывают преступников».

Что касается полномочий полиции, то здесь произошедшие изменения вызывают еще большую тревогу. В 1974 году парламент одобрил закон о борьбе с терроризмом, позволяющий в течение семи дней держать под стражей подозрительных лиц, не разрешая им видеться с адвокатом и не предусматривая, что они должны предстать перед судом. Цифры свидетельствуют о том, насколько удобен этот закон в качестве простого средства запугивания: из 5100 задержанных на основании этого закона только 79 были осуждены за террористические преступления. Опубликованный в 1981 году королевской комиссией по вопросам борьбы с преступностью доклад рекомендует предоставить полиции дополнительные полномочия... Традиционные свободы в Великобритании — конечно, более ограниченные, чем обычно утверждают, — сегодня оказались под серьезной угрозой, признает лорд Гиффорд².

В этой ситуации первыми жертвами оказываются те, кто и так обездолен в социальном плане, — «цветные», иммигранты. «Цветные» молодые люди гораздо чаще, нежели их белые сверстники, приговариваются судами к заключению или к отправке в исправительные заведения для несовершеннолетних. Белых же правонарушителей суды значительно охотнее приговаривают к условному наказанию³.

Один из примеров — судебская расправа над участниками демонстрации протеста против вылазок неофашистов из «национального фронта», прошедшей весной 1979 года в Саутхолле. В ней приняло участие весьма значительное число выходцев из Азии, населяющих этот район столицы. Несмотря на то что свидетельства полицейских и обвиняемых сплошь и рядом противоречили друг другу, магистраты, как правило, исходили из показаний «бобби». Один из немногих, кому удалось услышать «не виновен», был 25-летний рабочий Кадлип Сингх. Обвиненный в нападении на члена специальной полицейской группы и использовании при этом оружия — камня, Сингх пытался без особого успеха воссоздать в суде истинную картину. Он рассказал, что, возвращаясь из больницы, куда обратился по поводу травмы ноги, полученной накануне на легкоатлетической тренировке, он оказался на той улице, где проходила демонстрация. Здесь он и был схвачен сотрудником специальной полицейской группы, который нанес ему несколько ударов по голове булыжником.

Чаша весов, на которую было брошено свидетельство стража порядка, наверняка перевесила бы и на сей раз. Если бы не случайность: фотокорреспондент небольшого агентства «Рипорт» Дж. Стерлок запечатлел сцену ареста Сингха. На фото было ясно видно, что дюжий «бобби» одной рукой

крепко держит Сингха, а в другой сжимает булыжник. Голова у задержанного разбита...⁴ Только это фотосвидетельство, предъявленное в суде, позволило «цветному» избежать тюремной камеры. О том, насколько невелика была эта возможность, говорит тот факт, что, например, один из судей, рассматривавший дела участников антинацистской демонстрации, отправил за решетку 93 процента всех, кого арестовали полицейские⁵.

Удивительно ли после этого восклицание, которое довелось услышать корреспонденту «Гардиан» Ст. Куку в ходе беседы с работником Уондсуортской тюрьмы в Южном Лондоне: «В некоторые дни, когда приезжают фургоны из судов, ты смотришь и вдруг понимаешь: боже, да в них одни черные!»?

Адвокат Руди Нарайан, не раз бравшийся защищать права темнокожих, навлек на себя гнев британской Фемиды. Против строптивного «цветного» было выдвинуто обвинение в «нарушении адвокатской

этики». Положить конец гонениям на Нарайана требует этот пикетчик у здания суда в Лондоне

Пронизанная расизмом и высокомерием полицейско-судебная практика принесли свои плоды. Составляющие считанные проценты британского населения, представители этнических меньшинств среди обитателей тюрем «представлены» значительно богаче: 20 процентов заключенных — «цветные». В некоторых исправительных заведениях для несовершеннолетних и в тюрьмах для молодежи до 21 года эта тенденция еще более ощутима, число темнокожих здесь иногда превышает 40 процентов находящихся под стражей⁶. Порой цифра бывает еще выше — 50 процентов, как, например, в тюрьме в Ашфорде. Во многих случаях все лишения, которые вынуждены терпеть «цветные» заключенные, затмеваются расизмом, в условиях тюрьмы обретающим особо отталкивающие формы. Один заключенный, кстати белый, рассказал о сцене, свидетелем которой он стал: «На прошлой неделе во дворе для прогулок повздорили двое — черный и белый. У белого парня записали только имя, а черного уволокли с вывернутыми за спину руками. Я знаю здесь служащих, которые не переваривают чернокожих, и им плевать на то, известно об этом кому-то или нет»⁷.

Существует такая точка зрения: расистские взгляды среди работников тюрем, вероятно, распространены не сильнее, нежели в обществе в целом. Подтвердить или опровергнуть это непросто. Но ясно одно — расизм, проявляемый тюремщиками, особо опасен, поскольку они обладают над заключенными огромной властью и имеют куда большие возможности реализовать свой расизм. Постоянное третирование «второсортных» вызывает ответную реакцию с их стороны, что в свою

очередь жестоко подавляется тюремщиками, многие из которых, по всей видимости, специально провоцируют такую ситуацию, чтобы иметь «законные основания» для расправы. Многие надзиратели говорят о заключенных-«цветных» не иначе как о «негритосах»...

Все это вновь получает свое объяснение, когда становятся известны очередные факты, свидетельствующие о нитях, которые тянутся от «национального фронта» ко многим тюрьмам. То и дело властям приходится внушать надзирателям, что они не должны носить зажимы на галстуках с эмблемой «национального фронта»⁸. Некоторые работники тюрем активно распространяют печатные издания «фронта» непосредственно в недрах этих учреждений. Другие выдвигают свои кандидатуры на выборах от этой партии⁹.

Поклонники неонацизма и расизма стараются на практике претворять «учение», рассматривающее темнокожих как источник всех зол и бед. Бывший заключенный Уондсуортской тюрьмы свидетельствует, что надзиратели со значками НФ, а их здесь предостаточно, проявляют особую агрессивность по отношению к «цветным», постоянно их третируя. М. Хэтли, месяц отсидевший в этой тюрьме, рассказывает: «Сразу по прибытии я заметил, что три четверти работников носят эти маленькие значки. Нам сказали, что это — члены НФ. В первый же вечер я увидел, как надзиратели с этими значками схватили и жестоко избили двух молодых «цветных» парней. Для них врагом был любой человек иностранного происхождения, они на него смотрели как на чужака. Той же ночью, после того, как в камеру, где находились двое «цветных», вошел один из надзирателей, носивших значок, я услышал громкие крики. На следующий день один из этих заключенных появился

весь в бинтах. Судя по всему, надзиратели наказывают, когда и как пожелают».

Все это, разумеется, поощряет расистские настроения и среди заключенных-белых. В одном из мест заключения, например, из 140 человек 80 поддерживали неонацистскую партию¹⁰. Показательна и такая цифра, которая приводится в докладе министерства внутренних дел, — количество небелых среди работников тюрем не достигает даже одного процента¹¹.

Предвзятое отношение судей к «цветным» порой выливается в такие решения, которые вызывают активное возмущение широкой общественности.

Рассматривая дело по обвинению в краже в ходе волнений в Южном Лондоне в июле 1981 года, судья Дж. Клей объявил о своем намерении приговорить подсудимого, родившегося в Англии в семье выходцев из Вест-Индии, к тюремному заключению. Однако, узнав, что подсудимый—18-летний К. Уильямс вместе с матерью собирался совершить поездку на Ямайку, судья объявил о новом решении: Уильямс должен оставаться там в течение пяти лет. То есть речь шла о высылке из страны человека, родившегося в Англии.

«Абсурдным и нетерпимым» назвал этот приговор в отношении британского гражданина теневой министр внутренних дел лейборист Р. Хэттерсли. Дж. Клей воскресил спустя века наказание в виде высылки за границу. «Совершенно очевидно, — подчеркнул этот видный лейборист, — что подобная тактика могла бы применяться исключительно против темнокожих». Как «позорное злоупотребление властью» классифицировал вердикт парламентарий — лейборист Р. Килрой-Силк. «Его следует незамедлительно блокировать, пока он не стал прецедентом», — заявил он.

«Нельзя допустить и мысли, чтобы такой приговор был когда-нибудь вынесен в отношении родившегося в Великобритании белого, чьи родители иммигрировали сюда, — указала генеральный секретарь национального совета за гражданские свободы П. Хьюитт. — Лорду-канцлеру следует заклеить откровенно расистское поведение судьи Клея...»¹²

Однако забитые темнокожими тюрьмы, в которых они подвергаются издевательствам и унижениям, ясно показывают: послушная воле истэблишмента британская Фемида не желает отказываться от расистских взглядов.

Глава IX

Взрыв в Сент-Поле

О «чернокожих преступниках», «преступном начале» иммигрантов сразу же заговорила буржуазная печать, когда весной 1980 года произошел взрыв расовых волнений в Бристоле. Невиданные по размаху, эти волнения назревали здесь давно. Социологические исследования, проведенные среди темнокожих жителей Бристоля, в основном выходцев с Ямайки, свидетельствуют: иммигрантов здесь рассматривают как людей «второго сорта». Власти не принимают мер к облегчению их положения — среди «цветных» высок процент безработных и бездомных. Полиция третировала и притесняла их, сея тем самым зерна ненависти. И достаточно было искры, чтобы произошел взрыв.

...В половине третьего дня в кафе «Блэк энд уайт» («Черное и белое») зашли двое посетителей и заказали по чашке кофе. Лица их были не знакомы владельцам заведения Бертраму и Глэдис Уилкис. Ведь основными посетителями кафе бывали темнокожие обитатели бристольского района Сент-Пол, этого гетто для «цветных». Особенно любили приходить к Уилкисам молодые люди. И не только потому, что здесь можно было вкусно и недорого поесть, а и потому, что «Блэк энд уайт» осталось единственным местом, где юношам и девушкам можно было встретиться, поговорить, помечтать. Ведь в клубы для белых им доступ закрыт. Впрочем, и тут не всегда бывало спокойно. Полиция давно взяла на заметку кафе и регулярно устраивала здесь облавы, хватая всех, кто попадется под руку. Разумеется, это порождало глухой гнев, заставляло владельцев кафе и постоянных посетителей

внимательно вглядываться в лицо каждого незнакомца, садящегося за столик.

Вот эти двое, что заказали кофе, заставили переглянуться Бертрама и Глэдис. Не просидев и нескольких минут за столиком и не притронувшись к ароматному напитку, незнакомцы вышли на улицу и подали условный сигнал. Мгновенно небольшое кафе оказалось наводненным полицейскими — их, по оценке супругов Уилкис, было около тридцати. Десяток посетителей, оказавшихся здесь в этот момент, были оторваны от трапезы и грубо притиснуты к стене. «Бобби» начали тщательно обыскивать каждого. В том числе и того, строптивного, который отказался встать со стула. Ну, да блюстители закона не подкачали: посетителя рывком подняли на ноги, а стул для порядка вышвырнули сквозь оконное стекло на улицу. Пусть все видят, что с «бобби» шутки плохи.

Это лишний раз почувствовали и многоопытные Уилкисы, когда реквизированными в ходе обыска коробками со спиртным был загружен полицейский фургон. Да благо бы еще стражи порядка предъявили ордер на обыск, как в прошлые разы... Но нет, никаких документов предъявлено не было. Между тем вокруг кафе начал собираться народ — не каждый же день «бобби» швыряют сквозь стекла стулья.

Около четырех часов дня трое участников полицейского налета вышли из кафе. Увидев группы темнокожих, они, не долго думая, схватили валявшиеся на земле камни и стали швырять ими в людей. Нашелся свидетель, кстати, белый житель Бристоля, который рассказал, что именно блюстители закона выступили в роли зачинщиков беспорядков и что иммигранты были вынуждены обороняться с помощью таких же камней. Масла в огонь подлило появление на улице Бертрама Уилкиса, конвоируемого группой «бобби». В

полицейском фургоне его отправили в участок, где держали на протяжении четырех часов.

Все это время шла настоящая баталия между полицейскими и иммигрантами. Стражи порядка пытались арестовать каждого, кто оказывался поблизости, молодежь старалась отбить задержанных. Град камней обрушивался на полицейские автомобили. «Бобби» вымещали злобу на задержанных, в основном молодых людях, избивая их чуть ли не до полусмерти¹.

В наступивших сумерках догорали полицейские фургоны, подожженные участниками волнений. Сражение затихало. Но Бристоль уже вписал свое имя в летопись выступлений иммигрантов, не желающих мириться с притеснениями властей, с бесчинствами блюстителей закона, со своим статусом людей «второго сорта».

Конечно, проще всего свалить вину на «преступные элементы», как попытался сделать и в этом случае кое-кто в Великобритании. Трезвомыслящие люди, естественно, говорили об иных причинах бристольских волнений. Один из местных общественных деятелей, Оуэн Генри, прямо заявил: темнокожие молодые люди, живущие здесь, уже ощущают себя скотом, загнанным в стойло; они изнывают без работы, и никому нет дела до их невзгод. Когда же единственное место, где они могли спокойно делиться своими невеселыми мыслями с такими же обездоленными, было захвачено ненавистными «бобби», терпение лопнуло... «Это только пролог, — говорила на пресс-конференции в бристольском муниципалитете уроженка Вест-Индии Моник Куртье. — Придет час, и вы поймете это»².

Никто из присутствующих не спорил с ней.

Впрочем, мысль миссис Куртье может быть уточнена: сент-полский взрыв, как покажут последующие события, действительно был прологом,

провозвестником куда более сильных социальных бурь, но и до него уже были зафиксированы вспышки расовых конфликтов. Так, еще в 1919 году охваченная расовой ненавистью толпа осадила дома чернокожих жителей Ливерпуля, угрожая им смертью. Сохранившиеся свидетельства, по словам «Гардиан», «повергают в ужас». В 1958 году в Ноттинг-Хилле провокационную вылазку попытались совершить белые расисты. Там же, но уже в 1977 году произошла серьезная стычка вест-индской молодежи с полицейскими. Летом того же года резко обострилась обстановка в Льюшеме: провокационный марш неонацистов и расистов из «национального фронта» вызвал законное возмущение общественности, начались столкновения и стычки.

Когда в 1976 году специальный комитет по расовым отношениям и иммиграции собирал данные о вест-индской общине, его членам довелось среди прочих услышать весьма зрелое мнение одного «цветного» школьника. Он заявил: «Главная проблема молодых людей, родившихся в этой стране, заключается в том, что, как только они достаточно взрослеют, чтобы понять, как окружающий их школу мир относится к черным, им становится все более и более очевидно, что они попросту не нужны здесь никому, а общество лишь использует их как своего рода пугало». Наблюдение, надо сказать, достаточно точное: нечистые на руку политики сплошь и рядом выставляют их источником всех проблем экономической и социальной жизни Британии.

Однако исследования специального комитета не могли, разумеется, предотвратить новых вспышек — об этом свидетельствуют и те, о которых говорилось выше, и те, что последовали за ними. Причем, как и прежде, достаточно было малейшего повода, чтобы накапливавшаяся ежедневно, ежечасно ярость выплеснулась наружу. В 1979 году в Манчестере таким

детонатором стало чересчур раннее закрытие ярмарочного комплекса. Кончилось тем, что возникла настоящая баталия: 500 «цветных» юношей сражались с полицейскими, многие стражи порядка получили ранения, девять полицейских машин было серьезно повреждено. Мало кого, конечно, могло убедить последовавшее заявление главного суперинтендента Р. Лиса: «Отношения между «цветной» общиной и полицией превосходны...»³

Когда летом 1980-го социальный взрыв потряс Бристоль, вспомнили, что доктор Кеннет Прайс за несколько лет до происшедшего собрал обширный материал о положении темнокожих жителей бристольского района Сент-Пол. Его работа увидела свет в 1979 году под красноречивым названием «Нескончаемое давление». К моменту бристольских волнений, как подчеркивал член местного комитета расового равенства Р. де Фрейтас, данные книги в значительной мере устарели — с такой скоростью обострялась реакция на растущие бедность и лишения. Между тем даже в более спокойные годы Прайс предвидел серьезные социальные и расовые коллизии. Он подчеркивал, что следует учитывать такой фактор, как гнет британского колониализма, порождавший нищету «цветных» и культивировавший расизм. Под «нескончаемым давлением» Прайс подразумевал бесчисленные тяготы и лишения, которые иммигранты испытывали, попав в Великобританию⁴. Безработица, ужасающие жилищные условия, травля со стороны полиции — все это, замешанное на дрожжах расовой предубежденностей привело к взрыву в Сент-Поле — гетто для второсортных граждан Британии. Чаша терпения угнетенных переполнилась.

Волнения заставили задуматься многих. Та же «Таймс» поместила подборку читательских писем,

объединенных шапкой «Уроки, которые следует извлечь из бристольского мятежа»⁵. Один из читателей, житель Уэмбли Винит Патель, писал: «Не сомневаюсь, что мятеж носил отчетливо расовый характер... В основном безработные, темнокожие молодые люди спонтанно и яростно выступили против полиции, которую все чаще отождествляют с нынешним расистским правительством тори. Тот факт, что «рутинная» полицейская операция вылилась в мятеж, показывает: расовая напряженность была и остается высокой. Заявления госпожи Тэтчер, касающиеся иммиграции и черной общины, наполнили темнокожих отвращением и подозрением, что усугубило расовую напряженность. Если эта существующая в масштабах всей страны расовая напряженность не спадет и если социальная политика правительства не будет пересмотрена, спонтанные бунты могут превратиться в обыденное явление. Кроме того, до тех пор, пока к проблеме расовой дискриминации не будут относиться всерьез там, где она существует, и не искоренят ее, довлеющая проблема расовой напряженности никогда не будет устранена»⁶.

Недавние грустные события в Бристолле, писал директор одной из столичных школ, Родни Ашер, высветили проблему, присущую многим английским крупным городам. Постоянные преследования членов иммигрантской общины со стороны полиции породили недоверие и ненависть... Директор привел случаи, с которыми столкнулся сам. Они, по его словам, свидетельствуют об унижениях, которым подвергают представителей этой общины. Двое его учеников, «ни в чем не повинных, трудолюбивых и пользующихся уважением», были задержаны полицией. Причем один из них был арестован уже в третий раз «как подозрительный». И всякий раз арест оказывался

необоснованным. По словам Ашера, у этих двух школьников больше оснований считать себя лондонцами, чем у него. Однако их, как и их братьев, раз за разом полиция хватает как потенциальных правонарушителей⁷.

Показательно, что критика в адрес властей раздавалась отнюдь не только с левого фланга британского общества. Недовольство политикой кабинета выражали и сторонники консерваторов. Один из них, Д. Ноукс, подчеркивая остроту проблемы, настаивал: «Пора сознающим свою ответственность консерваторам заставить премьер-министра признать, что ее политика нарастающей безработицы, маскируемая монетаристскими терминами, не только не является справедливой, но способна нанести долговременный и, вероятно, непоправимый ущерб социальной ткани нашей страны»⁸. Сколь трудно разделить надежды этого сторонника тори на коренной пересмотр ими их политики, столь же трудно отказать ему в разумном предвидении социальных последствий такой политики.

Между тем правительство в лице министра внутренних дел У. Уайтлоу пыталось отрицать, что волнения были вызваны расовыми причинами и имеют социальные корни. Однако, как отмечала, например, парижская газета «Матэн», темнокожие протестовали «не только против расовой сегрегации, но и против нищеты, царящей в их кварталах, где безработица в три раза выше, чем в целом по стране»⁹.

Чиновник рангом ниже Уайтлоу, государственный министр внутренних дел Т. Рейсон вообще попытался заткнуть рот тем, кто всерьез анализировал случившееся и приходил к выводу, что аналогичные взрывы возможны и впредь. Так можно и беду накликать, прикинувшись суеверным, сказал он,

выступая в городе Дадли перед работниками комитетов по межобщинным отношениям. Драматизировать обстановку не следует, заявил он, отношения между полицией и местными жителями прекрасные¹⁰. О явной беспочвенности подобных утверждений свидетельствуют слова, которые услышал от жителя Сент-Пола корреспондент газеты «Обсервер», побывавший в этом районе примерно в те же дни, что и Рейсон, — около трех месяцев спустя после волнений. «Черные в Англии, — было заявлено журналисту, — не сумели добиться самого главного — того, чтобы их уважали и чтобы их принимали, как равных. Вот поэтому они вынуждены либо отвергать общество, либо отказываться от собственного «я»»¹¹. «Мы существуем, но не живем»¹², — высказал свою боль тому же журналисту темнокожий житель Сент-Пола Френсис Саланди.

Послесловием к бристольским событиям можно считать слова, прозвучавшие осенью 1980 года в местном суде, который принял решение о преследовании 14 жителей Сент-Пола, обвиненных в участии в бунте. Эти слова были сказаны адвокатом одного из обвиняемых Леонардом Вудли. «Мой клиент уполномочил меня заявить, — сказал он, — что тысячи фунтов, потраченные на нынешнее расследование, было бы гораздо разумнее израсходовать на искоренение бесчеловечных условий, существующих в Сент-Поле»¹³.

Глава X

«Жаркое лето»

Оно началось еще весной, «жаркое лето» 1981 года. Известна и точная дата—10 апреля. Как потом скажет королевский адвокат Робин Олд, «это был первый теплый день года»¹. Так что «жаркое лето» начиналось не только в переносном, но и в прямом смысле.

На улицах лондонского района Брикстон было многолюдно, но воцарилась здесь отнюдь не радостная атмосфера встречи с летним теплом, а гнетущее ожидание мрачных событий. Тому были причины. Вот уже несколько дней, с 6 апреля, в кварталах Брикстона, преимущественно в тех, где сконцентрировано «цветное» население, проводилась операция под кодовым названием «Болото». Ее затеяли полицейские власти, якобы обеспокоенные ростом преступности и решившие одним махом положить ей конец. Но даже если предположить в действиях стражей порядка благие намерения, то и в этом случае брошенный в Брикстон полицейский корпус можно смело уподобить слону, попавшему в посудную лавку. На подозрение брался едва ли не каждый прохожий. За считанные дни блюстители закона задержали примерно тысячу человек. 100 человек было арестовано, но лишь несколькими из них предъявили обвинение в краже или в краже со взломом — именно в тех преступлениях, покончить с которыми планировали организаторы «Болота»².

Между тем операция продолжалась. 100 «бобби» — так называемая специальная полицейская группа — продолжали прочесывать улицы района. А 10 апреля главный суперинтендент Николсон решил резко

увеличить число патрулей — с восьми до 28 групп. Это еще больше наэлектризовало атмосферу. Темнокожие, в первую очередь молодежь, остро чувствовали, что идет откровенная охота. Охотники — полицейские, а дичь — они сами. Достаточно было искры, чтобы накопившийся в воздухе горючий материал взорвался.

В 18 часов 10 минут полицейский офицер по фамилии Марджиотта во время патрулирования улицы Атлантик-роуд увидел бегущего темнокожего юношу, которого преследовало несколько других молодых людей. «Бобби» тут же включился в погоню. Задержав убежавшего — его фамилия была Бэйли, — полицейский обнаружил, что тот серьезно ранен. Вокруг собиралась толпа. Этим воспользовался Бэйли, который, вырвавшись из рук полицейского, нашел убежище в квартире незнакомой ему семьи белых. Здесь ему оказали первую помощь, после чего хозяева квартиры вызвали по телефону машину, чтобы отвезти раненого в больницу. Когда автомобиль с лежащим на сиденье юношей отъехал от дома, его остановили двое полицейских. Обнаружив раненого, они заявили, что тому необходима «скорая помощь». Тут же по радию они вызвали «скорую помощь», а также полицейский автомобиль. Но прибыла только машина полиции, куда и был помещен Бэйли. Находившийся в этой машине полицейский по фамилии Лок перевязал рану другому, особенно туго. Сверх того он сильно надавил на спину юноши. Позднее он будет объяснять, что сделал то и другое, исходя из стремления помочь раненому. Однако его действия, свидетелей которых имелось достаточно, были восприняты иначе. «Они убивают его!», «Почему не вызываете «скорую»?» — раздавались возгласы. Страсти стремительно накалялись. Полицейских с их машиной окружила толпа из 40–50 «цветных» молодых людей. Объяснения полицейских уже не могли остановить закипевшую

ярость. Восклидая «мы сами поможем ему», они силой отбили Бэйли у стражей порядка. Остановив случайную машину, они направили раненого в больницу.

Все это развивалось с кинематографической быстротой. Уже в 18 часов 35 минут, после отправки Бэйли, началась схватка с полицейскими, в которых полетели камни и бутылки. На следующий день в Брикстон было брошено подкрепление (в рамках проведения операции «Болото»): контингент блюстителей закона увеличили на 112 человек. Судя по всему, «бобби» не ощутили степени негодования, охватившего Брикстон, и продолжали действовать столь же бесцеремонно, как и прежде. К примеру, полицейским Торнтону и Камерону взбрело на ум обыскать пассажира автомобиля, стоящего у обочины. И они это сделали. Вызывающе, не обращая внимания на обилие людей вокруг, причем кто-то из случайных прохожих даже успел сфотографировать эту сцену. Кто-то потребовал оставить задержанного в покое. «Бобби» тут же схватили его и бросили в полицейский фургон. Это вызвало новую вспышку ярости собравшихся вокруг — их было уже 150 человек. Фургон стали раскачивать из стороны в сторону, в стражей порядка полетели различные предметы. Полицейские вызвали подкрепление, в том числе машину с собаками. Прибывший вместе с подкреплением инспектор Скочфорд понял, что дело серьезное, но решил действовать круто, чем, разумеется, еще сильнее обострил ситуацию. Он приказал очистить дорогу от молодых людей и рассеять их. Вслед за этим, как будет позднее зафиксировано, произошла «весьма напряженная конфронтация между толпой и офицерами».

Форменные сражения молодежи с полицией разгорались по всей Атлантик-роуд. Здесь в них приняло участие до 200 брикстонцев. На примыкающей

к ней Мэйолл-роуд стражей порядка вынудили спешно отступить. На «поле боя» остались полицейские машины, в том числе фургон для собак. Их тут же опрокинули и подожгли. Час продолжалась ожесточенная схватка за углом, на Лисон-роуд. Неподалеку, на Рэйлтон-роуд, кто-то попытался прорвать кордон полиции, направив на него двухэтажный автобус. Заполыхало кафе «Виндзорский замок»...³

Итак, полиция наводнила своими людьми Брикстон из самых лучших побуждений. Теми же побуждениями руководствовались «бобби», задерживая и обыскивая обитателей этого района. Безответственная же молодежь не понимала всего этого, мешала блюстителям порядка, довела дело до серьезного столкновения... Такова версия представителей закона. А изложенное выше развитие событий в Брикстоне лишь надводная часть айсберга.

Чтобы лучше представить себе подводную его часть, обратимся к письмам некоторых британских граждан, опубликованным в прессе.

«Когда горел и дымился Брикстон, меня поразила жуткая ирония услышанного несколько лет назад в Соединенных Штатах рассказа о том, что представители делового, политического и ученого мира Нью-Йорка приняли решение о намерении всерьез заняться проблемами черного населения Ньюарка в тот вечер, когда этот город запылал, — писал профессор Стирлингского университета Т. Кэннон. — Уже давно крепло ощущение, что масштабы и природа проблемы безработицы среди экономически и социально обездоленных будут приняты во внимание только тогда, когда масштабы связанного с этим насилия вытолкнут эти проблемы на самый первый план. Трагедия безработицы среди черных ярко высвечивает

неспособность нашего общества дать этой группе населения, особенно ее молодой части, прочную надежду на будущее. Это означает не краткосрочные проекты по обеспечению рабочими местами, а естественную уверенность в возможности реализовать собственные устремления, приложить свои способности.

Эти проблемы однородны для всей Великобритании: по мере роста безработицы рушатся надежды, усиливаются отчаяние и гнев. Возникает вопрос: должны ли запалать Ливерпуль, Сандерленд или Глазго для того, чтобы неотложность, требуемая этой проблемой, вылилась в необходимые действия и капиталовложения. Решение вопроса трудоустройства обездоленных в нашей стране — величайший вызов, брошенный сегодня нашей нации»⁴, — подчеркивал профессор Кэннон. (Кстати, он как в воду смотрел, упомянув о Ливерпуле. Спустя считанные недели⁵ запалил Токстет — район Ливерпуля, две пятых населения которого — «цветные»⁶.)

Весьма интересны соображения лондонца А. Кэйрепита, которые он изложил в письме в редакцию одной из столичных газет. «Случилось неизбежное — в конце концов сорвана крышка с котла, который кошмарно долго кипел, — писал он. — Если вас постоянно провоцируют долгое время, вы нанесете удар — возможно более сильный. Нет никаких сомнений, что их провоцировали. И не каким-то единственным случаем, когда чернокожий юноша был арестован переодетыми полицейскими. Это послужило лишь искрой. Велось косвенное и изощренное провоцирование, неустанно и безжалостно. Оно приняло форму расовой дискриминации со стороны белых, работодателей, полиции, форму закона «о подозрении» (который резервировался почти

исключительно для черных жителей южного Лондона), форму неравноправной политики в сфере жилья и преступно высокого уровня безработицы в сегодняшней Британии, который крушит надежды и чаяния молодежи. Любые невзгоды, разочарования, тяготы, с которыми сталкивается лишенный возможности трудиться белый юноша, следует умножить на два, когда речь идет о его черном сверстнике», — продолжал Кэйрепит.

Лучшим комментарием о происшедших инцидентах, который мне довелось слышать, было высказывание одного темнокожего: «Мы живем здесь, в Брикстоне. Отчего же нам следует рассеиваться? Почему не желают рассеиваться полицейские?» «Единственным оправданием присутствия здесь полиции, — продолжал автор письма, — был высокий уровень преступности в Брикстоне. Между тем белые обитатели этого района требовали немедленно убрать из Брикстона формирования стражей порядка. И это при том, что в отличие от темнокожих они не ощущали угрозы со стороны «бобби». Кто знает, — задавался вопросом Кэйрепит, — не упало бы число правонарушений, если бы полицейские держались отсюда подальше?»

Действия полиции, якобы озабоченной «взлетом преступности» среди темнокожих, вызвали резкий протест со стороны многих «стопроцентных», белых жителей Брикстона. Трое из них, Фэнни Гарнетт, Дэвид Томас и Тесса Брэчли, возмущенно указывали на фарисейство стражей порядка, утверждавших, что волнения-де устроили «пришлые подстрекатели». Трое брикстонцев отмечали, что в их районе глубоко убеждены в другом: толчком к волнениям послужило то, что полисмены старались добиться показаний у раненого юноши непременно до его отправки в больницу. «Мы часто ходим по Атлантик-роуд и Рэйлтон-роуд, — подчеркивали они. — Мы никогда не

подвергались нападению со стороны чернокожих. Однако сплошь и рядом наблюдаешь, как в нашем районе полицейские хватают чернокожих молодых людей. Никто из наших знакомых не верит, что жалобы на действия полиции будут объективно рассмотрены той же самой полицией»⁸.

«Влияние извне, породившее волнения в Брикстоне?»— вопрошал в своем письме житель Уэльса С. Браун. Но не равнодушное ли правительство и тяжелая на руку полиция воплощают это влияние извне — то же, что породило и гражданскую войну в Северной Ирландии? Те, кого действительно заботят эти проблемы, сознают, что требовалось лишь некоторое время, чтобы примеру черных из Богсайда последовали черные из Брикстона, писал Браун⁹. Остается добавить, что Богсайд — одно из католических гетто Ольстера. Разумеется, никаких «черных» там нет. Речь идет об угнетаемом с помощью Лондона католическом меньшинстве — таких же отверженных в Северной Ирландии, какими в Англии являются «цветные»...

Но вернемся к бурным событиям в Брикстоне, где произошло, выражаясь словами французской газеты «Юманите», «восстание нищеты». (Газета подчеркивала: эти волнения сродни выступлениям негритянского населения США в таких городах, как Детройт, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Майами.)¹⁰ Бесправие и безысходность, тяжкое бремя двойного угнетения — социального и расового — все это становилось причиной массовых волнений в Соединенных Штатах, а теперь и в Великобритании. «Битвой при Брикстоне» окрестили апрельский бунт английские газеты. Сотни раненых, порядка 200 арестованных, десятки разрушенных домов и магазинов, сожженных автомобилей— таковы итоги этой «битвы»¹¹. В заявлении местного отделения

Коммунистической партии Великобритании было подчеркнуто: основной причиной событий в Брикстоне являются действия полиции и откровенный расизм. Возникшие проблемы нельзя решить до тех пор, пока не будет устранена их основная причина — безработица, особенно среди молодежи с темным цветом кожи¹².

Искры брикстонского пожара — в прямом и переносном смысле слова — породили вспышки в других столичных районах — Финсбери, Илинг, Уонстед. Сконцентрированные и здесь выходцы из бывших колоний вышли на улицы, чтобы выразить свое возмущение преступным пренебрежением властей к их доле. Против демонстрантов были брошены усиленные наряды полиции. Около ста человек были ранены, еще больше — арестованы.

В эти же дни, во второй половине апреля, еженедельник «Обсервер» направил двух своих репортеров, Роберта Чесшира и Джорджа Брока, туда, где произошел первый взрыв, — в Брикстон. Усилиями полиции пламя гнева было здесь уже сбито. Кое-где шла расчистка развалин, маляры красили стены домов. Серия интервью, которые провели репортеры с обитателями расположенной в сердце Брикстона улицы Рэттрей-роуд, показала, что воцарившееся затишье явно временное. «Белые не могут себе представить, каков на деле жизненный уровень проживающих здесь черных», — сказал им Девон Томас, один из двух небелых сотрудников местного муниципалитета. Он выходец с Ямайки и живет на Рэттрей-роуд с 1959 года¹³. «Если ты стоишь на улице вдвоем или втроем с кем-нибудь и разговариваешь, по их мнению, ты задумал грабеж. Твоя внешность вечно «соответствует» приметам кого-нибудь, кого они разыскивают. Тебя забирают в участок, а там уже обвиняют в чем-то совершенно другом», — делился с журналистами

своими горестями темнокожий юноша, уже имеющий судимость по закону о «намерении совершить преступление»¹⁴. Злоупотребления стражей порядка столь вопиющи, что их обвинения зачастую даже не выдерживают предъявления в суде, обычно благоволящем обвинителям-полисменам, а не обвиняемым-темнокожим. Мало того, «бобби», как слышали со всех сторон Р. Чесшир и Дж. Брок, вовсю берут взятки, не брезгают и торговлей конфискованными наркотиками¹⁵.

От своеволия стражей закона не застрахован ни один «цветной». Нет покоя молодому жителю Брикстона, у которого есть автомобиль. Его то и дело останавливают полицейские. И самым тщательным образом начинают обыскивать машину. Заглядывают под сиденья, открывают багажник. Говорят, что ищут наркотики. Но здесь всякий знает, что он не только наркотиков не употребляет, но даже не курит, не пьет, грубо не выражается. Но — он «цветной». И поэтому ему не следует разъезжать на машине. «Ты что, не знаешь своего места?»¹⁶ — не раз говорили ему «бобби».

«...Было солнечно, когда мы покидали Рэттрей-роуд после двухдневного пребывания здесь. На мгновение нам показалось, что все увиденное и услышанное не имеет отношения к этим местам. Иллюзию нарушил резкий гул полицейского вертолета. Полиция, так и не покинувшая эти улицы, вновь была здесь. Передовая линия борьбы — Брикстон — находилась под ее наблюдением» — так завершают свой репортаж Чесшир и Брок.

Между тем полиция делала свои выводы из брикстонской операции. «Уроки Брикстона», как писала «Таймс», обсуждались на специальной конференции в Скотленд-ярде¹⁸. Рассматривались тактические новинки

для более успешных расправ с недовольными. В частности, было указано на необходимость более широкого применения специальных щитов, которые бы укрывали полицейских, подавляющих выступления, от ответного гнева манифестантов. Тактические новинки, судя по всему, заботили полицейских в той же степени, как сокрытие истинной картины событий в Брикстоне.

Так выглядел Моссайд — гетто для «цветных» и бедняков Манчестера после того, как в нем вспыхнули яростные схватки обездоленных и блюстителей порядка

Так, организатор операции «Болото», старший инспектор Джереми Плоумэн официально утверждал: проводившаяся операция ни в какой степени не явилась причиной последовавших беспорядков¹⁹. «Бобби» стремились уже в ходе подавления «восстания нищеты» оставить как можно меньше документальных свидетельств собственных бесчинств. Корреспонденту Би-би-си Джону Клэру довелось собственными глазами наблюдать такую сцену: трое «стражей закона»

жестоко избили фоторепортера, снявшего момент ареста молодого участника выступлений; затем они выбили камеру из рук «ненужного свидетеля» и растоптали ее²⁰. Такие действия полисменов по-своему логичны. Тот же Клэр заметил троих блюстителей порядка, оснащенных наподобие заурядных громил: у одного в руках была трехфутровая клёпка, другой размахивал топориком, третий был вооружен длинным куском литой резины.

Действия столичной полиции в Брикстоне получили положительную оценку со стороны правящей партии в ходе парламентских дебатов осенью 1981 года. К тому времени «бобби» провели очередной налет на Брикстон. На сей раз под предлогом поиска «зажигательных бомб» они провели повальные обыски в домах иммигрантов. «Блюстители порядка» врывались в квартиры, выгоняя жильцов на улицу, в итоге устраивали форменный погром. Это вызвало новую волну возмущения. Однако, выступая в ходе осенних дебатов в палате общин, консерватор Джон Стоукс заявил: «Вопреки критике, которую мы сегодня слышали, в массе своей британская общественность питает глубочайшее доверие к полиции, которая представляет собой одну из лучших полицейских организаций». «Я полностью согласен с этим», — заявил министр внутренних дел Уильям Уайтлоу. «Во всех уголках Брикстона это утверждение вызовет глубокое разочарование и гнев», — прокомментировал заявления тори парламентарий-лейборист Джон Тилли.

Но деятелей консервативной партии столь же мало заботили чувства обитателей Брикстона, сколь и их нужды. И не только жителей Брикстона.

Летом 1981 года лопнуло терпение у многих «цветных» в бедняцких гетто. Столичный район Саутхолл, ливерпульский Токстет, манчестерский

Моссайд — это далеко не полный список новых горячих точек, в дополнение к бристолюскому Сент-Полу и Брикстону возникших на теле Британии.

«Анализируя беспорядки, — писал в июле 1981 года еженедельник «Обсервер», — необходимо разграничить, где трут, а где искра. В бристолюском районе Сент-Пол (апрель 1980 года), в лондонском районе Брикстон (апрель 1981 года) и ливерпульском Токстете (минувший уик-энд) причиной гнева и отчаяния стал катастрофически высокий уровень безработицы среди «цветной» молодежи. Положение усугублялось тем, что газеты тактично именуют «негибкостью» полиции, но что было бы более честно назвать старомодным английским словом «жестокость».

Напряженность возрастала. И чтобы спровоцировать беспорядки, достаточно было одного неверного шага со стороны полицейских. В Сент-Поле таким шагом стал налет на питейное заведение. В Брикстоне — слух о том, будто полицейские дали умереть темнокожему юноше, находившемуся в участке с ножевым ранением. В Токстете — арест молодого человека с черной кожей. Во всех этих трех местах баталии велись в основном между «цветной» молодежью и полицией при участии белого населения.

В Саутхолле (минувший уик-энд) причиной недовольства молодежи азиатского происхождения, часть которой не имеет работы, стало нежелание полиции предотвратить расистские провокации в отношении местной общины. Многие были убеждены в том, что единственный выход — самооборона. Для начала беспорядков было достаточно прибытия трехсот бритоголовых из Ист-энда на вечер поп-музыки в местной пивной с последовавшим битьем стекол, нападением на лавку выходца из Азии, выкрикиванием нацистских лозунгов...»²³

Догорающие остовы автомобилей, покрытые копотью дома, битые стекла на тротуарах, сотни полицейских— таким предстал утром 4 июля Саутхолл. Накануне вечером он стал ареной столкновений между протестовавшей против разгула расизма темнокожей молодежью, с одной стороны, бритоголовыми и полицией— с другой.

В ходе налета на дом иммигранта Даршан Калхана «бритоголовые» зверски избили его жену Нирмал. После этого выбили стекла в доме. Затем орда бритоголовых двинулась по улицам этого района, громя лавки и магазины. Возмущенные бездействием полиции на улицы вышли сотни «цветных» жителей. Их стремление пресечь бесчинства неофашистов натолкнулось на весьма активное противодействие «бобби», неожиданно очнувшихся от летаргии. В операции по нейтрализации противников расизма приняли участие сотни сотрудников так называемой специальной патрульной группы полиции, обученной методам подавления манифестаций. «Полиция явно встала на защиту распоясавшихся расистов», — заявил представитель молодежной ассоциации Саутхолла — организации иммигрантской молодежи. Совершенно очевидно, что полицейские сыграли роль подстрекателей в этой провокации, отметил он. Прячась за рядами полицейских, неофашисты со свастиками на рукавах осыпали демонстрантов градом камней и пивных бутылок. «Бобби» же вместо того, чтобы их арестовать, набросились на охваченных гневом темнокожих юношей.

«Поведение полиции возмутительно, — подчеркнул руководитель местной юридической консультации Мохаммед Асгхар. — Она отрицает саму мысль о возможности нападений на расовой почве, и эта пассивность лишь поощряет бритоголовых. Они

чувствуют, что нападение на какое-нибудь семейство им сойдет с рук, и будут вновь и вновь это повторять»²⁵.

Примерно половина 60-тысячного населения Саутхолла— «цветные», выходцы из Азии и Вест-Индии. И список обид, нанесенных им расистами и неофашистами, весьма длинен и красноречив. В 1976 году был зарезан юноша азиатского происхождения. Именно здесь в 1979 году в ходе антифашистской демонстрации погиб один из ее участников, Блэйр Пич. Одного темнокожего молодого человека облили кипящим воском. На другого бритоголовые вылили белую краску. На животе у третьего, видимо по примеру своих духовных отцов из «третьего рейха», ультраправые вырезали «НФ» — автограф неофашистов... Чаша терпения была уже наполнена до краев, когда в Саутхолле высадили свой очередной десант бритоголовые погромщики. На сей раз их бесчинства не сошли им с рук. «Бритоголовые были вышвырнуты, — отметил Асгхар. — Ведь если бы их не тронули, они бы вновь появились на следующий день, творя то же самое»²⁶.

Не успели догореть остовы домов в Саутхолле, как еще более ожесточенные столкновения развернулись в иммигрантском гетто Ливерпуля — Токстете.

...Сотни молодых парней, вооруженных железными трубами, бросились на прорыв плотных полицейских кордонов, ошестинившихся дубинками. То и дело завязывались рукопашные схватки. Во время одной из наиболее яростных стычек полицейские не выдержали и начали отступать. Овладев улицей, участники мятежа победно размахивали отбитыми у полиции щитами и шлемами. В одном месте они захватили и обратили против полиции пожарный брандспойт, с помощью которого стражи порядка пытались разогнать толпу. Пылающие здания издавали громкий треск, из них

вырывались снопы искр... Так описывала ливерпульские события газета «Гардиан»²⁷.

Искрой, породившей взрыв, подобно тому как от чиркнувшей спички взрывается рудничный газ, накопившийся в угольной шахте, послужил следующий эпизод. Произойди он в другом месте, вероятно, он так бы и остался эпизодом. Но в Токстете накопилось слишком много взрывчатого материала... Итак, полисменам чем-то не понравился молодой мотоциклист. Наверняка машина чужая, решили ретивые «стражи порядка», вознамерившись арестовать его. Но молодой человек, видимо представляющий, что сулит такой арест, и не ощущая за собой никакой вины, решил исчезнуть с глаз полицейских. Но не тут-то было. «Блюстители закона», проявив завидную прыть, начали преследование. На защиту несчастного мотоциклиста встала группа молодых людей, которые старались

доказать, что подозрения полиции напрасны. Дело кончилось тем, что из этой группы «бобби» выволокли одного парня, разумеется темнокожего, и увезли с собой²⁸. Спичка чиркнула. Взрыв не заставил себя ждать. Той же ночью развернулись настоящие бои с полицией. Ливерпульское гетто для бедняков осветили языки пламени.

На бирже труда. Быть может, повезет?..

Расхожая шутка гласила: в Ливерпуле увеличивается лишь число безработных и количество охранников, стерегущих пустующие заводы. Летом 1981 года был лишен возможности трудиться каждый шестой горожанин — такого в послевоенные годы еще не бывало. Городские власти в Токстете за год до волнений определили, что уровень безработицы достиг 37 процентов. Более поздние оценки указывали на дальнейшее ухудшение ситуации. В докладе, подготовленном сотрудниками Ливерпульского университета, сообщалось: в 8-м районе Ливерпуля, куда входит Токстет, уровень безработицы среди белых достиг 43 процентов, среди темнокожих — 47 процентов. Между тем имелись и еще более мрачные данные. Так, исследование, проведенное общественными организациями в 1980 году, свидетельствовало: уже тогда половина «цветных» не имела работы. К началу 1981 года появилась еще одна цифра: не имеют возможности трудиться 60 процентов темнокожих молодых людей. 81 тысяче ищущих работу город мог предложить 1019 мест. В офисах, где хотели бы приложить свои способности тысячи выпускников

школ, имелось только 12 вакансий. Кризис особенно сильно поразил этот некогда процветающий город. «Крупные фирмы либо закрываются, либо сокращают число работающих, а открываются только небольшие. Это бесконечная битва, и ситуация неуклонно ухудшается»²⁹, — подчеркнул весьма сведущий в этих делах человек — сотрудник местной биржи труда Фил Пэрри.

Большинство экспертов, касавшихся положения в этом крупном промышленном центре, указывали на исключительно плачевное положение темнокожих, на которых особенно тяжело сказывалась экономическая депрессия. Неужели подобное случится и здесь? Этим вопросом многие задавались в Ливерпуле после расовых волнений в Бристоле и Брикстоне. Имелись и оптимисты, которые отвергали возможность аналогичных вспышек. Они при этом упирали на тот факт, что примерно 40 процентов 30-Тысячной «цветной» общины — люди, родившиеся в Великобритании, а предки некоторых обосновались здесь еще в XVIII веке. Это, мол, люди, сознающие свою ответственность перед страной, не какие-то там недавние иммигранты... А главный констебль в своем очередном годовом отчете сообщал, что у него нет оснований предполагать возникновение «серьезных осложнений»³⁰.

Куда более обоснованными были указания «пессимистов» на то, что экономический кризис с большей скоростью уничтожает в Ливерпуле рабочие места для черных, нежели для белых. (Разумеется, отметим, не сам кризис тому виной, а те социальные обстоятельства, в которых он разразился.)

«Пессимисты» оказались реалистами. Пророчеством явились слова, которые бросил в лицо своим коллегам в английском парламенте депутат-либерал из Ливерпуля

Дэвид Олтон: «Пущен часовой механизм бомбы, которая вскоре взорвет сердца наших городов — в тот самый момент, когда молодежь перестанет молчать. Когда она выступит против тех, кто с таким бесчувственным пренебрежением относится к ее проблемам»³¹. Власть имущие не придали должного значения и тому, что произошло за считанные дни до взрыва с занимавшим в то время пост министра по вопросам окружающей среды Майклом Хезлтайном. Он заехал в Токстет, чтобы проконтролировать ход строительных работ на Принсес-авеню, и стал мишенью участников демонстрации безработных, которые забросали его машину тухлыми яйцами и гнилыми помидорами. «А что нам остается делать? — цитирует западногерманский журнал «Шпигель» 24-летнего чернокожего, присутствовавшего при этом. — Мы не можем найти работу, нас выбрасывают на улицу. А там на нас набрасывается полиция, неважно, делаем мы что-нибудь противозаконное или нет. Это просто ужасно»³².

Плечом к плечу с темнокожими против общества, порождающего бесправие, выступили и белые жители Ливерпуля. В первую очередь — молодые, с особенной остротой переживающие крушение надежд и грядущую безысходность. На это прямо указывал в своем выступлении член парламента Эрик Хэффер. «Очевидно, — отметил он, — что в выступлениях участвовали не только черные, но и белые юноши. Этот факт ясно говорит о том, что причиной выступления послужил гнев и крушение их надежд на будущее. Существует настоятельная необходимость предоставить молодежи подходящие возможности, работу и понять их проблемы»³³.

Отбрасывая логику, полиция предложила собственную версию причин взрыва. Она представляла дело так, что волнения возникли вследствие

подстрекательства неких «агитаторов». Комитет по связям с общественностью Мерсисайда (района вдоль реки Мерси, куда входит Ливерпуль с соседними населенными пунктами) опубликовал заявление, в котором развенчивается попытка извратить подоплеку событий. «Эти события — ясное предупреждение о том, что следует принять меры для решения важных социальных проблем, — подчеркивается в заявлении комитета, — и у нас нет никаких свидетельств, что волнения были вызваны чем-то иным, нежели стихийным взрывом гнева»³⁴.

Волнения в Токстете обнажили намерение властей полагаться лишь на «силовое» решение наболевших социальных проблем. Новой ступенью в эскалации государственного насилия стало применение местными блюстителями закона слезоточивого газа «си-эс». Прежде он использовался на территории Великобритании только против демонстрантов в Северной Ирландии. Газ вызывает жестокий кашель, рвоту, сильное раздражение глаз, кожи. Заместитель начальника полиции Мерсисайда П. Райт заявил, что его подшефные использовали против участников волнений 25 канистр с «си-эс». Райт предупредил, что в случае новых выступлений полицейские готовы использовать «против толпы» пластиковые пули.

Трое на одного

Министр внутренних дел У. Уайтлоу выразил одобрение действиям полиции. Применение «си-эс» было «совершенно верным решением», заявил он, дав понять, что поддержит любого начальника полиции, который станет поступать аналогичным образом в будущем³⁵. Полицейских следует лучше оснастить и подготовить для «подавления беспорядков», указал он. Министр сообщил, что им будут выданы стальные каски и огнеупорные костюмы. Комментируя это заявление министра, «Дейли телеграф» писала, что полиция намерена использовать североирландский опыт английских «сил безопасности». Применение газа «си-эс» — первый шаг в этом направлении³⁶.

Слезоточивый газ, смешавшийся с дымом ливерпульских пожарищ, еще не успел рассеяться, как языки пламени поднялись над Моссайдом — районом

бедняков и иммигрантов в Манчестере. Весьма показательно, что местные жители сразу же обратили свой гнев против полиции. Здание участка на Денмаркроуд подверглось осаде³⁷. И это не явилось случайностью, прямо указывала впоследствии член муниципалитета Моссайда Г. Кокс³⁸, — столько ненависти накопилось у жителей против блюстителей порядка.

По признанию местных полицейских чинов, столкновения в Манчестере приобрели характер настоящей «партизанской войны». В стычках в ночь на 10 июля здесь участвовало свыше тысячи молодых людей. Мощная баррикада перегородила Плейнсфилдский тупик. Вскоре она оказалась объята пламенем. Заполыхал магазин на Принсесс-роуд³⁹. Против участников стихийных выступлений были брошены мощные формирования стражей порядка. Полицейские фургоны на скорости 40 миль (примерно 65 километров) в час врезались в толпы молодых людей, среди которых подавляющее большинство составляли темнокожие⁴⁰. За фургонами двигались ряды пеших блюстителей закона, орудующих дубинками и прикрывающихся щитами. В ряде мест для разгона манифестантов использовались специально натренированные собаки. Молодежь отвечала градом камней и битого кирпича...

«Имел ли целью маневр с фургонами рассеять скопление людей либо же преследовал задачу лишить кого-то жизни или причинить ущерб здоровью?» — так нарочито академически поставил вопрос председатель специально созданной комиссии по расследованию причин волнений в Моссайте, королевский адвокат Б. Хитнер. Маневр преследовал целью первое, но вполне мог иметь своим результатом и второе, ответил член муниципального совета Манчестера лейборист А.

Спенсер. Если бы кто-нибудь поскользнулся, то был бы задавлен насмерть⁴¹.

Хотя комиссия по расследованию не пользовалась особым доверием общественности и в значительной мере ею бойкотировалась (один из свидетелей бросил Хитнеру: «У вас «роллс-ройс»? А у меня — ручная тачка»), некоторые из сделанных на ее заседаниях заявлений проливают свет на причины манчестерской вспышки. Как и в предыдущих случаях, мощный заряд ярости накопился у местных жителей, особенно «цветных», против полиции. Член парламента от Моссайда лейборист Дж. Мортон указал, что люди не решаются давать в комиссии показания против действий полиции, опасаясь репрессий в отношении своих семей⁴². О всевластии местной полиции говорил манчестерский солиситор Ф. Джоунз. Сплошь и рядом его клиенты жаловались на притеснения и преследования со стороны стражей закона. Особенно участились эти жалобы на протяжении года, предшествующего «жаркому лету». Людей без всякого повода хватали на улицах, увозили в участок, где обходились с ними крайне жестоко. На тех же, кто пытался подавать жалобы, полицейские чины оказывали весьма чувствительное давление. Если пострадавшие все же отваживались настаивать на своем, то все равно не добивались ничего — процедура рассмотрения этих заявлений была построена так, чтобы выгораживать полицию. За последние 10 лет, подчеркнул Джоунз, ни один истец не добился своего⁴³. Люди, подававшие жалобы, отлично видели, что их попросту надуют, констатировал Мортон⁴⁴.

В итоге свидетельские показания свелись к следующему. Нет оснований утверждать о каком-то подстрекательстве к выступлениям извне. Отношения местных жителей с полицией давно подошли к точке

кипения. А глубинной причиной случившегося, как заявил, например, комиссии рыходец с Ямайки, по профессии водитель автобуса, является безработица⁴⁵.

География июльских волнений между тем стремительно расширялась. После лондонского Саутхолла, ливерпульского Токстета, манчестерского Моссайда ожесточенные столкновения разгорелись в столичном районе Уолтем, в Бирмингеме, Вулвергемптоне, Честере, Ньюкасле, Ноттингеме... Число таких горячих точек, по свидетельству лондонской печати, составило по меньшей мере два десятка⁴⁶. Сообщения корреспондентов напоминали репортажи с фронтов военных действий.

В ожидании хоть какой-нибудь работы

Агентство Рейтер 15 июля передавало: «Вспышки беспорядков в больших и малых городах Англии продолжаются уже 11 дней, и политические деятели оппозиции, и руководители различных общин призывают правительство пересмотреть его

экономическую политику, чтобы предотвратить повторение насилий. Но премьер-министр Маргарет Тэтчер упорно подчеркивает, что борьба с беспорядками — это в основном вопрос охраны законности и порядка, и сосредоточивает сейчас свои усилия на оснащении полиции новым оружием для борьбы со смутьянами... О резком различии в позициях правительства и руководителей национальных общин по вопросу о том, как следует урегулировать обстановку, красноречиво говорит немногословное заявление, сделанное после того, как Тэтчер совершила вчера поездку в пуленепробиваемом лимузине по ливерпульскому району Токстет, где происходили беспорядки. Тэтчер сказала, что вот уже десять дней они тревожат ее больше всего. Но Уолли Браун, представитель общины черных в этом районе, заявил: «Г-жа Тэтчер внимательно выслушала то, что нам пришлось ей сказать, но я не думаю, чтобы она даже начала понимать». Руководители общины в Токстете, где целые улицы пылали в огне, когда происходили беспорядки, распространившиеся на не менее чем

20 городов, подчеркнули, что, с их точки зрения, дух безнадежности был порожден высоким уровнем безработицы и плохими жилищными условиями. Безработица в Токстете примерно в четыре раза превышает средний по стране уровень, составляющий 11 процентов, причем больше всего от безработицы страдает чернокожая молодежь... Чернокожие безработные жалуются на дискриминацию со стороны предпринимателей...»⁴⁷.

Полиция сообщала, что имели место налеты с применением зажигательных бомб, грабежи и поджоги в Брикстоне, Баттерси и Стритэме в юго-западной части Лондона, в Экстоне, Чизике и Саутхолле в западном Лондоне, в Делстоне, Хэрни и Уолтемстоу в восточном

Лондоне и в Стоук-Ньюингтоне на севере столицы. Вспышки насилий произошли также в городах Ливерпуль, Бирмингем, Шеффилд, Ноттингем, Гуль и Ньюкасл-на-Тайне и в некоторых других городах Средних графств и на севере страны... Пожарные заявили, что они борются с огнем во всем Лондоне. По сообщению полиции, более сорока полицейских ранены и почти 250 бунтовщиков арестованы. Бунты распространились по всей Англии всего через несколько часов после того, как правительство запретило на один месяц все массовые марши в Лондоне, стремясь положить конец насилиям⁴⁸.

Печать цитировала слова министра внутренних дел У. Уайтлоу, выступившего 13 июля на встрече с парламентариями-консерваторами. Поскольку тюрьмы переполнены, сообщил он, отныне часть арестованных за участие в выступлениях будет направляться в специальные армейские лагеря. Представление об этих лагерях дало английское телевидение. Телезрители увидели за высокой оградой из колючей проволоки бараки, охраняемые автоматчиками.

Между тем находилось все меньше охотников сваливать вину за происходящее на неких «агитаторов» (как это, к примеру, сделала член социал-демократической партии Ш. Уильямс, связавшая вспышки насилия с действиями неких «марксистов»)⁴⁹. Даже полиция, по свидетельству средств информации, «воздерживалась от того, чтобы обвинять политических агитаторов в преднамеренном использовании этих насилий, и опровергла сообщения печати о том, что была предпринята охота на четырех человек в масках, которых видели в некоторых пунктах, где произошли крупные волнения»⁵⁰. Всем, кто стремился без предвзятости разобраться в истоках события, становилось очевидно, что они лежали в социальной

сфере. Безработица, бесправие униженных, в первую очередь «цветных», невыносимые жизненные условия — все это стало следствием экономической и социальной политики правительства. Здесь и крылись истоки волнений.

Попытку весьма основательного анализа этих событий сделал французский журналист Б. Кассен на страницах «Монд дипломатии». Июль 1981 года в Соединенном Королевстве, пишет он, ознаменовался не столько бракосочетанием наследника престола, сколько волнениями среди молодежи, потрясшими страну. Для многих министров кабинета М. Тэтчер теперь ясно, к каким беспорядкам и взрывоопасным ситуациям приводит экономическая политика, в результате которой за два года — с мая 1979 по июль 1981 — уровень безработицы, составлявший 5,4 процента трудоспособного населения страны, поднялся до более 10 процентов, а валовой национальный продукт только за один 1980 год снизился на 2,5 процента. Тезис о том, что беспорядки направляются «тайными дирижерами», который был подхвачен некоторыми папками на сенсации ежедневными изданиями, провалился: его не поддержала даже полиция. Этот тезис, без сомнения, отлично бы устроил правые круги консерваторов, находящиеся в крайнем замешательстве при виде прискорбной картины того, что в ткани национального единства, которую Великобритания выставила напоказ в дни празднования бракосочетания наследника престола, оказалась дыра. «Так в чем же причина волнений?» — задается вопросом Б. Кассен. Г-жа Тэтчер, продолжает он, с особым ожесточением накинулась на родителей и учителей, слишком потакающих своим детям и ученикам. Говорят о недостатке духовности у молодежи, неспособной контролировать свои неудовлетворенные стремления, о ее эгоизме. Таким образом, продолжает журнал с плохо скрываемым

сарказмом, властям не остается никакого иного способа решить эту проблему, кроме как предпринять титаническую попытку восстановить духовные ценности, что никак не согласовывается с поклонением прибыли и конкуренции— понятиями, которые так дороги г-же Тэтчер. В сущности, отмечается далее, нынешнее правительство способствует накаливанию взрывоопасной обстановки, которую оно само не создавало, она обострилась в результате его политики и зависит от устройства самого общества, которое находится не только в тупике, но и в процессе развала, подобно своим крупным городам.

Кассен рассматривает узловые, на его взгляд, проблемы британского общества — застой в экономике, социальное бесправие молодежи, среди которой постоянно усиливается брожение, тяжелое положение иммигрантов, постоянно подвергающихся притеснениям, безработица, резкое ухудшение условий жизни в крупных городах, что вызвано сокращением ассигнований на их реконструкцию... «Улюлюканье и град помидоров, которыми встретили г-жу Тэтчер во время ее неожиданного визита в Ливерпуль, а также высказывания многих иммигрантов свидетельствуют, что обездоленные — и белые, и черные, и азиаты — относятся враждебно именно к ней, как к лицу, которое символизирует ценности той Англии, которая, кажется, ничего не забыла, но и ничему не научилась, — подчеркивает французский журналист и делает вывод: — Это настоящая классовая ненависть»⁵¹.

Надо сказать, что британское «жаркое лето» 1981 года заставило говорить о себе во многих странах.

Развернувшаяся в Англии расистская кампания вызвала резкий протест в Индии, писала делийская «Нэшнл геральд». Правительство стремится получить полную информацию об инцидентах, в результате

которых, в частности, пострадало несколько лиц, имеющих индийские паспорта. Индия, продолжала газета, официально выразила серьезную озабоченность в связи с крупными расовыми беспорядками в ряде английских городов. Исполняющий обязанности посла, советник-посланник посольства Великобритании А. К. Куллимор был вызван в МИД Индии. Официальный представитель министерства заявил ему, что правительство Индии обеспокоено актами насилия против выходцев из азиатских стран в Англии. Верховный комиссар Индии в Лондоне С. Мохаммед посетил Форин офис и изложил там реакцию Дели на эти события⁵².

Расисты часто действуют при явном попустительстве и даже содействии полиции, указывала газета «Сан», выходящая в Коломбо. В статье под красноречивым заголовком «Кровавая Британия» она резко критиковала правительство Англии за развязывание расистской кампании против британских граждан — выходцев из Азии. В Лондоне, писала «Сан», проживают тысячи шриланкийцев. Им постоянно угрожают террористы, которые совершают нападения и на других выходцев из Азии⁵³. И не только из Азии, и не только в Лондоне, добавим ради справедливости.

Принципиальная оценка драматических событий лета 1981 года была дана в специальном заявлении Исполкома Компартии Великобритании. Главной причиной нынешних волнений, указывалось в нем, является политика правительства консерваторов, ведущая к росту безработицы, ухудшению жилищных условий, дискриминации «цветного» населения и распространению чувства безнадежности среди народных масс⁵⁴.

По всей Британии разгорается огонь грядущих бунтов, недвусмысленно признавала лондонская

«Дейли миррор», и перед Тэтчер стоит дилемма: «загасить этот огонь или подлить в него масла»⁵⁵. Иными словами — следовать по пути социальных реформ либо же загонять болезнь вглубь, применяя репрессивные меры. И уже в ходе волнений правительство тори обнаружило намерение делать ставку на силовое решение острых вопросов. Газ «си-эс», дубинки, водометы, полицейские собаки, пластиковые пули, свыше 1700 арестов⁵⁶, за которыми последовали массовые судебные приговоры, выносимые задержанным участникам выступлений, — все это говорило о стремлении кабинета тори проявлять «твердость». Это вполне вписывалось в экономические и социальные концепции, исповедуемые правительством консерваторов, — в первую очередь проявлять заботу о большом бизнесе, в последнюю — о «человеке с улицы», рядовом британце. Да и в чисто финансовом отношении любые расходы на переоснащение полиции не шли ни в какое сравнение с той «экономией», которой добивались тори на социальных программах. Возвращаясь к дилемме, о которой писала «Дейли миррор», можно сказать: стремясь загасить огонь, М. Тэтчер своей политикой лишь подливала в него масла.

Подожженные дома, горящие автомобили, разбитые витрины, схватки «цветной» молодежи с полицией... Так иммигрантское гетто Ливерпуля — Токстет отмечал в 1982 году годовщину «жаркого лета», когда в ходе мощных пятидневных выступлений, в которых участвовали в основном темнокожие, ранения получили 300 полицейских, более 250 человек было арестовано. Только такой ценой удалось привлечь внимание британских властей к тому, что им и так было прекрасно известно: 8-й район Ливерпуля, куда входит Токстет, находится в катастрофическом положении, а

безработица даже на фоне мрачной общебританской статистики весьма впечатляет. Особенно в тяжелом положении — иммигранты, «люди второго сорта». В Ливерпуле лишь в двух случаях идет постоянный рост. Продолжают удлинняться очереди за пособием по безработице, и все больше стражей порядка привлекается для охраны остановившихся предприятий. Грустная шутка остается актуальной в этом крупном портовом и промышленном городе, ставшем жертвой экономической политики тори.

Что же изменилось здесь за год, прошедший после «жаркого лета»? Кардинальных перемен не произошло. «Слишком многое здесь неблагополучно, — признает инспектор ливерпульской полиции К. Милн. — Безработица, скверные жилищные условия, низкий уровень образования. Все это — результат правительственной политики»⁶⁷. Добавим, что безработица среди «цветной» молодежи в 1982 году уже перемахнула 60-процентный рубеж. В этих условиях, по словам «Таймс», новые волнения не заставят себя слишком долго ждать⁵⁸. И пусть антракт после очередного акта многолетней драмы оказался длиннее предыдущих, нет сомнений, что последует новый акт с теми же действующими лицами. Ибо жестокий «постановщик» этой драмы — британский истеблишмент — не меняет своего образа мыслей и соответственно своего метода действий.

Глава XI

«Кошмар» бюрократических сложностей

Новый 1983 год принес тревогу во многие семьи иммигрантов. Именно первого января вступил в силу закон о гражданстве¹. Разработанный кабинетом М. Тэтчер соответствующий законопроект, будучи внесенным в парламент на обсуждение, шокировал многих парламентариев. Преданный гласности, билль вызвал негодование всех честных англичан. Да и могло ли быть иначе, если его статьи наделяли правами одних жителей страны, в то же время лишая других самых насущных прав.

Отныне все подданные британской короны оказывались разделенными на людей первого, второго и третьего сорта. Разделенными не только невидимыми социально-экономическими перегородками, как прежде, но и вполне осязаемыми статьями нового закона. Причем принадлежность к тому или иному разряду определяется не чем иным, как цветом кожи. Разумеется, британское законодательство перестало бы быть самим собой, если бы не прикрыло насквозь расистскую операцию множеством казуистических и весьма расплывчатых формулировок.

В Англии, как гласил новый закон, впредь будут обитать «британские граждане», «граждане британских зависимых территорий» и «заморские граждане Великобритании»².

Первое словосочетание подразумевает главным образом белых уроженцев Британских островов, а также тех, кому удалось пройти сложную процедуру регистрации и натурализации. Только попавшие в

«первый сорт» пользуются правом беспрепятственно обосновываться и жить в Англии.

Вторая формула изобретена для жителей Гонконга (2,5 миллиона) и 500 тысяч обитателей других мелких английских владений, разбросанных по земному шару. В массе своей это люди с небелым цветом кожи. Правом приезжать в метрополию и жить здесь они не располагают. Вознамерившись получить такую возможность, человек «второго сорта» должен попытаться пройти лабиринт иммиграционных ограничений.

Именно в этом пункте нового закона явственно проглянул расистский лик его сочинителей и их вдохновителей. Население «белых» английских колоний — Гибралтара и Фолклендских (Мальвинских) островов избавляется от необходимости преодоления иммиграционных рогаток. «В порядке исключения» жители этих двух территорий располагают правом селиться на Британских островах. Казуисты с берегов Темзы оправдывают такое исключение тем, что обитатели Гибралтара и Фолклендов поддерживают «тесные связи» с метрополией³.

На самой нижней ступеньке расовой лестницы помещены примерно полтора миллиона «цветных» подданных короны, в основном из стран Восточной Африки и Малайзии. Эти люди, обладающие статусом «граждан Соединенного Королевства и колоний», замененным новыми тремя категориями, не только не имеют возможности свободно обосновываться в Великобритании, но и даже лишены права передавать свои куцые «права» детям.

Даже такой ярый сторонник нового законодательства, как парламентарий-консерватор А. Стэндбрук, был вынужден признать: «Свыше ста тысяч «заморских граждан Великобритании» располагают

лишь статусом «граждан Соединенного Королевства и колоний». Если их вышлют из страны, в которой они в данный момент проживают, как это произошло в 1972 году с угандийцами азиатского происхождения, Великобритания столкнется с дилеммой законодательного плана. Если бы такое произошло, ситуация потребовала бы политического решения»⁴.

Статьи нового законодательства положили конец 700-летней традиции, согласно которой всякий родившийся на британской земле получал право постоянного проживания здесь. Впредь, гласил закон, дети родителей, не состоящих в браке, а также дети, чьи матери не урожденные англичанки, по достижении 10-летнего возраста могут быть высланы из страны. Ежегодно сотни новорожденных, «цветных», как правило, будут оставаться без гражданства, отмечала лондонская печать.

Закон наносил удар и еще по одной группе. Автоматическое право регистрации в качестве британских гражданок утрачивали родившиеся за границей женщины, но вышедшие замуж за англичан и живущие в Великобритании, если брак был прекращен вследствие развода или смерти супруга. Впредь их делами будет заниматься министерство внутренних дел, которое и станет выносить свое решение относительно их гражданства.

Начиная с 1988 года утрачивают свое право на регистрацию в качестве британских гражданок иностранки, вышедшие замуж за англичан до конца 1982 года. Значительно более многочисленна другая группа людей, которых серьезно задевал новый закон: это выходцы из стран Содружества, осевшие в Великобритании до 1973 года и проводившие здесь пять лет. После 1988 года вопрос об их натурализации должен будет рассматриваться в свете их

«благонадежности». Определять же их благонадежность будут в первую очередь полицейские чины. А угол, под которым «бобби» рассматривают проблему темнокожих, известен. Это угол, под которым полицейская дубинка соприкасается с головой любого «цветного», не понравившегося блюстителю закона.

Зачем же все-таки Лондону потребовался новый закон? Для ответа на этот вопрос требуется небольшой экскурс в историю проблемы, который можно сделать с помощью выходящего в Лондоне журнала «Африка», выступившего в преддверии принятия нового законодательства⁵.

Продукт колониальных авантур в Восточной Африке и во многих других районах земного шара, закон о национальности от 1948 года, писал журнал, породил «граждан Соединенного Королевства и колоний», что охватывало все народы империи. Однако сегодня экономический бум и сопутствующий ему дешевый труд давно позабыты. Начиная с 1968 года британский паспорт не дает права въезда в страну. Действующее законодательство уже и так обуславливает дискриминацию по мотивам расы, цвета кожи, пола. Новый закон усугубит ситуацию: парламент, не торопясь, принимает законы о гражданстве, их не так уж часто готовят, и, когда они вступают в силу, внести в них какие-то поправки исключительно трудно. С направленными против иммиграции из стран Содружества мерами, принятыми в августе 1965 года лейбористским правительством, и его поспешным законом от 1968 года, направленным против британских граждан азиатского происхождения, массовый приезд темнокожих иммигрантов первого поколения подошел к концу. С тех пор подавляющее большинство въезжающих в Англию темнокожих представляло собой родственников уже обосновавшихся здесь людей. Закон

об иммиграции 1971 года был отчасти задуман для ограничения роста сложившихся меньшинств темнокожих, поскольку он давал государству административную власть произвольно устанавливать для любой национальности квоту на въезд. Он также отнимал у небелых выходцев из стран Содружества право на постоянное проживание в Англии после пятилетнего пребывания здесь. Это создавало возможность того, что любой чернокожий человек на улице мог оказаться иммигрантом, приехавшим после 1971 года. Поскольку же этот закон предоставлял полиции право останавливать и обыскивать любого прохожего, а также врываться в частные дома без ордера, когда имеются «веские основания» подозревать присутствие там незаконных иммигрантов, полиция получила карт-бланш под этим предлогом терроризировать «цветных», что она и делала, подчеркивает журнал. В частности, проводились «экспедиции по отлову». Проверки на девственность и рентгеноскопия в аэропортах, оскорбительные допросы — этим занимались иммиграционные чиновники. При этом они не нарушали буквы закона. Все это лежало в рамках законодательства, вступившего в силу в 1971 году. Главной его целью, отмечает «Африка», было создание такого положения, когда въезд для белых из стран Содружества был бы гораздо более облегчен, чем въезд для черных выходцев из этих же государств. Закон отделял «уроженцев» (белых) от «неуроженцев» (черных). Этот принцип был взят на вооружение и изоощренно развит авторами нового законопроекта, который и вылился в закон о гражданстве.

Надо сказать, что, хотя он и появился в годы правления консерваторов, руку к нему приложили в свое время и лейбористские политики. Поддерживающая обычно лейбористов газета «Гардиан» была вынуждена признать, что, критикуя

новый закон, они оказываются в «некотором затруднении, так как именно лейбористы первыми породили категорию «заморских граждан Великобритании» в своей Белой книге 1977 года»⁶.

Немало шума наделала дискуссия по вопросу об иммиграции, разгоревшаяся на конференции тори в Блэкпуле в 1979 году. Первоначальный проект резолюции содержал призыв к правительству принять «неотложные и крутые меры» по сокращению въезда в страну людей иных национальностей⁷. В силу конъюнктурных причин — опасение тори потерять некоторое количество голосов на следующих выборах — человеконенавистнический тон резолюции в конечном счете был умерен, однако ее расистский дух был в значительной степени сохранен. И уже вскоре после окончания съезда тори министр внутренних дел консервативного правительства У. Уайтлоу объявил, что впредь женщины, живущие в Англии, но не родившиеся здесь, не будут иметь права воссоединяться со своими мужьями, в данный момент живущими за пределами Великобритании. Это правило не распространялось на женщин — гражданок стран ЕЭС. В результате, по словам «Обсервер», создавалось положение, когда к живущей в Англии итальянке муж будет иметь возможность приехать, а к подданной Великобритании — нет. (Естественно, если последняя — женщина с темной кожей.) «Эти дискриминационные законы выставляют политических деятелей в смешном виде»⁸, — подчеркивала «Обсервер».

Дебаты, развернувшиеся на съезде консерваторов и транслировавшиеся по телевидению, показали, что «с лица тори сползла маска»⁹, писала «Обсервер» в другом номере. В ходе дискуссии, продолжала газета, было произнесено несколько «отталкивающих речей». В том случае если правительство не оздоровит расовые

отношения в стране и не обуздает предрассудки, предсказывал еженедельник, консерваторы могут потерять значительно большее, нежели голоса иммигрантов, особенно если они будут предоставлять возможность выступать от их имени тем, кто должен был бы принадлежать к другой партии — к «национальному фронту»¹⁰.

Ясно, что речь шла об авторитете, репутации, «солидности» в глазах широкой публики.

Адресуя тори призыв к большей осмотрительности, газета, однако, некоторые обстоятельства не учитывала, другие — попросту не предвидела. К первым относится тот факт, что ксенофобские настроения среди жителей Британии получили, к сожалению, известное распространение: сказывается и колониальное прошлое с его высокомерным отношением к «туземцам», и изощренная демагогия расистствующих политиканов. Что же касается вторых, то газета вряд ли могла предположить, что досрочные парламентские выборы, назначенные тори на лето 1983 года, пройдут в обстановке шовинистического угара от фолклендской авантюры, а оппозиция к этому моменту будет расколота и ослаблена. У оглушенного пропагандой консерваторов избирателя оставалось тем меньше шансов повлиять на исход выборов, чем изобретательнее перекраивались властями в свою пользу границы избирательных округов. Как известно, тори добились очередного мандата на власть в стране. И это сулит новые невзгоды — и темнокожим, и «стопроцентным» англичанам... Но вернемся к закону о гражданстве, к тому моменту, когда он был еще биллем.

Цель билля о гражданстве — сделать иммиграцию чисто белой, ставила точный диагноз «Морнинг ст;ар»¹¹. Британия сбрасывает с себя ответственность

за судьбу живущих за ее рубежами британских граждан неевропейского происхождения, отмечала эта газета.

Весьма обстоятельный разбор подоплеки законопроекта сделал в журнале «Лейбор мантли» член Исполкома Коммунистической партии Великобритании Вишну Шарма. «Согласно действующему сейчас (в 1980 году. — В. Ж.) закону об иммиграции от 1971 года, — писал он, — большинство из 59 миллионов английских граждан во всем мире, в том числе 3 миллиона с двойным гражданством, имеют право на въезд в Англию. Такое же право имеют около 9 миллионов граждан, проживающих в странах Содружества. Согласно закону Европейского экономического сообщества, граждане всех национальностей, проживающие в странах ЕЭС, то есть более 100 миллионов человек, имеют право на въезд в Англию для поисков работы и на жительство, если они сумеют найти работу и закрепиться на ней. Кроме того, тот, кто проживает за границей, но имеет дедушку или бабушку, родившихся в Англии, может приехать в Англию на работу, не имея специального разрешения, обязательного для всех тех, кто не является англичанином. Когда различные лица или сменяющие друг друга британские правительства говорят об ограничении иммиграции, они обычно не упоминают вышеозначенные категории главным образом потому, что это в основном белые, которых Англия не считает чужими.

Подлинная цель «Предложений о пересмотре закона об иммиграции», опубликованных английским правительством 14 ноября 1971 года в качестве Белой книги, состоит в том, чтобы ужесточить закон об иммиграции представителей стран Содружества, в основном черных. Это открыто признают министры и политические деятели.

Новые предложения касаются женщин, родившихся не только за пределами Англии, но и в самой стране. Ни одна из них не будет иметь права привозить сюда мужа или жениха. По новым правилам только мужьям из стран ЕЭС будет разрешаться жить в Англии — в соответствии с законом «Общего рынка». Мужу или жениху будет отказано в разрешении на въезд, если у иммиграционных властей будут основания полагать, что брак заключен главным образом для того, чтобы получить разрешение на въезд в страну, или если иммиграционные власти сочтут, что один из супругов не намерен больше оставаться в браке. Мужу или жениху будет автоматически отказано во въезде в страну, если он никогда не встречался со своей женой или невестой. Эти требования не распространяются на жен и невест мужчин, которые поселились в Англии. Новые правила представляют собой явную дискриминацию женщин. Белая книга идет вразрез с обязательством, зафиксированным в манифесте консерваторов, согласно которому «все английские граждане, поселившиеся здесь в законном порядке, равны перед законом, независимо от расы, цвета кожи, религиозных и политических убеждений», так как в ней делаются различия между британскими гражданами в зависимости от того, где они родились.

До 1969 года женщина, родившаяся или поселившаяся в Англии, имела право выйти замуж за иностранца и жить с ним в Великобритании. Находившееся в то время у власти лейбористское правительство решило запретить мужчинам из стран Содружества приезжать в Англию в качестве мужей и женихов проживающих здесь англичанок, утверждая, будто «многие молодые люди трудоспособного возраста используют брак для того, чтобы приехать в страну, поселиться в ней и работать». В 1973 году консервативное правительство распространило этот

запрет на всех мужей-иностранцев. В 1974 году в результате успешной кампании, которую возглавили национальный совет защиты гражданских свобод, объединенный совет содействия иммигрантам и многие другие организации, борющиеся за гражданские права, новое лейбористское правительство было вынуждено пересмотреть запрет на въезд мужей-иностранцев в страну. Министр внутренних дел заявил тогда: «Когда я впервые рассматривал этот вопрос, я, по-видимому, придавал слишком большое значение возможным последствиям иммиграции и не учел полностью его сильно выраженный дискриминационный характер. При дальнейшем рассмотрении всех вопросов, связанных с этой сложной проблемой, я убедился в том, что достаточно веские причины для лишения граждан, вступающих в брак, свободы выбора, которую, как я полагаю, они должны иметь, отсутствуют».

Три года спустя то же правительство утверждало, что необходимо ввести 12-месячный испытательный срок для мужей-иностранцев, чтобы не допускать «фиктивных браков», заключаемых мужчинами-иностранцами. В 1979 году правительство снова утверждало, что новые постановления имеют своей целью «пресечь использование брака как средства для получения разрешения на иммиграцию». Министры также осудили обычай «устраивать браки», который все еще господствует во многих азиатских странах, словно все браки, заключенные таким образом, являются «фиктивными».

13 ноября 1979 года правительство попросили установить, скольким мужчинам было отказано в разрешении поселиться в Англии в качестве мужей после завершения 12-месячного срока, что может служить показателем масштабов злоупотреблений. Известно, что в период с 22 марта 1977 года до конца марта 1979 года в разрешении было отказано 356

мужчинам. Это составляет примерно 3 процента из почти 12 тысяч ходатайств, которые были рассмотрены.

В результате введения новых правил англичанки оказываются в невыгодном положении по сравнению с женщинами из других стран ЕЭС. Эти правила, кроме того, наносят удар по семейной жизни, запрещая овдовевшим матерям, престарелым родителям, дедушкам и бабушкам, а также детям в возрасте от 18 до 21 года присоединяться к своим семьям, проживающим в Великобритании. Существующие правила и без того представляют собой такие строгие ограничения, что эти люди не могут сюда приехать. Новые правила усугубляют ненадежность положения мигрирующих рабочих: рабочий, который проработал по разрешению в течение четырёх лет, при подаче ходатайства о разрешении на постоянное жительство должен представить документ, свидетельствующий о том, что предприниматель намерен сохранить ему рабочее место. Женам студентов-иностранцев не будет разрешено работать, чтобы помочь мужьям оплатить возросшую стоимость образования. Студентов могут заставить немедленно выехать из страны, если министерство внутренних дел заявит, что они не посещают регулярно занятия. Иммиграционным властям будет разрешено самим принимать решения, если им покажется, что тот или иной студент не намерен завершить учебу.

Иммиграционным властям предоставляются гораздо большие права в отказе рассматривать запоздавшие ходатайства. Иностранцам, приехавшим в качестве гостей, запрещается работать. Бизнесмены должны будут получать разрешение на въезд, причем, прежде чем приехать в Англию для предпринимательской деятельности, они должны доказать, что имеют в Англии не менее 100 тысяч фунтов стерлингов или

могут на законном основании перевести сюда такую сумму.

В действительности все дебаты по иммиграции вращаются вокруг вопроса о том, сколько въезжает в страну черных. Эти дебаты лишь порождают ненависть к черным, — отмечает Вишну Шарма и в заключение призывает: — По этим причинам все те, кому дороги демократические права и права человека в Англии, и те, кто в политике иммиграции ясно видит отражение узаконенной дискриминации и в теории и на практике, должны приложить все силы для борьбы с этими дискриминационными правилами»¹².

Проект закона таил в себе еще немало хитроумных ловушек для «второсортных» британских подданных. В одном из параграфов заявлялось, что, приняв решение об отказе в натурализации, министр внутренних дел не обязан объяснять мотивы, которыми он при этом руководствовался. Более того, его решение, не может быть опротестовано в суде и вообще не может пересматриваться¹³.

В разработанном тори законодательстве хватало и других ловушек для «цветных», достаточно было и открытого шовинизма и расизма. Почему, к примеру, следует рассматривать как «фиктивные» браки между молодыми людьми азиатского происхождения, которые «устраивали» их родственники? Таковы традиции, и они все еще сильны. И об этом, разумеется, прекрасно известно лондонским законникам. Однако их задача вполне определена, и росчерком пера традиции перечеркиваются.

Дети иммигрантов превращались биллем в одну из главных жертв: только тот ребенок мог получить британское гражданство, у кого по крайней мере один из родителей обосновался в стране без каких-либо оговорок иммиграционной службы.

Показательно, что критика в адрес законопроекта раздавалась с разных сторон арены политической жизни страны. Это «в целом противозаконные и совершенно ненужные ограничения... против которых будет возражать любой человек, обладающий чувством такта и справедливости»¹⁴, — писала «Файнэншл таймс». Новые правила запятнаны дискриминацией, проникнуты равнодушием к давним культурным традициям, констатировала комиссия расового, равенства¹⁵. «Должно быть ясно, что единственная цель правительства — отменить право, которым в настоящее время пользуются проживающие здесь черные женщины, — заявил епископ Труро. — Это явная дискриминация»¹⁶. Как «жалкую уловку» квалифицировала плод трудов политиканов с берегов Темзы газета «Ивнинг ньюс»¹⁷.

Немало резких слов в адрес законопроекта прозвучало даже в таком респектабельном месте, как палата лордов. Правительство лишь старается умиротворить правых экстремистов, что в итоге повлечет с их стороны новые требования об ограничениях для иммигрантов, заявил лорд Эйвбери. Следующим шагом станет высылка из страны, отметила леди Бэрк, классифицировавшая билль как «отвратительную, гнусную, позорную меру», которая «заставляет ее краснеть». Конечно, не молчали и апологеты расистского законодательства. Ностальгической тоской по имперскому прошлому было проникнуто выступление в ходе дебатов лорда Барнби. Он заявил, что вырос в викторианскую эру и страстно желал бы, чтобы британская раса сохраняла чистоту. Поток приезжих весьма огорчал его. Выступивший вслед за ним лорд Гардинер вернул присутствующих из имперского прошлого в послеимперское настоящее. Ряд положений законодательства противоречит

положениям Конвенции о правах человека, подчеркнул он. А если страна участвует в международном соглашении, на ней лежит моральное обязательство выполнять пункты этого соглашения¹⁸.

Впрочем, мораль леди и джентльменов с Уайтхолла была весьма специфической. И новый законопроект стал ярким тому свидетельством. «Новый закон может привести страну к установлению системы апартеида, подобной ЮАР», — писала газета профсоюза табачников «Тэбэко уоркер». «Кошмаром бюрократических сложностей» назвала билль известная общественная деятельница Патриция Хьюитт. «Новый закон, — заявила она, — сделает многих людьми без родины, в том числе детей рабочих-иммигрантов. Категория «заморских граждан» не является настоящим гражданством, так как оно устанавливает только обязанности, не предоставляя никаких прав».

Замыслы консервативного правительства стали очевидны для многих не только в Британии, но и в странах, прежде входивших в ее империю. Британия не может избежать обвинения в расовой дискриминации, писала индийская «Таймс оф Индия». Билль показывает, что английское правительство не желает выполнять обязательства, связанные с ее имперским прошлым и многорасовым будущим, продолжала газета и указывала: «Похоже, правительство полагает, что в интересах Великобритании угодить беспочвенным страхам о «наплыве» небелых иммигрантов, в то время как в действительности число приезжих являет собой нечто вроде ручейка»¹⁹.

Под заголовком «Расистский закон Соединенного Королевства» поместила передовую статью другая делейская газета — «Хиндустан тайме». «Расовая дискриминация, как бы она ни именовалась и каким бы способом ни осуществлялась, все равно являет собой

дискриминацию, в высшей степени достойную осуждения, — отмечала газета. — Билль закрепляет и узаконивает расизм по отношению к людям другого цвета кожи, что отражает ксенофобию, которой заражена часть сегодняшнего британского общества». Три класса гражданства, продолжала «Хиндустан тайме», — это тончайший фильтр, сквозь который в Великобританию попадут лишь люди желательного расового происхождения. В стране белого большинства выходцам из Индии отводится роль людей второго сорта. Однако для правительства страны, которая гордится собственной «честной игрой» в политике, узаконить гражданство второго сорта — это шаг, который ведет к радикальному снижению международного престижа Великобритании, делала весьма меткий вывод делийская газета²⁰.

Несмотря на широкие протесты общественности, на требования, лейбористов и либералов предоставить достаточные возможности для скрупулезного изучения и обсуждения билля, правительство консерваторов резко сократило время дебатов: при втором чтении он обсуждался в палате общин лишь один вечер. Используя свое большинство в парламенте как таран, тори протащили законопроект. «За» высказалось 292 депутата, 242 парламентария голосовали «против».

Отмены дискриминационных иммиграционных правил, расистского закона о гражданстве, прекращения высылки «цветных» из страны потребовали пять тысяч демонстрантов, прошедших по центральным улицам столицы

И все же сказалось давление, которое оказывали на власти, в первую очередь этнические меньшинства; В феврале 1981 года министр внутренних дел У Уайтлоу был вынужден объявить о двух поправках к законопроекту. Первая из них состояла в следующем: ребенок, родившийся в Соединенном Королевстве и не получающий британского подданства сразу, может получить его после 10 лет непрерывного проживания в стране. Статус его родителей при этом в расчет приниматься не будет, между тем как в первоначальном тексте Оилля содержалось требование, чтобы хотя бы один из родителей был британским гражданином. Согласно второй поправке Уайтлоу, дети, родившиеся за пределами Великобритании, также могут получить британское подданство, если их родители путем регистрации. или натурализации уже получили его.

Положить конец провокациям расистов, отменить дискриминационные законы требуют участники этой манифестации в Лондоне

Надо сказать, что поправки носили явно конъюнктурный характер. Бросалась кость лейбористской и либеральной оппозициям и одновременно преследовалась цель сбить накал негодования представителей этнических меньшинств в стране, а также ослабить критику из-за рубежа. Расистский, шовинистический дух нового законопроекта эти изменения не устранили и устранить, конечно, не могли.

Несмотря на маневры властей, ширилось противодействие новому закону. В апреле 1981 года в английской столице состоялся мощный митинг, в котором приняли участие почти 20 тысяч человек. «Мы выражаем протест против законопроекта, который лишает наших детей права гражданства. Принимая расистские законы, правительство поощряет тех, кто практикует расовое насилие», — заявил один из ораторов, представитель объединенного совета борьбы за права иммигрантов Я. Мартин. Законопроект «вызвал в стране глубокое негодование и замешательство», — заявила член парламента от лейбористской партии Дж.

Ричардсон. «Когда к власти снова придет лейбористское правительство, оно внесет изменения в законодательство о положении иммигрантов, с тем чтобы вытравить из него расистский дух, которым оно пропитано сейчас», — сказала она. Классовая оценка законодательной мере властей была дана в выступлении на этом митинге Генерального секретаря Компартии Великобритании Г. Макленнана. «Законопроект о гражданстве и другие подобные законы, — подчеркнул он, — направлены не только против «цветных» граждан, но и против всего рабочего класса страны, в ряды которого пытаются внести раскол»²¹.

Вопрос о новом законодательстве занял заметное место на повестке дня очередной конференции лейбористской партии, состоявшейся осенью того же года²². Следующее лейбористское правительство должно не только отменить введенный тори новый закон о гражданстве, но и пойти дальше, отменив и закон об иммиграции от 1971 года, записали в своей резолюции участники конференции. Вместо этого лейбористами должен быть подготовлен новый, гуманный законопроект, который бы предоставил широкие права въезда иммигрантам, ожидающим своей очереди, и некоторым из тех, кого, согласно действующему закону, выслали отсюда, подчеркивалось в решении. О том, какую остроту приобрела эта проблема, говорит тот факт, что собравшиеся подчеркнули необходимость принятия этих шагов со стороны будущего лейбористского правительства безотлагательно, в течение первого же года пребывания у власти.

Делегаты единогласно приняли проект решения с наметками будущего законопроекта. В планах значилось: предоставить любому родившемуся здесь

безоговорочное право на британское гражданство; положить конец многоступенчатой системе гражданства; предоставить полное британское гражданство людям азиатского происхождения из Восточной Африки и беженцам оттуда, находящимся в Индии; уничтожить дискриминацию по признаку пола; предоставить право на апелляцию человеку, решением министра высылаемому из страны; урезать тариф за натурализацию со 150 фунтов примерно до 50.

Закон о гражданстве, к борьбе с которым призвали делегаты, в резолюции был ими недвусмысленно квалифицирован как «орудие расизма». Лейбористы обязательно покончат с ним, заявил видный деятель этой партии; парламентарий Р. Хэттерсли: В лейбористском законодательстве следует четко указать, что впредь решать судьбы отдельных людей и целых семей не будет позволено министру внутренних дел, тем более «втайне и без права апелляции, а также без сообщения причин высылки человека из страны»; сказал он. Однако самое главное — закрепить за каждым ребенком, родившимся в Великобритании, неотъемлемое право вне зависимости от расы и цвета кожи считаться британским гражданином. «Ничего более позорного не имело места в минувшем году в Англии, чем решение тори уничтожить эту великую либеральную традицию», — продолжал Хэттерсли. Он также сказал, что следует выполнить обещание, данное в 1968 году владельцам британских паспортов в Восточной Африке, и допустить их в страну, что следует одернуть деятелей типа Энока Пауэлла, фактически призывающего к депортации. Законопроект ЛПВ должен будет объявить представителям этнических меньшинств, что они дома, что здесь они и будут оставаться, патетически воскликнул Хэттерсли.

В ряде других выступлений делегатов также содержалась резкая критика в адрес действий тори.

Дж. Ричардсон привлекла внимание собравшихся к заявлению М. Тэтчер о необходимости возвратиться к стабильной семейной жизни. Между тем, по словам Ричардсон, новое законодательство представляет собой удар по семейным отношениям, препятствуя престарелым родителям и детям от 18 до 21 года соединиться со своими семьями.

Сказано было еще немало обличающих слов в адрес действий консерваторов. Однако своеобразным отрезвляющим душем стало выступление П. Хьюитт. «Основной вопрос — это достанет ли у нас политической воли выполнить принятые решения», — сказала она. В таких городах, как, например, Лестер, существует глубочайший скептицизм относительно готовности лейбористской партии совершить во время пребывания у власти то, что ею было обещано в бытность в оппозиции...

Многие делегаты напомнили, что именно лейбористы в свое время планировали закон об иммиграции, ряд положений которого нашел зеркальное отражение в параграфах нынешнего законодательства тори. А темнокожая делегатка М. Эмори бросила в лицо собравшимся: «Послужной список лейбористской партии в расовых вопросах до сего дня позорен. Они не только сами вводили законодательные меры, но и подготовили проекты, весьма смахивающие на то, что сейчас вводит правительство тори». И заранее считать голоса членов черной общины своими лейбористской партии не следует, ей еще придется доказывать, что интересы «цветных» она «принимает близко к сердцу», сказала Эмори²³ и действительно оказалась прозорливой. Когда дело дошло до парламентских выборов в 1983 году, «цветные» не спешили отдавать голоса лейбористам.

Между тем кабинет тори настойчиво продвигал законопроект, и в самом конце октября 1981 года в соответствии с существующей процедурой он был утвержден королевой и получил статус закона²⁴. Расовая дискриминация обрела ранг закона.

Однако и после этого правительство было вынуждено маневрировать, оказавшись под перекрестным огнем противников дискриминационных мер и сторонников их еще большего ужесточения. Последние по большей части составляли правое крыло самой консервативной партии. Месяц с небольшим спустя после того, как в январе 1983 года «кошмар бюрократических сложностей» вступил в силу, консерваторы обнародовали новую иммиграционную регламентацию. В ней, с одной стороны, указывалось, что все женщины с британским гражданством имеют право воссоединяться в Англии со своими мужьями или женихами— уроженцами другой страны. С другой же, подчеркивалось, что до выдачи такого разрешения на въезд власти должны убедиться, что брак не фиктивный, причем доказательства должны представлять сами эти женщины²⁵. Легко себе представить, насколько «объективно» иммиграционные чиновники будут рассматривать любые представленные доказательства.

В ходе обсуждения этих нововведений в парламенте Р. Хэттерсли указал: в них вновь проявляется расистский подход консерваторов, объявляющих любые обычаи, отличные от принятых в Великобритании, непотребными и подлежащими каре и запрету. Ведь многие в Англии, сказал он, отлично сознают, что «устроенные браки» с социальной, этической и религиозной точек зрения являются истинными, стабильными и постоянными. Препятствовать этому — глубоко безнравственно. И делается это лишь для того,

чтобы ублажить самую отталкивающую публику в недрах консервативной партии ²⁶.

Весьма показателен и еще один штрих, лишний раз обнажающий изощренность составителей «закона о гражданстве», а заодно и их меркантильность.

В начале 1982 года министерство внутренних дел объявило о повышении в отдельных случаях на 40 процентов платы при натурализации или регистрации в качестве британского гражданина. При этом было официально объявлено, что цель этого шага — возместить расходы правительственных органов, занимающихся оформлением документов. Между тем выяснилось, что на очередной год власти запланировали получить по графе «доход» 6,9 миллиона фунтов стерлингов, в то время как все расходы оценивались в 5,7 миллиона. Чистая прибыль, таким образом, составляла 1,2 миллиона фунтов ²⁷.

Каким бы ни было намерение — увеличить ли доход или снизить число заявлений, вне сомнений, результатом будет произвольное лишение гражданства тысяч людей, которые хотели бы подать заявление и которые отвечали бы всем условиям в отношении длительности проживания, благонамеренного поведения и планов на будущее, писала в своем письме в «Таймс» общественная деятельница Э. Даммит ²⁸.

Ведь сумма в 200 фунтов, несомненно, не по карману безработному или получающему небольшую зарплату. Это немалое бремя и для тех, кто получает среднюю зарплату. Так, отец семейства, намеревающийся подать ходатайство на получение гражданства для жены и ребенка, должен изыскать свыше 300 фунтов, а если его сыну исполнилось 18 лет, то еще больше — почти 500 фунтов стерлингов. Даже 70-фунтовый налог непреодолим для живущего на пособие по социальному обеспечению. Между тем

тысячи выходцев из других стран провели в Англии значительную или большую часть своей трудовой жизни, исправно платили налоги и вносили страховые взносы и стали безработными лишь в последнее время и отнюдь не по своей воле, писала Э. Даммит²⁹.

: Добавим: по воле тех, кто привел Британию, к глубокому экономическому кризису, породил охватившую миллионы людей армию безработных, кто пытается использовать «цветных» в качестве козлов отпущения и кто, наконец, породил «кошмар бюрократических сложностей», призванный расколоть ряды трудящихся, отвлечь их, внимание от истинных виновников бед британской экономики.

Глава XII

Друзья истинные и мнимые

Когда как-то в присутствии Зигги Александер зашла речь об Эноке Пауэлле и его идеях о высылке темнокожих, она заметила: «В этом нет ничего нового: еще Елизавета I издала эдикт о высылке черных, и, разумеется, — из этого ничего не вышло...» Библиотекарь по профессии, Зигги родилась на далекой Доминике, и судьбы «цветных» ей были близки. После того разговора у нее возникла мысль организовать экспозицию, повествующую о жизни темнокожих людей на британской земле. С помощью друзей ей это удалось, хотя в ходе сбора материала пришлось преодолеть немало трудностей.

«Мы знали, что масса темнокожих прибыла сюда в качестве матросов, — рассказывала она. — Но когда мы отправились в Национальный морской музей, обнаружилось, что они там не знают ни об одном темнокожем матросе. Мы углубились в архивы... Сотрудники музея были сильно удивлены, когда мы представили им такие сведения».

И вот в конце 1980 года выставка открылась. Ее хронологические рамки охватывали период британской истории со времен правления Генриха VII до начала второй мировой войны. Самый старый экспонат — рисунок, изображающий чернокожего трубача, служившего при дворе этого монарха и получавшего в 1508 году 2 фунта стерлингов в месяц. На других картинах и рисунках XVI-XVII вв. были запечатлены солдаты, барабанщики, медики, актеры, слуги.

Исследования библиотекаря дали такую цифру: в XVIII веке темнокожее население Лондона составляло от

14 до 20 тысяч при общем числе жителей столицы 750 тысяч человек. К XIX веку, однако, количество людей с черной кожей сократилось вследствие смешанных браков.

Материалы экспозиции свидетельствовали о застарелой неприязни к небелым, в первую очередь со стороны власть имущих. Так, в 1731 году мэр Лондона издал указ, который предписывал не принимать в ученики и подмастерья темнокожих. Показательная деталь: глубокие корни расизма питают все новые и новые побеги, что проявилось, в частности, в ходе работы выставки. Кое-кто из школьных учителей, осмотревших экспозицию, не смог скрыть своего резко негативного отношения к самой ее идее. А один из них даже записал в книге отзывов, что черным детям не следует рассказывать о прославленных людях с черной кожей, живших прежде, поскольку это «неуместно»...¹

Знаменитейший спортсмен-десятиборец, чемпион Олимпийских игр и мира Дэйли Томпсон — один из тех, кто бросил вызов правительству М. Тэтчер и приехал на Московскую Олимпиаду

Подводя итог выставки в Лондоне, надо констатировать два момента. Во-первых, она в очередной раз показала, что сегодня в Англии судьба «цветных» волнует очень и очень многих. А во-вторых, экспозиция пробудила живой интерес к истории темнокожих жителей Британских островов, их вкладу в различные аспекты жизни страны.

Менее года спустя, осенью 1981 года, в английской столице впервые состоялась представительная научная конференция, посвященная роли людей с темной кожей в истории Великобритании. В ее работе приняли участие около 130 ученых, не только английских, но и американских, нигерийских, шведских, западногерманских. В преддверии этого форума вышел специальный номер исторического журнала «Хистори тудей», посвященный этой теме. «Справедливо будет сказать, что мы видим наш долг не только перед миром науки, но и перед широкой общественностью, долг в том, чтобы попытаться представить всю историческую глубину и значение черного наследия для Великобритании»², — писал на страницах журнала организатор конференции профессор Эдинбургского университета Я. Даффилд.

В разные времена из числа чернокожих жителей вышло немало видных общественных деятелей, музыкантов, литераторов. Владелец небольшого магазина Игнатиус Санчо оставил для потомков литературные труды. В конце XVIII века он с грустью писал о широко распространенных предрассудках в

отношении людей с черной кожей, которых рассматривали, «всех до одного», как тупых и ленивых³.

В ходе конференции были представлены свидетельства того, что темнокожие поселенцы появились на Британских островах еще в незапамятные времена, точнее, примерно 18 веков назад. Укомплектованные из уроженцев Африки отряды входили в состав римских легионов. Многие солдаты-африканцы впоследствии осели здесь, в основном в районе Йорка⁴. Разве у потомков этих людей нет основания считаться британцами?..

Если говорить о тех, для кого удел «цветных» в сегодняшней Англии не является чем-то абстрактным, нельзя обойти вниманием деятельность ежемесячника «Серчлайт» и его издателя Мориса Ладмера. Крохотная редакция, состоящая из нескольких сотрудников, но располагающая широкой сетью добровольных помощников— противников расизма, не только выпускает журнал, но и создала свое информационное агентство. Единственная и главная тема всех публикаций — борьба против неофашизма, расовой дискриминации, преследования представителей национальных меньшинств.

Почти всю свою сознательную жизнь М. Ладмер боролся против фашизма и расизма. В конце войны он работал в Париже, в комиссии по военным захоронениям. И сразу после окончания войны ему довелось посетить один из гитлеровских концлагерей. Увиденное потрясло его. «Тогда-то я и поклялся посвятить свою жизнь борьбе против расизма», — говорит он. В Бирмингеме он возглавил координационный комитет против расовой дискриминации — объединение, охватывающее 28 организаций, в большинстве своем представляющих иммигрантов из стран Азии. Позднее, в 1975 году, были

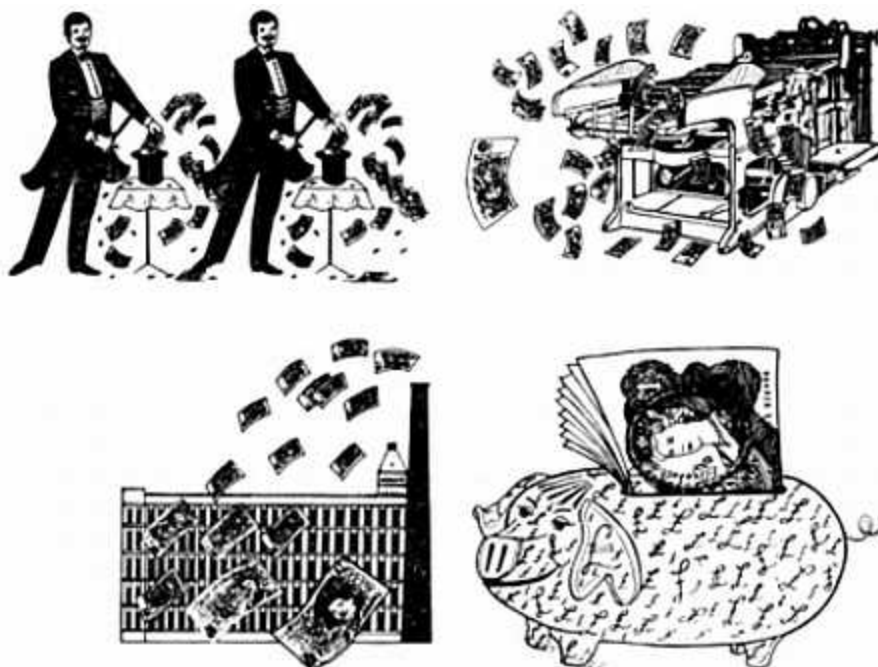
основаны журнал и информационное агентство. Большое подспорье для его деятельности— досье, которое Ладмер ведет с конца 40-х годов. «Наша задача — пробуждать в людях бдительность всякий раз, когда расизм поднимает голову», — заявляет он.

А чего могут ожидать «цветные» от различных правительственных комиссий и комитетов, якобы призванных играть роль некой прокладки между истеблишментом и этническими меньшинствами? Главная цель властей — выставить эти органы защитниками «цветных», убедить последних, что о них «пекутся», что следует проявлять добрую волю и не прибегать к таким крайним мерам, как выступления за свои права.

Первый такой орган — комитет по расовым отношениям— был создан после принятия в 1965 году закона о расовых отношениях. Второй орган — комиссия по общинным отношениям — после принятия в 1968 году нового закона о расовых отношениях. Эти законы формально объявляли незаконной дискриминацию в общественных местах, в сфере найма жилья, приема на работу, обслуживания, запрещали разжигание расовой ненависти. Следить за соблюдением положений этих законов должен был комитет, комиссия же была призвана всячески развивать «гармоничные отношения» между представителями разных рас⁵. Деятельность того и другого органа не привела ни к какому, даже пропагандистским успехам. Наоборот, к 70-м годам дискриминация «цветных» лишь усилилась, возросла напряженность в социальной жизни страны.

В 1976 году был принят уже третий закон о расовых отношениях, в частности позволявший производить официальные расследования случаев дискриминации. В 1977 году после слияния не снискавших никаких лавров комиссии и комитета был образован новый орган —

комиссия расового равенства (КРР). На нее была также возложена задача — «искоренить расовую дискриминацию и установить расовую гармонию»⁶. Каждому мало-мальски мыслящему человеку было ясно, что такая задача не по плечу и более мощной организации, нежели новоиспеченная комиссия с ее штатом, едва превышающим две сотни человек, к тому же назначаемых министерством внутренних дел⁷.

Правительственная комиссия расового равенства в своих многочисленных проспектах не скупится на советы, как темнокожим добиться улучшения своего положения «на вполне законных основаниях». Шутливые рисунки, которыми снабжены эти советы, призваны демонстрировать легкость, с которой могут быть решены все финансовые проблемы обездоленных

Желая, видимо, сразу же добиться шумных успехов, комиссия, во главе которой был поставлен Д. Лейн, занялась расследованием злоупотреблений в 45 фирмах

и организациях. Разумеется, предприниматели и чиновники всячески препятствовали расследованиям. В результате к середине 1981 года 35 дел так и оставались незавершенными⁸.

Первые годы работы КРР были отмечены шумным провалом. В 1980 году она организовала конференцию по проблемам многорасового обучения, состоявшуюся в Ноттингеме. По общему признанию, конференция потерпела фиаско, писала «Таймс»⁹. Да и как могло быть иначе, если устроители не пригласили выступить ни одного «цветного» жителя Великобритании? Темнокожие бойкотировали это странное мероприятие, в ходе которого даже возникла потасовка. Руководство КРР было вынуждено объявить о расследовании обстоятельств, приведших к скандалу. Спустя некоторое время делами КРР был вынужден заняться специальный подкомитет палаты общин в составе пяти парламентариев. Еще до окончания работы подкомитета трое руководящих деятелей КРР почли за благо поспешно покинуть эту организацию. Причем один из них, Ч. Боксер, имевший ранг директора, тут же обрушился на действия комиссии с резкой критикой. Впрочем, КРР находилась постоянно под перекрестным огнем. С левого фланга ей адресовались — и весьма обоснованно — обвинения в неэффективности, эти же аргументы приводили представители этнических меньшинств. С правого фланга раздавались требования прекратить вмешательство работников комиссии в существующую практику дискриминации.

В конце концов даже сами сотрудники КРР стали задаваться вопросом: как может созданная правительством комиссия выполнить возложенную на нее задачу, если само правительство не обнаруживает стремления внести вклад в улучшение межрасовых отношений? Вместо этого правительство ставит ей

палки к колеса. В частности, было сделано все, чтобы заблокировать начатое комиссией разбирательство деятельности службы иммиграции¹⁰.

Конечно, в числе работников КРР имелись люди, которые честно относились к своему делу, искренне стремились помочь представителям угнетаемых этнических меньшинств. С таким рвением мирились — но до поры до времени. Если человек переходил невидимую грань, определенную властями, его убирали, тем более что кадровые вопросы решали чиновники министерства внутренних дел. Так, однажды из комиссии были «убраны» сразу пятеро неугодных, четверо из них — «цветные». Один из них, юрист Пранлал Шет, заместитель председателя КРР, был известен тем, что публично уличал правительство в лицемерии, когда его представители говорили о намерении создать многорасовое общество. Он позволил себе высказать мысль, что «слова премьер-министра, министра внутренних дел и его младших министров расходятся с их делами». Совершенно очевидно, заявил Шет, что правительство не желает видеть в комиссии темнокожих, которые столь открыто клеймят и разоблачают его политику. Смещение четырех небелых членов КРР преследовало цель, по его словам, «посеять страх в сердцах представителей этнических меньшинств, задушить свободу высказывать собственное мнение»¹¹. Особенно если это мнение подобно высказанному им самим по поводу очередного съезда консерваторов. Этот съезд, по словам Шета, больше смахивал на сборище членов «национального фронта»¹².

Органическая неспособность комиссии расового равенства кардинально улучшить положение «цветных» становилась ясной все более широким слоям общественности. Бунты, прокатившиеся летом 1981

года по многим английским городам, показали, что никакие социальные громоотводы не в состоянии обезвредить ярость угнетенных обществом граждан «второго сорта». Работники КРР оказались отброшены в сторону мощными социальными выступлениями. Председателю комиссии Д. Лейну оставалось сетовать, что «он же предупреждал» о грядущем взрыве насилия. Однако, как писала «Гардиан», «букетов за эти заблаговременные предупреждения не вручали, поскольку вся система организаций, занимающихся расовыми отношениями, перед лицом мощных волнений оказалась буквально беспомощной; они были сродни строительным лесам, сооруженным вокруг здания в аварийном состоянии, но не прикрепленным к этому зданию»¹³. Сравнение убийственное, но и точное. Гласом вопиющего в пустыне стало обращение Д. Лейна со страниц печати одновременно и к правительственным инстанциям, и к местным властям, и к этническим меньшинствам, и к широкой общественности. Состоящее из 12 пунктов, это воззвание, в частности, призывало премьер-министра и других членов правительства «изменить нездоровый климат» путем произнесения убедительных речей, которые бы заставили представителей меньшинств ощутить себя частью британского многорасового общества. Представители общин должны принимать более активное участие в политической жизни страны, говорилось в другом пункте. Правительству самому надлежит стать образцовым работодателем. Полиция и этнические меньшинства должны делать шаги навстречу друг другу для налаживания взаимопонимания. Комиссия расового равенства для борьбы с расовой дискриминацией нуждается в адекватных материальных ассигнованиях, соответствующих существующим реалиям...¹⁴

Публичная акция председателя КРР лишний раз продемонстрировала общественности, что комиссия абсолютно беспомощна и лишена к тому же необходимых государственных субсидий. Однако отказываться от такого прикрытия для своей антигуманной экономической и социальной политики, как комиссия расового равенства, консерваторы, видимо, не сочли возможным. Для успокоения общественного мнения в нее «вдохнули новую жизнь»: Дэвида Лейна в председательском кресле сменил Питер Ньюсем. О подходе нового шефа к острейшим проблемам можно судить по одному из первых его заявлений, в котором он утверждал, что на реакцию общественности работникам КРР не следует обращать ни малейшего внимания¹⁵.

Какой-либо заметной отдачи не дал, да и не мог дать, подготовленный по запросу властей пространный отчет о событиях лета 1981 года в Брикстоне. Его составителем уполномочили быть одного из видных судей страны, лорда Скармэна. В отчете содержалось признание связи между безработицей и уличными беспорядками, констатировались «жесткие» методы подавления выступлений. Однако лорд Скармэн уклонился от рассмотрения вопросов, связанных с расистскими по своему характеру действиями британской полиции. Не получили глубокого анализа и острые проблемы, с которыми сталкиваются в повседневной жизни «цветные». В целом его выводы носили характер либеральных рекомендаций, направленных на поддержание статус-кво.

Разуверившись в способности и искреннем желании субсидируемых правительством организаций облегчить их положение, иммигранты стали создавать собственные объединения. Среди них — Вест-индская постоянная конференция, Постоянная конференция

пакистанских организаций, Ассоциация индийских рабочих, Постоянная конференция бангладешских организаций, Панафриканская организация, Ассоциация карибских учителей¹⁶ и многие другие. Летом 1980 года представители 50 иммигрантских организаций собрались, чтобы обсудить программу совместных действий в борьбе против расизма и дискриминации¹⁷.

Коммунисты — в авангарде борьбы за права обездоленных

Борьба иммигрантов за свои права принимает форму демонстраций, митингов, забастовок. Еще в начале 70-х годов произошла первая «расовая забастовка», как ее именует журнал «Жен Африк»¹⁸. Иногда прибегают и к более решительным шагам, таким, как, например, формирование патрульных групп. Одной из первых такие группы создала Организация благоденствия пакистанцев. В ответ на участвовавшие нападения расистов на представителей этнических меньшинств — в ряде случаев это кончалось смертельным исходом — активисты иммигрантской организации начали по вечерам и ночам охранять кварталы, населенные «цветными», в восточной части Лондона¹⁹. Если это и шаг отчаяния, то в свете попустительства полиции расистствующим хулиганам мотивы такого шага можно понять.

Активно участвуют в противодействии разгулу расизма многие члены профсоюза. Антинацистская лига, которая пользуется поддержкой почти ста профсоюзных организаций и объединений, уже спустя несколько месяцев после своего создания в 1978 году смогла мобилизовать 80 тысяч человек для участия в демонстрации протеста против расизма, состоявшейся в лондонском парке Виктория. Члены лиги и впоследствии устраивали антифашистские манифестации. Одна из них состоялась в апреле 1980 года — в знак протеста против провокационного марша 800 молодчиков из «национального фронта» по столичным улицам. В контрдемонстрации приняло участие, по данным «Таймс», от 500 до 1000 человек. И именно на них в основном обрушили свою ярость лондонские «бобби», в количестве трех с половиной тысяч оберегавшие покой неофашистов. Из 59 арестованных лишь 18 членов «фронта», остальные — члены антинацистской лиги²¹.

Всей семьей. На организованной коммунистами конференции, посвященной проблемам расизма и рабочего движения

Улицы английских городов все чаще становятся свидетелями демонстраций солидарности с жертвами расистской политики, манифестаций протеста против гонений. Весной 1984 года в Лондоне состоялись митинги и демонстрации протеста против очередной расистской акции властей — депортации молодой женщины с ребенком, уроженки Бангладеш. Ее муж, британский гражданин, погиб при тушении пожара. И судьба вдовы с ребенком тут же была решена²².

«Коммунисты говорят «нет!» расистским законам!» — под этим лозунгом представители КПВ во главе с ее Генеральным секретарем Гордоном Макленнаном приняли участие в массовой демонстрации протеста против дискриминационной политики тори весной 1983 года. Несмотря на дождь, пять тысяч демонстрантов, прибывших со всех концов страны, прошли по улицам центрального Лондона, а затем устроили митинг на Трафальгарской площади. Над площадью разносились призывы «освободиться от этого расистского правительства тори». Расистские законы, заявил представитель Афро-карибской ассоциации Уинстон Пиндер, преследуют цель держать под контролем не иммиграцию, но саму жизнь темнокожих. Выступавшие ораторы подчеркивали, что только единые действия черных и белых могут вынудить парламент занять твердую позицию против расизма²³.

Именно к единству действий последовательно призывают английские коммунисты. Они дают классовый анализ политики истеблишмента в расовых

вопросах, указывают, что в расчеты власть имущих входит раскол трудящихся по признаку цвета кожи.

В преддверии антирасистской демонстрации в 1983 году в Лондоне с большой статьей в газете английских коммунистов «Морнинг стар» выступил член Исполкома КПВ Дэвид Кук. Он вскрыл тайную механику получения социальных и экономических дивидендов от новых иммиграционных законов. Над людьми, сравнительно недавно прибывшими в страну, висит дамоклов меч депортации, который опускается, в случае если «цветной» попробует отстаивать свои права. Практически он оказывается во власти работодателя, который должен дать о нем отзыв для получения разрешения продолжать находиться в стране. Многие дельцы охотно нанимают людей, не имеющих таких официальных разрешений. С этими «цветными» не церемонятся — им можно недоплачивать, за них не надо вносить страховку и налог. Их труд настолько дешев, что позволяет таким предпринимателям конкурировать с дельцами из Гонконга или с Тайваня.

Обнажая бесчеловечные махинации дельцов, автор подчеркивает: в период нынешнего экономического кризиса работодатели используют иммиграционные законы и для того, чтобы держать рабочих в страхе перед полицейской облавой, а следовательно, под контролем, а, также в качестве метода избавления от лишних рабочих без выплаты выходного пособия — просто информируя службу иммиграции и таким образом провоцируя облаву²⁴.

Как видим у речь в сущности идет о чистогане прибыли, той самой прибавочной стоимости, без которой невозможен капитализм. А оружие борьбы у людей труда — единство рядов вне зависимости от цвета кожи и сознательная борьба за осознанные цели. «Сегодня условия для формирования большего

единства среди движений черного населения становятся реальными, — отмечал Д. Кук летом 1982 года. — Важно, чтобы рабочие организации, левые силы заняли позицию, которая способствовала бы союзу с такими движениями... Однако весьма часто левые занимают позицию, не отвечающую ситуации. Они ограничиваются тем, что клеймят действия полиции или же, напротив, пытаются направить недовольство черного населения лишь в русло борьбы против сокращения социальных правительственных расходов, за отстранение консерваторов от власти, склонны поучать его, диктовать, что ему следует делать... Левые силы не оценили должным образом сам факт возникновения и необходимости движений черного населения; им не удалось и преодолеть свои недостатки в подходе к вопросу о расизме в системе общественных институтов и в понимании природы британского государства».

«Коммунисты, — подводит итог Д. Кук, — всегда утверждали, что нужно выступать против несправедливых, антидемократических и расистских законов, бороться за их отмену и упразднение, независимо от того, пытаются при помощи этих законов обуздать профсоюзы или черное население страны... Компартия Великобритании уверена, что рабочее и демократическое движение отнюдь не бессильно перед лицом буржуазного государства»²⁵.

Задачи в национальном вопросе, которые ставят коммунисты, все прогрессивные силы промышленно развитых капиталистических стран, сводятся к тому, чтобы эти проблемы решались в русле борьбы за социальное освобождение, на базе союза трудящихся всех рас и национальностей. «Путь решения задач национального развития и социального прогресса, действенного отпора проискам неокOLONиализма — это

активизация народных масс, повышение роли пролетариата, крестьянства, сплочение трудящейся молодежи, студенчества, интеллигенции, городских средних слоев, демократических армейских кругов, всех патриотических прогрессивных сил. За такое сплочение выступают коммунистические и рабочие партии»²⁶, — отмечается в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года.

Представители этнических меньшинств все активнее включаются в движение против угрозы ядерной войны

Последовательную позицию осуждения дискриминации во всех ее формах занимает Советский Союз. Выступая на II Всемирной конференции по борьбе против расизма и расовой дискриминации, состоявшейся в 1983 году в Женеве, глава советской делегации выразил глубокую озабоченность ростом расистских настроений и проявлений дискриминации в целом ряде стран Запада. «Еще в момент создания Советского государства, — сказал оратор, — были провозглашены такие основы национальной политики, как равенство и суверенитет народов, отмена всех и

всяких расовых и национальных привилегий и ограничений. Руководствуясь ими, Советское государство и на международной арене последовательно выступает против расовой и национальной сегрегации и дискриминации, где бы они ни имели место, в каких бы формах ни проявлялись. Именно по инициативе СССР ООН приняла ряд важных документов, осуждающих расовую дискриминацию. На позициях бескомпромиссной борьбы против расизма стоят и другие страны социалистического содружества»
27.

Источники и литература

Введение

- 1 См.: Советская этнография, 1965, № 1, с. 140–143.
- 2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 22.
- 3 «Нет!» — расизму (сборник). М., 1969, с. 221.
- 4 Там же, с. 220.
- 5 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 174.
- 6 Современный расизм как он есть. М., 1980, с. 17.
- 7 Проблемы мира и социализма, 1977, № 8, с. 55–56.
- 8 См.: Правда, 1984, 17 мая.
- 9 См.: Новое время, 1983, № 32, с. 12.
- 10 Устав Организации Объединенных Наций. М., 1945, ст. 1, п. 3.
- 11 См.: Международная жизнь, 1964, № 1, с. 157–160.
- 12 Документы обличают расизм. М., 1968, с. 21.
- 13 Там же, с. 22.
- 14 «Нет!» — расизму, с. 246.
- 15 См.: Правда, 1984, 18 августа.
- 16 Правда, 1983, 1 августа.

Глава I

- 1 Guardian, 4.III.1980.
- 2 Encyclopaedia Britannica, 1962, vol. 4, p. 186–187.
- 3 Time, 20.VIII.1979, p. 7.
- 4 Ibidem.
- 5 Spiegel, 31.VII.1978, S. 111.
- 6 См.: Крылова Н. С. Английское государство. М., 1981, с. 87.
- 7 См. там же.
- 8 См.: Дружба народов, 1981, № 8, с. 200.

9 Time, 20.VIII.1979, p. 9.

10 Associated Press, 6. IV.1982.

Глава II

1 Guardian, 22.II.1980.

2 Ibidem.

3 Observer, 4.XI. 1979.

4 Ibidem.

5 Guardian, 4.XII.1979.

6 Times, 15.V.1981.

7 Times, 19.IV.1980.

8 Times, 6.IV.1982.

9 Ibidem.

10 Ibidem.

11 Guardian, 10.IX.1981.

12 Ibidem.

13 Ibidem.

14 Times, 23.II.1981.

15 Ibidem.

16 Guardian, 4.XII.1979.

17 Ibidem.

18 Guardian, 16.XII.1980, p. I.

19 Ibid., p. 2.

20 Ibidem.

21 Ibidem.

22 Ibidem.

23 Ibidem,

24 Guardian, 26.XI. 1980.

25 Guardian, 25.XI.1980.

26 Guardian, 23.II.1982.

27 Ibidem.

28 Guardian, 16.XII.1980.
29 Guardian, 11.II.1982.
30 Ibidem.
31 Guardian, 16.XII.1980.
32 Guardian, 21.XI.1979.
33 Guardian, 10.X.1980.
34 Ibidem.
35 Ibidem.
36 Guardian, 10.V. 1982.
37 Guardian, 26.III.1982.
38 Guardian, 16.XI.1980.
39 Guardian, 5.XII.1979.
40 Times, 21.X.1980.
41 Ibidem.
42 Times, 30.X.1980.
43 Guardian, 12.II.1982.
44 Guardian, 17.II.1982.
45 Guardian, 20.III.1981.
46 Ibidem.
47 Times, 20.III.1981.
48 Guardian, 31.X.1981.
49 Ibidem.
50 Observer, 17.V.1981. si Times, 18.V.1981.
52 Guardian, 2.XI.1981.
63 Times, 7.VIII.1980.
54 Ibidem.
55 Guardian, 11.II.1982.
56 Ibidem.
57 Ibidem.
68 Times, 16.IX.1981.

- 59 Ibidem.
- 60 Times, 25.IX.1981.
- 61 Guardian, 9.XI.1981.
- 62 Ibidem.
- 63 Times, 26.IX.1981.
- 64 Guardian, 10.V.1982.
- 65 Times, 13.X.1981.
- 66 Guardian, 13.X.1981.
- 67 Times, 13.X.1981.
- 68 Guardian, 13.X.1981.
- 69 Guardian, 24.XI.1981.
- 70 Guardian, 26.IX.1981.
- 71 Times, 13.X.1981.
- 72 Guardian, 10.V.1982.
- 73 Guardian, 14.X.1981.
- 74 Times, 15.X.1981.
- 75 См.: Правда, 1984, 9 мая.
- 76 Tribune, 11.V.1984.

Глава III

- 1 Guardian, 19.X.1979.
- 2 Ibidem.
- 3 *Nugent N., King R.* Ethnic minorities, scapegoating and the extreme right. — In: Racism and political action in Britain. London, Henley and Boston, 1979, p. 41.
- 4 The employment and training needs of the Bengali community in Tower Hamlets. Summary report. Mears Caldwell Hacker. London, 1980, p. 1—20.
- 5 Ibid., p. 17–19.
- 6 Times, 20.VIII.1980.
- 7 Times, 14.XII.1982.
- 6 Times, 7.II.1980.

- 9 Guardian, 20.VIII. 1981.
- 10 Guardian, 6.IX.1982.
- 11 Ibidem.
- 12 Guardian, 13.Vin.1982.
- 13 Ibidem.
- 14 Guardian, 30.IX.1982.
- 15 Ibidem.
- 16 Guardian, 25.X.1982.
- 17 Ibidem.
- 18 Ibidem.
- 19 Guardian, 30.IX.1982.
- 20 Morning Star, 25.I.1983.
- 21 Ibidem.
- 22 *Rex J.* Black militancy and class conflict. — In: Racism and political action in Britain, p. 78.
- 23 См.: *Михайлов С.* Английский вариант. — Дружба народов, 1981, № 8, с. 206.
- 24 См. там же, с. 207.
- 25 Times, 17.1.1984.
- 26 Morning Star, 12. VIII.1982.
- 27 Guardian, 7.VII.1980.
- 28 Ibidem.
- 29 Guardian, 16.X.1982.
- 30 Times, 17.X.1982.
- 31 Guardian, 11.VIII.1982.
- 32 Morning Star, 31. VIII.1982.
- 33 Guardian, 11.VIII. 1982.
- 34 Morning Star,
31. VII.1982.
- 35 Guardian, 4.V. 1981.

36 Racial discrimination. A guide to the Race Relations Act 1976. Home Office. London, 1977, p. 8.

37 Ibid., p. 1.

38 Guardian, 4.V.1981.

39 Guardian, 21.II.1980.

40 Ibidem.

41 Guardian, 29.IX.1982.

42 Observer, 7.XI.1982.

43 Tribune, 3.IX.1982.

44 Ethnic minorities in Britain. Stationary Office. London, 1981; Times, 20.VIII.1981.

45 Times, 18.Vin.1981.

46 Guardian, 25.П.1981.

47 *Dhooge Y.* Ethnic Difference and Industrial Conflicts, University of Aston, Birmingham. — Guardian, 11.V.1982.

48 Проблемы мира и социализма, 1982, № 6, с. 84.

Глава IV

1 Guardian, 27.III. 1980.

2 Brick Lane and Beyond: an inquiry into racial strife and violence in Tower Hamlets, published by Commission for Racial Equality. London, 1979, p. 23.

3 Ibid., p. 12.

4 Ibid., p. 13.

5 Ibid., p. 23.

6 Observer, 1.VI. 1980.

7 Ibidem.

8 Times, 19.IV.1980.

9 Times, 23.V.1981.

10 Guardian, 20.XI.1981.

11 Guardian, 23.XII.1982.

12 Ibidem.

13 Ethnic Minorities and the availability of Mortgages. University of Leeds, 1981; Guardian, 26. X.1981.

14 Guardian, 16.X.1980.

15 Ethnic Minorities in Britain. Stationary Office. London, 1981; Guardian, 20. VIII.1981.

16 Guardian, 13.IV.1982.

17 Guardian, 5.VI.1984.

18 Guardian, 13.IV. 1982.

Глава V

1 Guardian, 4.XII.1979.

2 Ibidem.

3 Ibidem.

4 Jeune Afrique, 9.VII. 1976, p. 55.

5 Evening Standard, 27. Ш.1977.

6 *Cottle T.* Black Testimony. London, Wildwood House, 1978 (цит. по: Иностранная литература, 1980, № 11, с. 236-237).

7 U.S. News and World Report, 22.XII.1975, p. 67.

8 Guardian, 24.XI.1980.

9 Times, 16.X.1980.

10 Guardian, 31.VII. 1982.

11 Guardian, 27.IX.1982.

12 Morning Star, 29.IX.1982.

13 Times, 29.IX.1982.

14 См.: Правда, 1983, 8 июня.

15 Times, 20.VIII. 1980.

16 Times, 5.X.1982.

17 Guardian, 1.VII.1980.

18 Guardian, 6.III. 1984.

Глава VI

- 1 Times, 28.II.1981.
- 2 Ibidem.
- 3 *Taylor S.* The National Front: Anatomy of a political movement. — In: Racism and political action in Britain. London, Hennley and Boston, 1979, p. 127.
- 4 Ibidem.
- 5 Observer, 11.IX.1977.
- 6 *Taylor S.* Op. cit., p. 133.
- 7 Sunday Times, 20.VI.1976.
- 8 New Society, 15.V. 1975, p. 403-405.
- 9 *Taylor S.* Op. cit., p. 135.
- 10 Ibid., p. 145.
- 11 *Nugent N., King R.* Ethnic minorities, scapegoating and the extreme right. — In: Racism and Political Action in Britain, p. 31.
- 12 Ibid., p. 32.
- 13 Ibid., p. 48.
- 14 Ibid., p. 32.
- 15 *Garrard J.* The English and Immigration. Oxford University Press. London, 1971, p. 49.
- 16 Blackshirt, 2.XII.1933.
- 17 *Taylor S.* Op. cit., p. 134-135.
- 18 Sunday Telegraph, 9.X.1977
- 19 Times, 27.VI; 1980.
- 20 Ibidem.
- 21 Times, 1.III.1980.
- 22 Ibidem.
- 23 Guardian, 8.XII.1980.
- 24 Times, 16.II.1981.
- 25 Ibidem.
- 26 Guardian, 8.XII.1980.
- 27 *Taylor S.* Op. cit., p. 126.

28 Observer, 9.XI.1980.
29 Ibidem.
30 Ibidem.
31 Ibidem.
32 Times, 28.II.1981.
33 Observer, 9.XI.1980.
34 Ibidem.
35 Ibidem.
36 Times, 25.VII.1981.
37 Guardian, 27.VIII. 1981.
38 Times, 28.VIII.1981.
39 Guardian, 8.I.1982.
40 Times, 25.VIII.1981.
41 Guardian, 8.I.1982.
42 Ibidem.
43 Times, 28.VIII.1981.
44 Guardian, 30.IX.1981.
45 Guardian, 9.I.1982.
46 Guardian, 13.I.1982.
47 Guardian, 30.X.1979.
48 Guardian, 31.X.1979.
49 Ibidem.
50 Associated Press, 29.IV.1980.
51 Guardian, 19.V.1984.
52 Spiegel, 31.VII.1978, S. 114.
53 Ibidem.
54 Times, 18.IV.1980.
65 Ibidem.
56 Guardian, 3.III.1980.
57 Guardian, 15.IX.1980.

- 58 Ibidem.
- 59 Ibidem.
- 60 Guardian, 18.II.1982.
- 61 Guardian, 29.VIII.1981.
- 62 Ibidem.
- 63 Ibidem.
- 64 Times, 27.X.1981.
- 65 Guardian, 15.X.1981.
- 66 Guardian, 23.V.1980.
- 67 Taylor S. Op. cit., p. 124.
- 68 Associated Press, 29. IV.1980.
- 69 Observer, 16.XI.1980.
- 70 Times, 24.XI.1980.
- 71 Guardian, 24.XI.1980.
- 72 Observer, 16.XI.1980.
- 73 Ibidem.
- 74 Ibidem.
- 75 Ibidem.
- 76 Guardian, 21.I.1981.
- 77 Ibidem.
- 78 Ibidem.
- 79 Observer, 16.XI.1980.
- 80 Observer, 26.IV.1981.
- 81 Ibidem.
- 82 Guardian, 5.I.1982.
- 83 Tribune, 24.II.1984.

Глава VII

- 1 Times, 25.III.1980.
- 2 Morning Star, 21.VIII; 26.X.1982.

3 Police interrogation. Royal Commission on criminal procedure. London: Her Majesty's Stationary Office, 1980, p. 100.

4 Ibid., p. 134.

5 Guardian, 9.III.1981.

6 Ibidem.

7 Guardian, 22.XII.1982.

8 Guardian, 8.VII; 23.VII.1980; Times, 27.VII.1980.

9 Observer, 7.II.1982.

10 Times, 24.IV.1982; Times, 25.IV.1982.

11 Times, 28.II.1983.

12 Ibidem.

13 Morning Star, 24.I.1983.

14 Morning Star, 21.II. 1983.

15 Morning Star, 18.II.1983.

16 Morning Star, 21.II.1983.

17 Times, 15.III.1982.

18 Guardian, 27.I.1981.

19 Times, 31.I.1981.

20 Ibidem.

21 Guardian, 27.VIII.1981.

22 Time, 20.VIII.1979, p. 11.

23 Monde-Dimanche, 14.VI.1981.

24 Guardian, 22.II.1980.

25 Guardian, 25.II.1980.

26 Morning Star, 31. VIII.1981.

27 Times, 24.VII.1981.

28 Morning Star, 31.VIII.1981.

29 Monde-Dimanche, 14.VI. 1981.

30 Ibidem.

31 Ibidem.

- 32 Ibidem.
- 33 Tribune, 17.XII.1982.
- 34 Ibidem.
- 35 Evening Standard, 24.IV.1982.
- 36 Tribune, 17.XII.1982.
- 37 Ibidem.
- 38 Guardian, 28.II.1980.
- 39 Guardian, 25.VIII.1982.
- 40 Ibidem.
- 41 Times, 20.VII. 1982.
- 42 Times, 3.II.1983.
- 43 Observer, 10.X. 1982.
- 44 Observer, 24.I.1982.
- 45 Observer, 5.IX.1981.
- 46 Guardian, 1.XII.1982.
- 47 Times, 10.I.1983.

Глава VIII

- 1 Guardian, 14.IV. 1980.
- 2 Monde Diplomatique, 1981, juin.
- 3 Probation and After Care in Multi-Racial Society. Report by Commission for Racial Equality and West Midlands Probation and After Care Service, 1981; Guardian, 19.V.1981.
- 4 Guardian, 4.II.1980.
- 5 Ibidem.
- 6 Guardian, 4.I.1982.
- 7 Ibidem.
- 8 Ibidem.
- 9 Guardian, 6.I.1982.
- 10 Guardian, 4.I.1982.

11 Report of Work of the Prison Department, HMSO, 1981; Guardian, 30.IV.1982.

12 Guardian, 12.III.1982.

Глава IX

1 Guardian, 5.IV.1980.

2 Ibidem.

3 Ibidem.

4 Ibidem.

5 Times, 5.IV.1980.

6 Times, 7.IV.1980.

7 Ibidem.

8 Ibidem.

9 Цит. по: За рубежом, 1980, № 16, с. 4.

10 Guardian, 28.VI. 1980.

11 Observer, 29.VI. 1980.

12 Ibidem.

13 Times, 4.XI.1980.

Глава X

1 Guardian, 16.VI.1981.

2 Ibidem.

3 Ibidem.

4 Guardian, 15.IV.1981.

5 Times, 7.VII.1981.

6 Times, 6.VII.1981.

7 Guardian, 15.IV.1981.

8 Ibidem.

9 Ibidem.

1 °См.: Правда, 1981, 27 апреля.

11 См.: Правда, 1981, 14 апреля.

- 12 См. там же.
- 13 Observer, 19.IV.1981.
- 14 Ibidem.
- 15 Ibidem.
- 16 Ibidem.
- 17 Ibidem.
- 18 Times, 23.V.1981.
- 19 Times, 19.VI.1981.
- 20 Ibidem.
- 21 Ibidem.
- 22 Times, 30.X.1981.
- 23 Observer, 12.VII. 1981.
- 24 Observer, 5.VII.1981.
- 25 Times, 6.VII.1981.
- 26 Ibidem.
- 27 Guardian, 7.VII.1981.
- 28 Ibidem.
- 29 Ibidem.
- 30 Times, 6.VII.1981.
- 31 Цит. по: За рубежом, 1981. № 31, с. 16.
- 32 Цит. по: там же.
- 33 Цит. по: За рубежом, 1981. № 29, с. 10.
- 34 Цит. по: там же.
- 35 См. там же.
- 36 Daily Telegraph, 7. VII.1981.
- 37 Guardian, 18.VIII.1981.
- 38 Guardian, 5.IX.1981.
- 39 Guardian, 18.VIII.1981.
- 40 Ibidem.
- 41 Ibidem.

- 42 Guardian, 2.IX.1981.
- 43 Ibidem.
- 44 Ibidem.
- 45 Ibidem.
- 46 Reuter, 15.VII. 1981.
- 47 Ibidem.
- 48 Reuter, 11.VII.1981.
- 49 Ibidem.
- 60 Ibidem.
- 51 Monde Diplomatique, 1981, аout.
- 52 Цит. по: За рубежом, 1981, № 29, с. 10.
- 53 Sun, 10.VII.1981.
- 54 См.: Правда, 1981, 17 июля.
- 55 Цит. по: За рубежом, 1981, № 29, с. 11.
- 56 United Press International, 28. VII. 1982.
- 57 Цит. по: Новое время, 1982, № 35, с. 17.
- 58 Times, 31.VII.1982.

Глава XI

- 1 Morning Star, 31.XII.1982.
- 2 Guardian, 30.XII.1982.
- 3 Ibidem.
- 4 Ibidem.
- 5 Africa, 1981, January, p. 54-55.
- 6 Guardian, 30.XП.1982.
- 7 Guardian, 12.X.1979.
- 8 Observer, 4.XI.1979.
- 9 Observer, 14.X.1979.
- 10 Ibidem.
- 11 Morning Star, 17.1.1981.
- 12 Labour Monthly, 1980, January.

13 См.: Новое время, 1981, № 46 с. 22.

14 Labour Monthly, 1980, January.

15 Ibidem.

16 Ibidem.

17 Ibidem.

18 Times, 21.III.1980.

19 Times of India, 19.1.1981.

20 Hindustan Times, 20.1.1981.

21 См.: Правда, 1981, 9 апреля.

22 Guardian, 29.IX.1981.

23 Ibidem.

24 См.: Правда, 1981, 1 ноября.

25 Times, 10.II.1983.

26 Times, 16.II.1983.

27 Guardian, 16.VII. 1982.

28 Times, 22.III.1982.

29 Ibidem.

Глава XII

1 Guardian, 27.XII.1980.

2 Guardian, 15.IX.1981.

3 Ibidem.

4 Observer, 4.X.1981.

5 Times, 26.V.1981.

6 Ibidem.

7 Times, 16.III.1981.

8 Times, 26.V.1981.

9 Ibidem.

10 Ibidem.

11 Times, 5.IV.1980.

12 Observer, 20;IV.1980.

- 13 Guardian, 20.IV.1981.
14 Guardian, 2.XI.1981.
15 Guardian, 15.X.1982. Times, 15.IV.1980.
17 Guardian, 5.VII.1980.
18 Jeune Afrique, 9.VII.1979, p. 55.
19 Guardian, 18.1.1982.
20 Новое время, 1980, № 30, с. 23.
21 Times, 21.IV.1980.
22 Tribune, 11.V.1984.
23 Morning Star, 28.III. 1983.
24 Morning Star, 26.III. 1983.
25 Проблемы мира и социализма, 1982, № 6, с. 84.
26 Международное Совещание коммунистических и рабочих партий.
Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 313.
27 Правда, 1983, 4 августа.

* * *

Рецензенты:

член-корреспондент АН СССР *И. Р. Григулевич*,
политический обозреватель Гостелерадио СССР *Б. А. Калягин*

Заведующий редакцией *А. Л. Ларионов*

Редактор *З. В. Макарова*

Младший редактор *А. П. Овсепян*

Оформление художника *Ф. Г. Миллера*

Художественный редактор *А. М. Павлов*

Технический редактор *Е. А. Молодова*

Корректор *З. Н. Смирнова*

* * *

ИБ № 2388

Сдано в набор 12.11.84. Подписано в печать 05.03.85. А03947. Формат 84x108¹/32. Бум. тип. № 1. Школьн. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 12,60. Усл. кр. — отт. 13, 44. Учетно-издательских листов 13,47. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3888. Цена 60 к.

Издательство «Мысль» 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054. Москва, Валовая, 28

60 коп.

* * *

На первой сторонке обложки:

Эти темнокожие попытались выступить против расистских порядков (рисунок выполнен художником Н. Н. Чилибушкиным по материалам зарубежной прессы)

Не исключено, что именно так завтра будет выглядеть экипировка блюстителей порядка

* * *

В книге использованы фотографии из английских газет «Морнинг стар», «Трибюн», «Гардиан», «Обсервер», «Таймс», изданий комиссии расового равенства (Великобритания), журналов «Тайм» (США), «Шпигель» (ФРГ)

---

notes

Примечания

Летом 1984 года мировой общественности стали известны факты о разработке в ЮАР так называемого этнического оружия. Создатели этого варварского оружия исходили из наличия генетических особенностей у представителей различных рас. С помощью определенных ядов и бактерий планируется поражать представителей одной расовой группы, оставляя вне сферы поражения представителей другой или других. Совершенно очевидно, что речь идет о разработке оружия, способного поражать черных и «цветных» жителей, гарантируя безопасность белым. Комитет ООН по деколонизации принял решение вынести этот вопрос на обсуждение.

Термин, появившийся после обретения независимости рядом британских колоний с преобладающим небелым населением, вошедших в состав Содружества.